
ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

№ 2
2010

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель –
ФГОУ ВПО «Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Редакционный совет

Зиннуров Ф.К. - ответственный редактор, к.п.н.;
Миронов С.Н. - заместитель ответственного редактора, к.и.н., доцент;
Хисамутдинов Ф.Р. - заместитель ответственного редактора, к.ю.н., доцент;
Кабилов Д.Э. - ответственный секретарь редакционной коллегии, к.и.н.

Члены редакционной коллегии:

Алиуллов Р.Р., д.ю.н.;
Ахметзянова Г.Р., к.филол.н., доцент;
Валеев А.Б., к.филол.н., доцент;
Гарафутдинов М.Р., к.ю.н., доцент;
Згадзай О.Э., к.ф.-м.н., доцент;
Казанцев С.Я., д.пед.н., к.ю.н., профессор;
Клетнева Е.Г., к.ю.н.;
Комлев Ю.Ю., д.с.н., профессор;
Коньк Ю.Г.;
Марданов Д.Р., к.пед.н., доцент;
Муратова Н.Г., д.ю.н., профессор;
Синников В.Б., к.пед.н., доцент;
Сундунов Ф.Р., д.ю.н., профессор;
Талан М.В., д.ю.н., профессор;
Фаткуллин Ф.Ф., к.фил.н., доцент;
Шалагин А.Е., к.ю.н., доцент;
Шляхтин Е.П.;
Шмелева Н.А., к.и.н., профессор

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

- Комлев Ю.Ю.**
Рестриктивный социальный контроль и совершенствование превенции экстремизма в молодежной среде..... 3
- Латов Ю.В.**
Отражение в сознании сотрудников ОВД проблем предупреждения деятельности деструктивных религиозных организаций..... 13
- Фатихова Н.В.**
Социологическая оценка текучести кадров ОВД РТ и пути укрепления кадрового потенциала..... 25

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

- Векленко С.В., Петров С.А.**
Уголовно-правовые проблемы определения субъекта мошенничества..... 32
- Сундунов Ф.Р.**
Индивидуализация наказания как одно из направлений российской уголовно-правовой политики..... 39
- Шалагин А.Е.**
О некоторых особенностях предупреждения преступлений, связанных с проституцией..... 44
- Лабутин А.А.**
Об опыте работы органов внутренних дел по предупреждению корыстно-насильственной преступности в отношении перевозчиков денежных средств..... 50
- Хафизова Л.С.**
Финансовая преступность как явление..... 59
- Демидова Е.В.**

Подписано в печать 01.12.2010 г.
 Формат 60x84 1/8
 Усл.печ.л.16,67 Гарнитура Таймс.
 Печать офсетная.
 Тираж 100 экз. Цена свободная.

©Казанский юридический институт
 МВД России
 Организационно-научное и редакционно-
 издательское отделение
 vestnikkui@mail.ru
 420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128

Экстремизм: понятие и сущность.....	66
Сафин Н.М.	
О мотивах преступлений экстремистской направленности	70
Богдановская В.А.	
Анализ правового регулирования уголовной ответственности юридических лиц в зарубежных странах.....	73

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И ОРА

Закиров С.Г.	
Выдвижение версий и планирование мероприятий по приостановленным уголовным делам о грабежах и разбоях, направленных на установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого	81

Хайдаров А.А.	
Судейское (судебное) усмотрение и его пределы в стадии надзорного производства.....	87
Низамов Р.Д.	
Особенности оперативно-розыскной деятельности, связанной с документированием незаконного получения кредита	94

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Коробов В.Б.	
Механизм выявления и разрешения конфликта интересов в служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел.....	101
Болдырев С.Н.	
Юридическая техника в системе теоретико-правовых категорий.....	106
Фаткуллин Ф.Ф. Кашапова А.И.	
Коррупция: социологический и государственно-правовой аспекты.....	112
Клетнева Е.Г.	
Наградное оружие как объект гражданско-правовых отношений.....	119

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Казанцева Л.А., Казанцев С.Я.	
Стратегии и перспективы развития культуры учебно-исследовательской деятельности студентов.....	125
Туругина Е.Э.	
Формирование профессиональных навыков будущих юристов в процессе изучения основ информационных технологий.....	129
Кабирова А.Ш., Багманова Э.З.	
Деятельность государственных и общественных организаций по охране детства в годы Великой Отечественной войны (на материалах Татарстана).....	132
Набиев Р.Ф.	
Письменные источники о тунгусо-маньчжурах в Восточной Европе.....	139
Бурмистрова Ю.Ю.	
Постмодернистская традиция в исследовании культуры.....	146

Трибуна Молодым

Абдулганеев Р.Р.	
Религиозный экстремизм: подходы к пониманию.....	151
Сахапов И.Р.	
Причинный комплекс коррупции в органах внутренних дел Российской Федерации.....	154
Ягудин А.Н.	
Санкции за нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сетей, предусмотренных ст. 274 УК РФ.....	159

НАУКА И ПРАКТИКА

Галямов М.Н.	
Об опыте МВД по Республике Татарстан в противодействии неформальным молодежным объединениям экстремистской направленности.....	164
Клетнева Е.Г.	
Значение юридической клиники для учебного процесса в КЮИ МВД России.....	169

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кирилова И.С.

Международная научно-практическая конференция «Совершенствование гражданского законодательства Российской Федерации: вопросы адаптации изменений в научной и учебно-методической деятельности».....

171

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.....

172

Ю.Ю. Комлев

доктор социологических наук, профессор,
начальник кафедры философии, политологии, социологии и
психологии КЮИ МВД России

РЕСТРИКТИВНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

ПРЕВЕНЦИИ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

В статье раскрывается превентивный потенциал рестриктивного социального контроля по противодействию экстремизму в молодежной среде. Автором сформулированы методологические предпосылки и основные концепты теории рестриктивного социального контроля на трех уровнях социального сдерживания: личностном, групповом, институциональном.

В последние десятилетия в странах Запада и Востока возникли десятки экстремистских групп и движений, проповедующих различные варианты национализма, религиозного фундаментализма, фашизма, идеи конца света, — от индуистских националистов до немецких неонацистов («Ветвь Давида», «Уэйко», «Аум Синрике», «Хезболла», «Аль-Каида», «Хизб ут-Тахрир» и др.).

Экстремизм, или ультраизм, как социальное явление, состоящее в выборе и отстаивании крайних взглядов с применением насильственных действий (беспорядки, гражданское неповиновение, теракты, партизанская война и др.), все активнее заявляет о себе в сфере политики и религиозной жизни, в межэтнических и экономических отношениях.

Актуальность социологических исследований экстремизма связана как с широким распространением этого сложного, латентного и многоликого явления, так и со снижением эффективности традиционного репрессивно ориентированного социального контроля над ним, особенно в начале XXI века в США, Западной Европе, Турции, России и других странах.

По данным Департамента по противодействию экстремизму МВД России, в стране в настоящее время действует более 150 радикальных группировок и каждый год возникают все новые экстремистские

группы. Как следствие — число преступлений экстремистской направленности, совершенных на почве национальной, расовой или религиозной ненависти, неуклонно растет. В частности, за первое полугодие 2010 года было зафиксировано 370 таких преступлений. Это на 39 процентов больше показателя за аналогичный период прошлого года. За весь 2007 год правоохранительные органы зафиксировали 356 подобных преступлений, за 2008 — 460, а за 2009 году — уже 548. По данным Московского бюро по правам человека (МОПЧ), в первом полугодии 2010 года было зафиксировано 90 нападений на почве ксенофобии, 22 человека погибли и 105 ранены. За аналогичный период в 2009 было зафиксировано 43 погибших и 168 пострадавших, в 2008 г. — 78 погибших, 268 пострадавших [1].

В Татарстане накоплен богатый опыт межэтнической и межконфессиональной толерантности, но и в таком относительно благополучном регионе страны постоянно возникают эксцессы экстремистского толка, сталкиваются представители радикальных молодежных групп, а оболваненные ортодоксальными религиозными идеями молодчики участвуют как в экстремистских акциях, так и кровавых терактах, в частности, на Северном Кавказе. Анализ обзоров ИЦ МВД по РТ показывает, что с 2007 по 2010 годы только количество

зарегистрированных преступлений экстремистской направленности увеличилось втрое.

В России и ряде других стран разрабатываются и реализуются национальные и международные проекты по противодействию экстремизму и ксенофобии («Климат доверия», «Всемирная программа действий, касающихся молодежи, до 2000 года и на последующий период», «Ресоциализация несовершеннолетних: проектный опыт», «Развитие системы социальных служб для уязвимых групп населения», «Дети и молодежь групп риска», «Новое поколение» и многие другие). В этих программах используются как результаты эмпирических исследований, так и передовой профилактический опыт, однако эскалация экстремизма в молодежной среде продолжается.

Одна из научных проблем в этой области состоит в том, что социологическими средствами не разработана адекватная современности теория социального контроля над проявлениями экстремизма, особенно в молодежной среде. В силу слабости фундаментального осмысления проблемы и по ряду других весомых геополитических, этнокультурных, экономических и иных социальных причин практические решения в области антиэкстремизма нередко носят недостаточно обоснованный, бессистемный, рецидивирующий характер и все еще воспроизводят традиционные, социально неэффективные репрессивные практики контроля в ущерб превентивным мерам общественного и государственного реагирования на экстремизм.

Анализ научных источников показывает, что проблематика социального порядка и контроля – предмет основательного обсуждения в работах И.Бентама, Ч.Беккариа, Ч.Ломброзо, А.Кетле, О.Конта, К.Маркса, Г.Тарда, М.Вебера, Э.Дюркгейма, Э.Росса, Р.Парка, Э.Берджеса, У.Самнера, Т.Парсонса, Р.Мертсона, А.Рейса, Ф.И.Ная, Ф.Грэшера, У.Реклесса, Т.Хирши, М.Готфредсона, М.Фуко, И.Гоффмана, Д.Гарланда, Т.Дамма и др.

Категорию «социальный контроль» в контексте обеспечения социального порядка

концептуализирует американский социолог Эдвард Росс на рубеже XX века в одной из первых монотеорий контроля. С более узких девиантологических позиций новый импульс развития монотеории контроля получают в работах А.Рейса, Ф.И.Ная, У.Реклесса, Т.Хирши и др. В конце XX века с монотеориями начинают конкурировать интегративные (поли) теории социального контроля, которые создаются девиантологами: Р.Айкерсом, Ф.Пирсоном, Н.Уейнером, Д.Эллиотом, Т.Торнбери, Ч.Титлом, А.Лиской, Р.Сэмпсоном, Дж.Лаубе, Б.Вилой, Б.Арриго, Т.Мифом и Р.Меером, Б.Татумом и Г.Бараком. В итоге интегративный теоретический дискурс оказывается более продуктивным, поскольку рассматривает феномен девиантности не фрагментарно, как в монотеориях, а комплексно, не только как практику, но и как конвенциональную социальную конструкцию, что в большей степени отвечает релятивизации и девиантизации общества постмодерна.

В российском обществоведении изучение и анализ вопросов социального контроля имеет сравнительно неглубокие корни. Первым, кто затронул эту тему, был П.А.Сорокин в работе «Преступление и кара: подвиг и награда». В трудах отечественных ученых в 20-е годы XX века, среди которых К.Герман, М.Гернет, А.Рапопорт, П.Люблинский, И.Введенский, содержалось немало конструктивных идей, посвященных проблемам контроля над делинквентным поведением. Однако в годы тоталитаризма по политическим мотивам социологические исследования проблем социального контроля не проводились. Разработки в области социального контроля начинаются только с 70-80-х годов прошлого столетия. Это труды Я.Гилинского, В.Афанасьева, Д.Ротмана, И.Маточкина, В.Кудрявцева, Г.Миньковского, В.Лунеева, А.Яковлева, В.Овчинского, С.Дикаева, Е.Змановской, Н.Фатхуллина, А.Салагаева, С.Олькова и др. На рубеже XXI века новые работы по теории социального контроля в России единичны (Я.Гилинский, С.Дикаев, И.Грошева), тем более с позиций интегративной перспективы анализа (Т.Шипунова, Ю.Комлев) [2].

В статье представлены основные научные результаты, полученные на кафедре философии, политологии и психологии КЮИ МВД России по итогам применения ретроспективного анализа теорий и форм социального контроля, компаративистики и теоретического синтеза.

Девиантологическое понимание экстремизма: причины и проблемы профилактики. Девиантное, или отклоняющееся, поведение как объект исследования и социального контроля в современном обществе заявляет о себе во все более разнообразных формах, имеющих общий генезис и находящихся в сложных взаимосвязях и зависимости от экономических и социальных условий современности. Наряду с преступностью, терроризмом, к наиболее опасным проявлениям девиантности следует, несомненно, отнести экстремизм во всех его формах (политический, религиозный, экономический, информационный, спортивный и прочие). Экстремизм как вариант девиантной адаптации, по терминологии Р.Мертон, есть путь «бунтарства», «мятежа», когда происходит отступление или отказ от принятых в обществе социально одобряемых целей и приемлемых средств их достижения, а взамен «бунтари» декларируют свои новые цели и средства их достижения [3].

Впрочем, «экстремизм» – понятие дискуссионное. Оно не имеет единого определения, на что указывают авторитетные эксперты по вопросам экстремистской деятельности и ультраистских организаций П.Кулеман и А.Бартоли в работе «Adressing Extremism» [4]. Эти исследователи отдают предпочтение трактовке экстремизма, близкой к девиантологической версии. Они считают, что экстремизм (от лат. *extremus* - крайний) – «деятельность, а также убеждения, отношение к чему-то или кому-то, чувства, действия, стратегии личности, далекие от общепринятых» [5].

В данной работе предлагается трактовать экстремизм как совокупность девиантных практик, которые состоят в выборе и отстаивании крайних взглядов, позиций с

применением нелегитимных, нередко насильственных действий и средств, противоречащих общепринятым социальным нормам современного общества.

С девиантологической точки зрения сложность определения экстремизма состоит в том, что все его понятийные версии есть социальные конструкты, поскольку само явление как вид девиантности имеет релятивный, конвенциональный характер. Этот факт легко иллюстрируют исторические примеры и знаменитые лидеры национально-освободительных и революционных движений. Так, пока Н.Мандела боролся партизанскими средствами с режимом апартеида в ЮАР, он был экстремистом, как только стал президентом, то его жизнь представляется эталоном борьбы за национальное освобождение. В этом ряду можно поставить имена всех известных революционных и этнических бунтарей. Словом, в зависимости от политического, исторического контекстов одни и те же действия определяются разными субъектами как «борьба за свободу» или как антиобщественный терроризм, поскольку экстремистская деятельность часто связана с насилием или угрозой его применения.

Экстремизм - острая социальная проблема для современного российского общества. Он опасен своими социально-политическими последствиями. В его орбиту, как правило, втягивается неустроенная, маргинальная молодежь, исключенная из позитивных социальных перспектив, у типичных представителей которой нет работы, учебы, денег, связей, образования и иных конкурентных преимуществ.

Анализ открытых научных работ показывает, что к наиболее общим детерминантам экстремизма в российской молодежной среде специалисты относят:

- социально-экономический кризис (безработица, низкие заработная плата и уровень жизни большинства населения страны, отсутствие каналов вертикальной социальной мобильности для молодых - процессы «inclusive-exclusive»);

- слабое представительство в законодательных органах власти структурированных оппозиционных политических сил, а также подавление инакомыслия и оппозиции;
- маргинализация значительной части населения и молодежи;
- дискредитация институтов власти и официальных лидеров, коррупция;
- транзитивный характер структуры российского общества и сырьевой характер экономики;
- распад системы советских ценностей и переход к ценностям рыночного общества (аномия);
- «кризис идентичности» и дисфункции институтов социализации, абсолютизация ценностей материального успеха, распространение «двойной морали» и гедонизма.

Для нашей страны, и особенно ее полиэтнических и поликонфессиональных регионов, крайне опасен религиозный экстремизм. Об этом свидетельствуют как мировой опыт, так и необъявленные войны на Северном Кавказе, трагические события в Кондопоге, убийства и другие насильственные преступления на почве ксенофобии в крупных городах. Он отличается от других видов экстремизма тем, что направлен на захват власти и насильственное изменение общественного строя, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, использует религиозное учение и его символику как фактор мобилизации и рекрутирования новых членов движения, применяет тактики террора и партизанской войны.

Среди специфических причин религиозного экстремизма можно выделить реакцию консервативных религиозных кругов на секуляризацию (эмансипацию науки, культуры, общественной жизни от религии), что привело к маргинализации религиозных общин, утрате былого общественного влияния религии и превращения священных текстов в красивые сказки, особенно в XX веке.

Кроме того, религиозные институты могут быть дисфункциональными, по Р.Мертону, в тех случаях, когда их деятельность выходит за пределы сакрального и вторгается в политику. Неслучайно социологи выделяют две основные дисфункции религии - военное и религиозное преследование [6]. История знает много примеров того, когда при смешении религии с политикой происходили войны, акты экстремизма и террора. Так, между одиннадцатым и четырнадцатым столетиями христианские монархи Европы неоднократно устраивали кровавые крестовые походы в попытке вырвать у мусульман право на управление Святой землей. Религия оправдывала преследования в период инквизиции. К несчастью, религиозная война и терроризм - не просто реликт прошлого. В конце XX столетия в Ольстере протестанты и католики убивали друг друга из-за политико-религиозного конфликта. Евреи и мусульмане в Израиле делали и делают то же самое в настоящее время. Исламские религиозные экстремисты воевали в Косово и Чечне. Они по-прежнему убивают и рискуют быть убитыми на Северном Кавказе, полагая, что смерть в миссии самоубийства дает им пропуск в рай. Они и им подобные разрушили в результате захвата воздушных лайнеров и террористической атаки Нью-Йоркский центр международной торговли и здание Пентагона в трагедии 11 сентября.

Религиозный экстремизм – это и реакция на десакрализацию культуры, социальную дифференциацию и фрагментаризацию общества, распространение ценностей плюрализма, консьюмеризма, индивидуализма и свободы выбора в условиях глобализации.

Регламентация мер социального контроля над экстремизмом получила правовое оформление в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», принятом ГД ФС РФ 27.06.2002г., с последующими редакциями в 2006, 2007, 2008 гг.

В законе определяется категория «экстремистская деятельность», что тождественно, по мнению законодателя,

понятию «экстремизм», «экстремистская организация», «экстремистские материалы»; формулируются принципы и направления противодействия экстремизму. Причем профилактическое воздействие направлено на «выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности», на «выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности». В статье 5 ФЗ уточняется, что органы власти в пределах своей компетенции в приоритетном порядке осуществляют собственно профилактические меры. К сожалению, они сводятся только к воспитанию и пропаганде, направленным против экстремизма. В статьях 6,7,8 речь идет о таких реактивных профилактических мерах по фактам экстремистской активности, как «объявление предостережения», «вынесение предупреждения», «предупреждение». В статьях 9,10,11,12,13,14,15,16,17 содержатся только прогибиционистские нормы.

Таким образом, превентивный потенциал Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» весьма скуп, в нем прописаны и детализированы, главным образом, правовые средства в механизме правового регулирования, ориентированные на реализацию репрессивных и предупредительных мер постфактум, то есть реактивно на то или иное действие, организацию, материалы СМИ и т.п. экстремистской направленности.

Методологические предпосылки и концепты теории рестриктивного социального контроля. Российское общество и государство, его правоохранительные институты заинтересованы в реальном снижении угрозы экстремизма. Достижение такого социального результата требует дальнейшей научной проработки социально эффективных в долгосрочной перспективе превентивных механизмов и моделей противодействия экстремизму, особенно в молодежной среде.

Для продолжения и стимуляции исследовательского поиска по

моделированию социального контроля над негативной девиантностью в науке сложились специфические методологические предпосылки, которые позволяют основательно использовать достижения социологических теорий, в том числе девиантологии. Эти благоприятные условия и предпосылки заключаются в следующих положениях:

- девиантное поведение есть социальный феномен, объективно присущий всем стадиям, формам и уровням социальной системы (девиантность - перманентное свойство общества);

- девиантное поведение определяется как действия человека или социальных групп, не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям;

- девиации – не только реальные социальные практики, но и релятивные, конвенциональные социальные конструкции, поэтому их определение и изучение имеют смысл лишь в конкретном обществе, в определенный период времени;

- негативные девиации (преступность, терроризм, экстремизм, наркотизм, алкоголизм и др.) ведут к дезорганизации социальной системы, повышают ее энтропию;

- все формы девиантности функциональны, поэтому полностью неустраимы;

- социальный контроль в девиантологическом смысле есть совокупность средств и методов воздействия общества и государства на негативные формы девиантного поведения с целью их сокращения или минимизации до социально приемлемого уровня;

- социальный контроль и девиации дополнительны (в понимании Н.Бора), они сосуществуют и неразрывно связаны друг с другом;

- приоритетным является развитие превентивно ориентированных или компромиссных теоретических перспектив в конструировании моделей социального

контроля, а не репрессивно ориентированных;

- логика социального контроля в современных условиях состоит в сокращении масштабов и оптимизации структуры негативной девиантности, прежде всего, более гуманными профилактическими средствами, чем репрессивными;

- компромиссные стратегии контроля строятся на основе сочетания превентивных и репрессивных начал с доминированием превенции, что, в конечном счете, более социально эффективно, поскольку такой выбор существенно снижает риски стигматизации и рецидивизма, личную и общественную опасность девиаций, повышает социальные перспективы девиантов в плане их ресоциализации и реинтеграции в общество;

- в обществоведении и девиантологии на постсовременном этапе происходит переход от дифференциации научного знания к его интеграции;

- накоплен конструктивный опыт теоретической интеграции для обоснования новых концепций контроля в работах: Г.Барака, Р. Айкерса, Ф.Пирсона, Р.Сэмпсона, Дж. Лаубэ, Б.Вилы, Б. Арриго, Дж.Брейтуэйта, Т.Мифа, Р.Меера, Б.Татума, Я.И. Гилинского, Т.В. Шипуновой, Ю.Ю. Комлева и др.

Наряду с методологическими основаниями и предпосылками синтеза интегративных теорий социального контроля в современном обществе сложились и приемлемые социетальные условия для продолжения этой работы. В их числе:

- банкротство репрессивно-консервативной стратегии контроля в демократических странах и странах, ориентированных на развитие демократии, о чем свидетельствуют «кризис наказания», рост экстремизма, терроризма, рецидивизма и криминальных карьер, несмотря на усиление репрессий;

- кризис правоохранительных институтов и реформа ОВД;

- поиск компромисса в проекте закона «О полиции» между моделями организационных структур органов

правопорядка военного и социального типов;

- виртуализация социальной и правовой реальности в условиях постмодерна;

- снижение социальной эффективности и гибкости институтов формального социального контроля, права в их дистрибутивной форме.

Как показывает опыт, в современных условиях известные монотеории социального контроля А.Рейса, Ф.И.Ная, Ф.Трэшера, У.Реклесса, Т.Хирши, М.Готфредсона характеризуются определенной ограниченностью, поскольку в них феномены девиантного поведения рассматривается фрагментарно и, как правило, выделяется лишь отдельный социальный (структурный, культурный, организационный или личностный) аспект проблемы контроля.

Интегративный подход позволяет сосредоточиться на различных, дополняющих друг друга формах девиантности и аспектах контроля. Цель теоретической интеграции, по Р.Айкерсу, состоит в выявлении общности положений двух и более теорий, для того чтобы произвести их синтез в единую переформулированную теоретическую модель с более высоким объяснительным потенциалом, чем он есть у каждой отдельно взятой теории [7].

Теоретический синтез опирается на продуманные варианты совмещения двух или более непротиворечивых тесно связанных между собой теорий или их положений. Опыт успешного синтеза новых теорий девиантности и социального контроля нашел отражение в трудах Д.Элиота, Р.Айкерса, А.Лиски, Р.Сэмпсона, Дж.Лаубе, Б.Вилы, Б.Арриго, Т.Мифа, Р.Меера, Б.Татума, Дж.Брейтуэйта, Г.Барака и др. Интегративные теории вполне отвечают ключевым положениям методологии науки (содержание теорий производно от исходных понятий и логически непротиворечивых положений, отличается целостностью системы понятий и др.).

Анализ синтетических политеорий позволил А.Е.Лиске в конце XX века выделить и описать такие типы теоретической интеграции, как: концептуальная, пропозициональная,

одноуровневая, перекрестная [8]. По оценке исследователя, концептуальная интеграция представляет собой тип синтеза, когда объединяются понятия, положения из одной и другой теорий, которые частично совпадают по своему значению. Пропозициональная интеграция связывает дополняющие друг друга утверждения из различных теорий. Одноуровневая интеграция предполагает объединение либо только микротеорий, либо теорий макроуровня. Перекрестная интеграция характеризует синтез структурных и процессуальных теорий.

Интегративные теории контроля, объединяя наиболее эффективные концепты, понятия и другие элементы монотеорий, опираются на девиантологические положения о том, что девиантность и контроль над ней не могут продуктивно рассматриваться вне более широкого социального, структурного и культурного контекстов, в которых они продуцируются. Все интегративные теории исходят из единого объяснения девиантности и ее различных форм, а также опираются на перечисленные выше методологические основания.

Изучение и обобщение зарубежного, отечественного опыта построения теорий контроля и девиантного поведения, оригинального эмпирического материала на основе принципов дополнительности, полицептуальности и других фундаментальных положений девиантологии позволило концептуализировать открытую [9] методологическую рамку (framework) как основу теории рестриктивного социального контроля над негативной девиантностью. В ее состав после критического отбора включены непротиворечивые и дополнительные концепты ряда монотеорий социального контроля на трех уровнях социального сдерживания: *институциональном, групповом и личностном* [10].

Это положения из профилактической концепции контроля Т.Парсонса, теорий сдерживания У.Реклеса, теории связей Т.Хирши и теории самоконтроля М.Готфредсона и Т.Хирши. Подобный опыт интеграции теоретических знаний на трех

уровнях в моделях контроля апробирован в работах Г.Барака, где он доказал возможность непротиворечивого объединения культурного взаимодействия индивидов, социальной экологии и взаимоотношений институтов [11].

На *институциональном* уровне для определения механизма сдерживания предложено исходить из парсоновского положения о том, что в реальности ни одна социальная система не бывает в состоянии совершенного равновесия. Факторы, мотивирующие девиацию, действуют всегда, и они настолько стабильны, что их невозможно полностью устранить из мотивационной системы акторов. Механизмы социального контроля не элиминируют эти факторы, а приводят лишь к ограничению последствий их действия, обеспечивают восстановление равновесия с помощью противодействующих девиантности сил. Отсюда при моделировании профилактического противодействия негативной девиантности следует учитывать как функциональное, так и дисфункциональное состояние институтов социализации и контроля. Социальные изменения, трансформация общественных и индивидуальных потребностей нередко приводят к ситуации, когда, согласно Р.Мертону, наблюдаются дисфункции социальных институтов. В этом случае радикально снижается их социальная эффективность. Содержательно дисфункции чаще проявляются в неясности целей деятельности, неопределенности функций, в вырождении или падении социального престижа института.

На *групповом* уровне контроля акцент сделан на положении из теории Т.Хирши о силе социальных связей, которые ориентируют индивида на модель конформного поведения при реализации специфических условий сдерживания ювенальной девиантности (привязанность, приверженность, вовлеченность, убежденность). Теоретико-эмпирическую ценность здесь представляет такое условие сдерживания, как вовлеченность в социальные контакты с группой. При этом вовлеченность, как представляется, следует рассматривать с двух сторон: как проявление социальной связи с группой негативных девиантов, так и с группой, в которой нормой

является конформное поведение.

На *личностном* уровне контроля интегрировано положение из теории самоконтроля М.Готфредсона и Т.Хирши, которое подчеркивает профилактическую роль эффективного самоконтроля как генерального фактора в механизме сдерживания девиантности. Из теории У.Реклесса абсорбированы положения о «внешнем» и, особенно, «внутреннем» сдерживании факторов девиантности. При этом положение о позитивной Я-концепции (самоконтроль, стойкость, самооценка, развитые «эго» и «суперэго», целеустремленность, правосознание и рационализм - ориентация на цель и приверженность нормативному поведению) дополнено новым концептом о негативной Я-концепции (неразвитый самоконтроль, нестойкость, низкая самооценка, неразвитые «эго» и «суперэго», отсутствие целеустремленности, низкие правосознание и рационализм). Тем самым социализация рассматривается как со знаком плюс (нормативная), так и со знаком минус (девиантная).

Выделенные в открытую к развитию трехуровневую рамку переформулированные и дополненные положения существующих теорий контроля интегрированы вокруг концепта «рестрикция» (*ограничение*). Его суть состоит в том, что открытый, но конечный набор разнонаправленных социальных ограничений определяет: характер функционального и дисфункционального состояния институтов социализации, их социальную эффективность; специфику социальных связей и вовлеченность индивида в группы негативных девиантов или конформистов, направленность социализации и формирования индивидуальной Я-концепции.

Варьируя конечным числом ограничений различной направленности на выделенных уровнях контроля, можно усиливать или ослаблять эффект социального сдерживания (противодействия) негативной молодежной девиантности, создавать социальные условия и предпосылки для перевода активности подростков и молодых людей из

деструктивного в конструктивное русло. Измеряя в режиме социологического мониторинга функциональные последствия управляемых ограничений на трех уровнях социального сдерживания, можно оценивать социальную эффективность рестриктивного контроля в целом.

Таким образом, концептуализация рестриктивного социального контроля молодежной девиантности, в первом приближении, опирается на выделенные выше логически непротиворечивые понятия и положения, объединенные рестриктивной идеей с использованием опыта концептуальной, пропозициональной и перекрестной интеграции.

Рестриктивная концепция позволяет структурировать наборы разнонаправленных ограничений и варьировать их по количеству и направленности действия на трех «этажах» социального сдерживания. При этом набор ограничений, который создает препятствия для развития дисфункций институтов социализации, следует оптимизировать в сторону увеличения. Например, в современных российских условиях существует острая необходимость в нейтрализации таких дисфункций институтов массовой коммуникации, как: *тематизация экстремизма, криминала и насилия* (проявляется в доминирующем прокате фильмов с показом криминальных сцен насилия, агрессивного поведения и жестокости), «*наркотизация эфира*» (заявляет о себе как рост массовой апатии и инертности, как переход от «активного участия к пассивному знанию») и др. По мысли теоретика интегративного подхода Г.Барака, без ограничений и цензуры над ксенофобией, жестокостью и насилием в фильмах и на ТВ не обеспечить выживания молодежной среды [12]. Типичными ограничениями указанных дисфункций СМК могут быть сокращение времени и мест просмотра, объема телевизионных передач с элементами насилия. Подобные ограничения создадут предпосылки для снижения вероятности интериоризации образцов противоправной, экстремистской

деятельности, увеличат время на занятия какой-либо конструктивной активностью.

Набор ограничений, которые дезорганизуют функциональность масс-медиа, наоборот, следует минимизировать. Уменьшение препятствий по реализации таких функций, как *корреляционная связь* (объяснение, интерпретация и комментирование значения событий и информации; социализация; координация различных форм социальной активности; обеспечение общественного порядка и согласия) и *обеспечение преемственности* (выражение образцов доминирующей культуры, укрепление и поддержка норм толерантности, общих социальных ценностей), существенно повышает функциональность СМК. Иначе говоря, в сетке вещания программы с позитивной функциональной нагрузкой должны занимать лучшее эфирное, а не ночное время. Не секрет, что и школа как социальный институт нередко бывает дисфункциональной, например, если ученика отторгает организация учебного и воспитательного процесса. Когда он не получает удовольствие от процесса и результатов учебы, то, как правило, приобщается к девиантному опыту, получая первые уроки школьной стигматизации. Для нейтрализации дисфункциональных эффектов школы необходима оптимизация ограничений по отбору педагогов (учительство давно уже только женская профессия), по изменению учебного процесса; школа должна научить решать проблемы, опираясь на знания, а не просто обеспечивать их трансляцию и т.п. Можно и нужно минимизировать ограничения, которые дезорганизуют функциональность школы. Например, давно назрела необходимость устранения низкой заработной платы педагогов, определяемой на основе остаточного принципа.

В контексте противодействия экстремизму необходимо создание и развитие такого набора ограничений, который бы создал препятствия для развития дисфункций религиозных институтов. Так, безусловно, необходимы нейтрализация политической и идеологической ангажированности религии,

недопущение религиозных предметов в школьном учебном процессе. В условиях религиозного плюрализма разумны ограничительные меры по элиминации обособления людей по конфессиональному признаку и, наоборот, стимуляция функции по интеграции социума на основе общих для всех религиозных доктрин систем ценностей. Кроме того, должны быть выстроены эффективные ограничения по снижению возможностей для борьбы ортодоксальных клерикалов с прогрессивным процессом секуляризации. В итоге, используя не грубый прогибиционизм, а политику сбалансированных рестрикций, вполне можно снизить риск возникновения и развития религиозного экстремизма.

Набор ограничений на групповом уровне, который препятствует вовлеченности подростков и молодых людей в группы экстремистской направленности, также необходимо оптимизировать в сторону увеличения. Это может быть переезд в другой район, каникулы в деревне или другом городе и т.п. Те ограничения, набор которых расстраивает конструктивную вовлеченность подростка в группу с конформным поведением, следует минимизировать. Можно уменьшить препятствия для активности инициативных групп, объединенных конструктивными, познавательными или созидательными целями, или уличных футбольных, хоккейных и иных команд, создающих основу массового спортивного движения.

На уровне индивида также существенная роль принадлежит увеличению числа ограничений, которые препятствуют формированию негативной Я-концепции и девиантной социализации. Без выстраивания воспитательных и иных барьеров на пути формирования педагогически запущенных детей трудно рассчитывать на потенциал самоконтроля. Минимизация набора ограничений, которые стоят на пути формирования позитивной Я-концепции и нормативной социализации, устраняя чрезмерную опеку, а также условия, которые формируют «домашних мальчиков», не готовых к житейским

трудностям, повышает вероятность нормативной социализации и развитого самоконтроля.

Эмпирический анализ рестриктивных положений. Выдвинутые концепты рестриктивной теории и пути ее применения носят во многом гипотетический характер. Оценка состоятельности, валидности и эмпирической обоснованности ТРСК – трудная исследовательская задача, которую еще предстоит решить, поскольку она стоит немалых средств и трудовых усилий, требует времени. Это задача будущего.

Вместе с тем анализ зарубежного и отечественного опыта по превентивному противодействию негативной девиантности позволяет выявить эффективные примеры применения рестриктивных положений в социальной политике и практике, в частности, при осуществлении социального контроля над молодежным экстремизмом, наркотизмом подростков и молодежи и другими формами социального неблагополучия, связанного с нарушением социальных норм.

Достаточно сказать, что пакет рестриктивных мер в отношении религиозного экстремизма и ультраизма, использующих образовательные, этноконфессиональные и этнополитические факторы, в последние годы с успехом применяется правительством Турции [13]. При этом сохраняется компромисс между превенцией и репрессией в противодействии экстремизму.

Исследования турецких специалистов показывают, что в сферу проблем «злоупотреблений в области религии», религиозного экстремизма и терроризма включается социально неустроенная (безработная), «недосоциализированная» и лишенная конструктивных социальных перспектив молодежь. Несмотря на жесткость репрессивных мер по турецкому законодательству, в экстремизм в настоящее время рекрутируется все большее число «социально исключенной» молодежи [14]. Поэтому власти Турции все с большим успехом применяют рестриктивные меры: снимают ограничения по профессиональной занятости и мобильности молодежи, по

занятиям спортом и физкультурой (в каждом дворе и парке сооружены и используются прекрасно оборудованные спортивные миниплощадки), по получению образования даже в турецком Курдистане.

Интересен турецкий опыт по ограничению влияния религии, клановости, поскольку одним из ключевых агентов в механизме вовлечения в экстремизм являются кланы и семейные группы. Об этих переменных свидетельствуют вполне европейские манеры молодых турков, реклама, содержание сетки вещания на ТВ. В стране поддерживается определенная толерантность – Турция стала Меккой для иностранных туристов. Турки ведут активную работу по интеграции турецкого общества на основе традиционной и светской систем ценностей еще со времен Ата Тюрка.

Рестриктивный опыт в противодействии негативной девиантности аккумулирован также в Швеции, Греции, Великобритании, которым за счет рестриктивных мер удалось существенно снизить уровень наркотизации молодежной среды, повысить толерантность и веротерпимость, снизить риски экстремизма. Ряд положений рестриктивной теории контроля прошли эмпирическую проверку в ходе реализации целевых программ профилактики наркотизации и алкоголизации населения в России и Татарстане. Достаточно вспомнить и о законодательном ограничении в РФ потребления алкоголя в ночное время.

Таким образом, теоретическая модель рестриктивного социального контроля, сформулированная в первом приближении, не догма, она носит открытый к изменениям и дополнениям характер, что позволяет полнее учитывать социальные перемены и контексты, гибко выстраивать конкретные модели превентивного противодействия экстремизму и иным проявлениям девиантности. Рестриктивный дискурс – новая теоретическая площадка, на которой может и должна пройти интересная и содержательная дискуссия о плюсах и минусах рестриктивного подхода и интегративных девиантологических теорий контроля в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Девиантология. URL: <http://www.deviantology.spb.ru/>; Гишинский Я.И. URL: <http://www.online812.ru/gilinskiy/>
2. См.: Шипунова Т.В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. –СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та,2003; Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. – Казань: КЮИ МВД России,2009.
3. Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. Казань: КЮИ МВД России, 2006.С.156-157.
4. http://www.tc.columbia.edu/i/a/document/9386_whritePaper_2_Extremism_030809.pdf
5. Там же.
6. Henslin J.M. Essentials of sociology: a down-to-earth approach. Boston: Allyn and Bacon, 2004. P.354-360.
7. Akers.R.L. Criminological Theories: introduction and evaluation. 2nd ed. Los Angeles,1997.
8. Liska A.E. Strategies and requisites for theoretical integration in the study of crime and deviance //Theoretical Integration in the Study of Deviance and Crime. Albany: State University of New York Press,1989.P.1-20.
9. Открытая рамка способна «раздвигаться» за счет новых конструктивных положений.
10. См: Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России,2009.
11. Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon,1998.P.286.
12. Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon.1998.P.272-273.
13. Автору в марте-апреле 2010 года в составе делегации КЮИ МВД России, посетившей Турецкую национальную полицейскую академию, удалось познакомиться с результатами оригинального исследования турецких криминологов, объектом которого стала местная организация «Хезболла».
14. Специальным законодательством Турции для террористов предусмотрено пожизненное заключение, а за финансирование террористических организаций предусмотрено лишение свободы до 15 лет в специальных тюрьмах. В турецких тюрьмах 120000 заключенных, хотя рассчитаны они только на 75000 заключенных.

Ю.В. Лагов

кандидат экономических наук, доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник
Академии управления МВД России

ОТРАЖЕНИЕ В СОЗНАНИИ СОТРУДНИКОВ ОВД ПРОБЛЕМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕСТРУКТИВНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье представлены характеристики деструктивных религиозных организаций (ДРО), распространенных на территории России, а также результаты социологического опроса сотрудников ОВД России по проблемам религиозных деструктивных организаций, в том числе о проблемах борьбы с деструктивными религиозными организациями.

Характеристики деструктивных религиозных организаций

Важной задачей, стоящей перед правоохранительными органами России, занимающимися противодействием экстремизму, является борьба с деструктивными (тоталитарными) религиозными объединениями (культами).

Среди массы религиозных объединений, действующих в постсоветской России, есть целый пласт таких, деятельность которых идет вразрез с законами, сопровождается различного рода злоупотреблениями при реализации свободы совести, создает предпосылки для распространения криминального религиозного экстремизма [1]. Их называют деструктивными религиозными объединениями (ДРО) или деструктивными культурами.

Деструктивное религиозное объединение (деструктивный культ) — это организация, разрушительная по отношению к духовному, психическому и физическому состоянию личности (внутренняя деструктивность) и/или к сложившимся социальным структурам, культуре, порядку и обществу в целом (внешняя деструктивность).

Такие организации чаще всего обладают авторитарной иерархической структурой, основанной на беспрекословном подчинении лидеру культа («гуру»). Как правило, деструктивные религиозные объединения практикуют скрытое психологическое насилие, выражающееся в целенаправленном установлении

отдельным лицом (лидером) или группой лиц (руководством) незаконного контроля над сознанием, поведением и жизнью других личностей без их добровольного и осознанного согласия для формирования и поддержания у них состояния зависимости и покорности доктрине и лидерам. Поэтому как синоним терминам «деструктивное религиозное объединение» и «деструктивный культ» часто используют понятие «тоталитарная секта».

В научной и религиозной среде также широко используются термины «псевдорелигиозные секты», «псевдорелигиозные культы» и «псевдорелигиозные организации» (например, в определении Архиерейского Собора 1994 г. Русской Православной Церкви «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме» [2]). Тем самым стремятся подчеркнуть, что руководители ДРО часто используют религиозную идеологию и обрядность лишь для прикрытия своей незаконной деятельности, направленной на личное обогащение, а потому ДРО вообще не являются по своей сути религиозными организациями.

Особой разновидностью тоталитарных сект следует считать исламистские организации. Их деятельность не во всем соответствует критериям секты — в частности, они осуждают нормы и ценности не всего внешнего социума, а лишь тех, кто не относится к числу «истинных мусульман».

Необходимо учитывать, что обсуждение проблем деструктивных

религиозных организаций сильно зависит от конфессиональных предубеждений. Доминирующие религиозные организации во всех странах стремятся обвинить в «деструктивности» представителей оппозиционных религиозных конфессий. В частности, в постсоветской России пользующаяся государственной поддержкой Русская православная церковь (РПЦ) часто выступает с обвинениями в адрес протестантских религиозных организаций. Существует специальный справочник Миссионерского отдела Священного Синода РПЦ «Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера» [3] и обширная критическая литература, написанная православными исследователями сектантства [4].

Решающую роль в определении, является ли деструктивной какая-либо конкретная религиозная организация, должны играть государственные органы, защищающие гражданские свободы. К сожалению, в современном российском законодательстве пока отсутствует законодательное закрепление понятия «деструктивная религиозная организация». По итогам расширенного заседания Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по общественному контролю за деятельностью правоохранительных органов и реформированием судебно-правовой системы в резолюции «О мерах по противодействию различным формам насилия над детьми» от 27 января 2009 г. была дана рекомендация Правительству РФ ввести в уголовное законодательство определение понятия «тоталитарная секта» («деструктивный культ») и установить уголовную ответственность за деятельность ДРО. В то же время большинство религиоведов негативно относятся к использованию термина «деструктивный культ». По их мнению, в научном дискурсе гораздо лучше пользоваться нейтральным выражением «новые религиозные организации» и решать вопрос о деструктивных тенденциях в их деятельности предельно конкретно [5].

Все религиозные организации, склонные в той или иной степени к деструктивной деятельности (или подозреваемые в этом), можно с определенной долей условности подразделить на 6 типов:

- 1) индо-буддистские (такие, как «Аум Синрикё», кришнаиты и др.),
- 2) христианские (Свидетели Иеговы, мормоны и др.),
- 3) оккультистские и неоязыческие (Группа славянского язычества, Международный эзотерический центр и др.),
- 4) сатанистские (Общество Сатаны и др.),
- 5) псевдонаучные (Церковь саентологии),
- 6) исламистские («Джамаат Таблиг» и др.).

По данным Русской православной церкви, в современной России насчитывается более 300 тоталитарных сект. (Правда, к оценкам РПЦ надо подходить осторожно, поскольку новые религиозные организации являются конкурентом РПЦ, которая объективно заинтересована в их дискриминации.) По оценкам некоторых экспертов, их численность составляет 600-800 тыс. человек.

Среди религиозных организаций, которых часто относят к числу ДРО, наиболее массовыми (помимо исламистских структур) являются «Свидетели Иеговы», «Церковь саентологии» и «Аум Синрикё». Все эти религиозные организации первоначально возникли в развитых странах, поэтому российские отделения данных организаций пользуются поддержкой зарубежных головных организаций.

«Свидетели Иеговы». Общее руководство этой религиозной организации осуществляется из Нью-Йорка (США). В нашей стране, по данным самой организации, действуют примерно 400 общин «свидетелей» общей численностью порядка 140 тыс. человек. Для членов этой организации существует ряд запретов – на использование донорской крови; на службу в вооруженных силах, включая

альтернативную; на общественную и политическую деятельность; и др.

В ряде стран мира «иеговисты» запрещены или ограничены в правах. В Москве деятельность этой религиозной организации была прекращена решением Головинского суда города в 2004 г. в результате практически 6-летнего разбирательства. Однако в июне 2010 г. Европейский Суд по правам человека вынес постановление по жалобе религиозной общины свидетелей Иеговы в г. Москве, согласно которому решение российского суда о роспуске религиозной общины Свидетелей Иеговы в Москве нарушает Европейскую конвенцию, и обязал выплатить заявителям крупный штраф.

В некоторых официальных российских документах (например, в постановлении Государственной Думы Российской Федерации «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации к Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России» от 15 декабря 1996 г.) «Свидетели Иеговы» классифицированы как «деструктивная религиозная организация (тоталитарная секта, деструктивный культ)». Эту позицию разделяет РПЦ. Однако есть специалисты, которые считают такие оценки предвзятыми и не соответствующими действительности.

«Аум Синрикё» («Алеф»). Данная неорелигиозная организация возникла в Японии в конце 1980-х гг. Она получила мировую известность, совершив в 1990-е гг. ряд преступлений террористического характера (включая применение химических отравляющих веществ в Токийском метро в 1995 г.). Секта была построена по строго централизованному принципу на основе абсолютного подчинения нижестоящих вышестоящим. В секте действовал режим глубокой конспирации и секретности, тотальной слежки среди адептов. В 2004 г. японский суд признал С. Асахару, лидера организации, виновным в ряде

преступлений и приговорил его к смертной казни. Эта организация официально внесена в список террористических в США, странах Евросоюза и многих других странах.

В России данная организация действовала с 1992 г. По оценкам лидеров «Аум Синрикё», в 1994 г. число их адептов в целом по РФ составляло немногим менее 50 тыс. человек. Эксперты из Комитета по спасению молодежи утверждают, что и после запрещения её деятельности в России по решению суда в апреле 1995 г. секта продолжает активно действовать. Число ее последователей в современной России оценивают в 50-100 тыс.

«Церковь саентологии». Основатель саентологии американский писатель-фантаст Рон Хаббард рекламировал свое учение (так называемую «дианетику») как научное учение. Действующая с 1950-х гг. Церковь саентологии активно пропагандирует «единственно эффективный механизм управления». В основе этого механизма лежит жесткий контроль руководителей организации за поведением и даже образом мыслей всех членов Церкви. Саентологу предлагается прекратить все контакты с друзьями и родственниками, если они выступают против саентологии.

Эксперты из Комитета по спасению молодежи от псевдорелигий оценивают количество сочувствующих саентологам в России как несколько десятков тысяч человек. Наиболее активно «хаббардисты» действуют на территориях Республики Татарстан, Пермского края, Тамбовской и Саратовской областей, Республики Саха (Якутия) – обычно под видом различных курсов (бизнеса, иностранного языка).

Церковь саентологии в разных зарубежных странах неоднократно оказывалась в центре внимания общественности из-за скандальных обвинений в неуплате налогов, жестоком обращении с отступниками и с теми, кто ей противодействует. В России саентология классифицирована как деструктивная религиозная организация в постановлении Государственной Думы Российской Федерации «Об обращении Государственной Думы Федерального

Собрания Российской Федерации к Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России» от 15 декабря 1996 г. Правда, в апреле 2007 г. Саентологическая церковь Москвы в результате почти десятилетнего судебного процесса выиграла дело против России в Европейском суде по правам человека: саентологи смогли обжаловать отказ органов власти в перерегистрации их организации в качестве юридического лица. В апреле 2010 г. суд г. Сургута признал ряд материалов по саентологии экстремистскими; по сообщению прокуратуры, они будут включены в федеральный список экстремистских материалов и запрещены к распространению.

Меньшее распространение на территории России получили ряд других опасных деструктивных религиозных организаций. Среди них, прежде всего, необходимо выделить секты сатанинской направленности.

В СССР первые сатанистские группы появились еще в начале 1970-х гг. в Москве, Ленинграде и Одессе. По предположениям экспертов, численность адептов сатанизма в России составляет несколько тысяч человек, хотя официально зарегистрированных сатанистских организаций нет. Наиболее мощными из существующих в России сатанинских сект являются «Зеленый орден», «Черный ангел», «Южный крест» («Московская церковь Сатаны»), «Российская церковь сатаны», «Общество сатаны».

Криминальные наклонности приверженцев этого религиозного направления органически вытекают из «своеобразного» понимания ими цели жизни, вседозволенности выбора средств ее достижения, а также слепой подчиненности своему руководству. Кроме преступлений, связанных с их ритуальными обрядами (жертвоприношения и др.), сатанисты часто совершают и преступления общеуголовной направленности. Для сатанистов характерно наличие единого

лидера, при изоляции которого секта обычно распадается.

Особого внимания заслуживает процесс широкомасштабной экспансии радикального ислама практически во все регионы Российской Федерации. Хотя исламизм по своему происхождению отличен от ранее упоминавшихся религиозных организаций, методы и результаты деятельности многих исламистских организаций очень схожи с методами и результатами деятельности сектантов.

В регионах России с высокой долей граждан, исповедующих ислам, особую опасность представляет активная вербовочная работа «джамаатов», вовлекающих молодых мусульман в радикально-исламистские организации. Массовое направление молодых мусульман на обучение в зарубежные теологические центры, где преподаются основы радикального ислама, становится механизмом нарастающей радикализации российской уммы. Несколько тысяч хорошо подготовленных выпускников уже возвратились в Россию. Начался процесс вытеснения (зачастую с использованием насилия) имамов мечетей, проповедующих традиционный умеренный ислам, молодыми радикально настроенными выпускниками зарубежных исламистских школ и университетов. Исламистский экстремизм крайне опасен тем, что он напрямую сливается с антигосударственным терроризмом.

Основными очагами деятельности экстремистских сил исламистов являются Южный и Северо-Кавказский федеральные округа, в меньшей степени – Приволжский и Уральский федеральные округа, а также столичный регион. В последние годы в ряде субъектов Российской Федерации активную деятельность развернули ячейки таких международных экстремистских исламистских организаций, как «Общество социальных реформ», «Хизб-ут-Тахрир», «Джамаат Таблиг», а также религиозные группы ваххабитского толка.

Таким образом, в настоящее время деятельность деструктивных религиозных организаций представляет высокую

опасность для российского общества, так как характеризуется склонностью к экстремизму и даже (применительно к исламистским организациям) к терроризму.

Для изучения того, каковы представления сотрудников ОВД России о проблемах борьбы с деструктивными религиозными организациями, в марте 2010 г. сотрудниками Научного центра среди слушателей Академии управления МВД России был проведен социологический опрос¹. Общее число респондентов составило 115 человек, из них 24% - из Московской области, 77% - из Москвы. Подавляющей части опрошенных (71%) офицеров милиции приходилось лично сталкиваться (в служебной или внеслужебной деятельности) с религиозными организациями, склонными к экстремизму, поэтому они могут считаться экспертами по данной проблеме.

В ходе опроса респондентам задавали в основном закрытые вопросы. Ответы на эти вопросы должны были дать информацию по следующим шести проблемам:

1) религиозные организации с какими признаками сотрудники ОВД считают деструктивными?

2) насколько широко распространены в Москве и Московской области различные типы ДРО?

3) какова, по оценкам респондентов, сравнительная общественная опасность различных ДРО?

4) насколько часто встречаются различные проявления религиозного экстремизма?

5) как респонденты оценивают эффективность борьбы ОВД с различными видами ДРО? если она низка, то почему?

6) какие именно меры и насколько активно применяются сотрудниками ОВД для противодействия ДРО?

Результаты социологического опроса по проблемам религиозных деструктивных организаций

¹ Автор статьи выражает огромную благодарность Г.И. Кобаку за большую помощь в проведении этого социологического опроса.

При организации опроса прежде всего надо было выяснить, в какой степени представления сотрудников ОВД о критериях деструктивных религиозных организаций совпадают (или не совпадают) с суждениями профессиональных религиоведов. Для этого респондентам дали 6 разных определений того, какие религиозные организации следует считать деструктивными, и предложили выразить по 5-балльной шкале согласие/несогласие с каждым из этих утверждений. В результате все 6 определений можно четко разбить на две группы – те, с которыми сотрудники ОВД в основном соглашаются, и те, с которыми они чаще всего не соглашаются.

Ответы респондентов на вопрос о том, по каким признакам можно судить о том, следует ли конкретную религиозную организацию считать деструктивной или нет (Табл. 1), позволяют построить следующую иерархию 3-х наиболее часто называемых признаков [6]:

1) чаще всего респонденты считали, что деструктивными следует считать любые «религиозные организации, чья деятельность порождает религиозную рознь между людьми» (с этим утверждением были согласны 86% опрошенных, не согласились с ним только 3%);

2) несколько реже выбирали ответ, что деструктивными следует считать любые «религиозные организации, которые созданы в целях наживы ее организаторов» (с этим согласны 78% респондентов, не согласны только 10%);

3) еще немного реже выбирался ответ, что к числу ДРО следует относить любые «религиозные организации, которые проповедуют негативное отношение к иноверцам» (согласны 75%, не согласны 10%).

Гораздо реже респонденты выбирали другие 3 признака:

1) довольно многие (23%) респонденты соглашались, что к ДРО можно отнести любые «религиозные организации, которые отличаются от традиционной религии данного народа», однако

большинство респондентов (54%) эту формулировку отвергли;

2) заметно реже (14%) соглашались с утверждением, что деструктивными религиозными организациями следует считать любые «нехристианские

религиозные организации» (66% респондентов с этим не согласились);

3) еще реже (12%) соглашались с тем, что к ДРО следует относить любые «неправославные религиозные организации» (с этим не согласились 66% респондентов

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос о сущности деструктивных религиозных организаций, в %

По Вашему мнению, деструктивными религиозными организациями следует считать любые...	Согласен	Скорее согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее не согласен	Не согласен
религиозные организации, чья деятельность порождает религиозную рознь между людьми	80,0	6,1	4,3	1,7	1,7
религиозные организации, которые созданы в целях наживы ее организаторов	61,7	16,5	4,3	6,1	3,5
религиозные организации, которые проповедуют негативное отношение к иноверцам	58,3	16,5	6,1	7,0	2,6
религиозные организации, которые отличаются от традиционной религии данного народа	10,4	12,2	11,3	16,5	37,4
нехристианские религиозные организации	6,1	7,8	5,2	17,4	48,7
неправославные религиозные организации	8,7	3,5	7,0	18,3	47,8

Напомним, что, по мнению ученых, к ДРО следует относить такие организации, которые наносят вред обществу или своим членам (материальный, психологический, физический) либо обоснованно подозреваются в потенциальной опасности нанесения такого вреда. Поэтому среди формулировок анкеты наиболее точным следует считать то определение, согласно которым ДРО – это организации, порождающие религиозную рознь как объективный результат их деятельности. Именно это определение чаще всего выбирали респонденты, что демонстрирует

в целом высокий уровень их компетентности.

В то же время следует констатировать, что среди сотрудников ОВД широкое хождение имеют не совсем верные и даже совершенно неверные подходы к пониманию того, что такое деструктивные религиозные организации.

Второе и третье наиболее часто выбираемые определения ДРО менее соответствуют научному определению, чем первое, и содержат потенциальную опасность «перегибов» в отношении новых религиозных организаций. Критерии погони за наживой и негативного

отношения к иноверам содержат большой субъективный элемент, поскольку речь идет о трактовке внутренних мотивов и предпочтений верующих, которые трудно объективно доказать. К тому же практически *любая* религиозная организация обеспечивает доход профессиональным священнослужителям и считает инаковерующих в лучшем случае заблуждающимися (религиозная идеология принципиально отвергает идею равнозначности разных верований).

Три реже всего выбираемые определения ДРО действительно являются ошибочными, отражающими неприятие принципа свободы совести. В связи с этим настораживает, что почти ¼ респондентов считают деструктивными любые религиозные организации, не традиционные для данного народа. Каждый седьмой респондент относит к ДРО любые нехристианские религиозные организации,

каждый восьмой – любые неправославные. Если в практической деятельности ОВД применять такие подходы к пониманию феномена новых религиозных организаций, это будет создавать диссидентскую репутацию и только мешать противодействию *настоящим* ДРО.

Судя по данным проведенного социологического опроса, в Москве и Московской области чаще всего встречаются христианские религиозные организации, склонные к деструктивным действиям, - ответы «часто» и «скорее часто» выбрали 73% респондентов (Табл. 2). Примерно с равной частотой в этом регионе встречаются псевдонаучные («часто» и «скорее часто» выбрали 42%), оккультистские и неоязыческие (38%), исламистские (тоже 38%) религиозные организации. Реже всего в столичном регионе наблюдаются сатанистские (25%) и индо-буддистские (21%) культы

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос о степени распространенности деструктивных религиозных организаций, в %

Насколько часто, по Вашему мнению, в том регионе, где Вы работаете, встречаются следующие виды религиозных организаций, склонных к деструктивным действиям?	Част о	Скорее часто	Скорее редко	Редк о	Их нет вообще	Затрудняюсь ответить
христианские (Свидетели Иеговы, мормоны, муниты и др.)	40,0	33,0	12,2	7,0	1,7	3,5
псевдонаучные (саентологи)	16,5	25,2	17,4	20,0	4,3	12,2
оккультистские и неоязыческие (бажовцы, Группа славянского язычества, Международный эзотерический центр и др.)	17,4	20,9	14,8	13,9	4,3	26,1
исламистские (Хизб-ут-Тахрир-аль-Ислами, Джамаат Таблиг и др.)	15,7	22,6	25,2	13,0	5,2	10,4
сатанистские (крысятницы, Церковь Сатаны и др.)	10,4	14,8	25,2	19,1	3,5	21,7
индо-буддистские («Аум Синрикё», кришнаиты и др.)	7,0	13,9	15,7	27,0	9,6	22,6

Сравним теперь иерархию частоты этих организацией с иерархией их общественной опасности, судя по суждениям наших респондентов (Табл. 3).

Следовало ожидать, что наиболее опасными будут считать исламистские организации. Действительно, их общественную опасность как «высокую» и «скорее высокую» оценили 74%

респондентов. Некоторой неожиданностью было, что не менее опасными считаются сатанистские культы (75%). Менее опасными считают организации оккультистов и неоязычников (59%), а также псевдонаучные организации (42%). В наименьшей степени опасными считаются христианские организации

(22%) и индо-буддистские организации
(17%)

Таблица 3

Ответы респондентов на вопрос о степени общественной опасности деструктивных религиозных организаций, в %

Какова, по Вашему мнению, общественная опасность следующих видов религиозных организаций, склонных к деструктивным действиям?	Высокая	Скорее высокая	Затрудняюсь ответить	Скорее низкая	Низкая
сатанистские	46,1	28,7	9,6	10,4	2,6
исламистские	51,3	22,6	8,7	7,8	2,6
окультистские и неоязыческие	24,3	34,8	18,3	8,7	5,2
псевдонаучные	27,0	14,8	23,5	22,6	2,6
христианские	9,6	12,2	15,7	20,9	30,4
индо-буддистские	7,8	8,7	24,3	31,3	17,4

Таким образом, в наиболее частых христианских новых религиозных организациях сотрудники ОВД из столичного региона не видят особой общественной опасности. Достаточно частыми и в то же время достаточно опасными респонденты считают исламистские организации, окультистские и неоязыческие, а также псевдонаучные организации. Сатанистские культы встречаются редко, но считаются в высшей степени опасными. Наконец, индо-буддистские культы, по мнению респондентов, и встречаются нечасто, и в то же время не представляют высокой опасности.

Рассмотрим теперь частоту различных проявлений религиозного экстремизма (Табл. 4).

Наиболее частыми видами экстремистской деятельности являются, как и следовало ожидать, правонарушения относительно низкой общественной опасности. Речь идет, прежде всего, об

экстремистской пропаганде – в Интернет-сети («часто» и «скорее часто» она наблюдается по мнению 62% респондентов) и в печатном виде (58%). Реже встречаются публичные призывы к смене власти (42%) и уклонение от сотрудничества с государственными органами (37%). Преступления, связанные с насилием (или с угрозой насилия), нельзя считать типичными: только 25% респондентов считают, что «часто» или «скорее часто» происходят нападения на священнослужителей и инаковерующих; 18% – митинги с призывами к насилию над инаковерующими; 17% – призывы к проведению и само проведение терактов. Самым редким проявлением религиозного экстремизма являются ритуальные убийства – только 3% опрошенных сотрудников ОВД полагают, что эти убийства встречаются «часто» или «скорее часто» (правда, отрицают их существование тоже немногие – только 15%).

Таблица 4

Ответы респондентов на вопрос о степени частоты конкретных проявлений религиозного экстремизма, в %

Насколько часто, по Вашему мнению, в том регионе, где Вы работаете, встречаются следующие виды религиозных организаций, склонных к деструктивным действиям?	Часто	Скорее часто	Скорее редко	Редко	Их нет вообще	Затрудняюсь ответить
создание в Интернет-сети сайтов для экстремистской агитации	28,7	33,0	14,8	10,4	3,5	7,8
распространение литературы религиозно-экстремистской направленности	27,8	29,6	18,3	14,8	6,1	4,3
публичные призывы к смене	10,4	31,3	17,4	20,9	2,6	14,8

власти уклонение от сотрудничества с госорганами (отказ брать ИНН, служить в армии и т.д.)	13,9	22,6	20,9	17,4	5,2	14,8
пропаганда идей официально запрещенных исламистских организаций	8,7	25,2	19,1	24,3	8,7	11,3
нападения на священнослужителей и верующих других конфессий	6,1	19,1	27,8	29,6	6,1	7,0
митинги с призывами к насилию над представителями других религий	4,3	13,9	29,6	26,1	13,9	10,4
призывы к проведению, подготовка и проведение терактов	5,2	11,3	17,4	30,4	13,0	20,0
вандалистские действия сатанистских сект – ритуальные убийства животных, осквернение кладбищ и др.	5,2	10,4	27,0	39,1	3,5	12,2
ритуальные убийства	1,7	1,7	18,3	27,0	14,8	33,0

Таким образом, общественную опасность религиозного экстремизма в столичном регионе не следует ни преуменьшать и ни преувеличивать: религиозно мотивированное насилие в отношении людей встречается не часто, однако очень широко распространена пропаганда религиозно-экстремистских идей, что создает опасный потенциал насилия, который может реализоваться при стечении обстоятельств.

По поводу эффективности борьбы с различными видами ДРО опрошенные сотрудники органов внутренних дел не видят особой разницы между противодействием разным видам организаций (Табл. 5). В целом ситуация

выглядит так: примерно 25-35% респондентов считают, что эта борьба организована «эффективно» или «скорее эффективно»; примерно 30-35%, наоборот, полагают, что эта борьба организована «совершенно не эффективно» или «скорее не эффективно»; еще 25-35% затрудняются дать оценку. Можно сказать, что наблюдается своего рода равновесие мнений, когда доля положительных оценок уравновешена долей негативных оценок. Это равновесие суждений нельзя считать показателем хорошей организации противодействия ДРО. Ведь желаемой нормой следует считать превышение позитивных оценок над негативными, чего в настоящее время не наблюдается.

Таблица 5

Ответы респондентов на вопрос об эффективности борьбы с разными видами деструктивных религиозных организаций, в %

Насколько эффективно, по Вашему мнению, организована в настоящее время борьба со следующими видами деструктивных религиозных организаций?	Эффективно	Скорее эффективно	Затрудняюсь ответить	Скорее не эффективно	Совершенно не эффективно
сатанистские	10,4	27,0	24,3	30,4	6,1
исламистские	9,6	30,4	21,7	22,6	11,3
окультистские и неоязыческие	7,8	27,0	27,8	27,0	6,1
псевдонаучные	8,7	20,0	33,0	28,7	6,1
христианские	4,3	21,7	36,5	24,3	6,1

индо-буддистские 5,2 16,5 43,5 22,6 5,2

Лучше всего, по оценкам респондентов, организовано противодействие исламистским организациям – его считают эффективным 40%, а неэффективным – только 34%. Наименее эффективно, судя по ответам, организовано противодействие индо-буддистским ДРО: это противодействие

считают эффективным только 22% респондентов, противоположную оценку дали 28%. Это можно объяснить тем, что, как отмечалось ранее, исламистские организации считаются частыми и несущими большую опасность, в то время как индо-буддистские организации относительно редки и мало опасны.

Таблица 6

Ответы респондентов на вопрос о причинах недостаточной эффективности борьбы

Каковы, на Ваш взгляд, причины недостаточной эффективности борьбы ОВД с религиозным экстремизмом?	Согласен	Скорее согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее не согласен	Не согласен
несовершенство нормативно-правовой базы	55,7	18,3	4,3	2,6	0,9
слабая поддержка со стороны общественных организаций	42,6	21,7	7,8	5,2	2,6
незаинтересованность местных властей в этой борьбе	39,1	21,7	5,2	7,0	7,0
низкая материальная база ОВД (низкая зарплата сотрудников, слабая техническая оснащенность)	40,0	17,4	10,4	9,6	4,3

На вопрос, каковы причины недостаточной эффективности борьбы ОВД с религиозным экстремизмом (Табл. 6), респонденты чаще всего указывали на «несовершенство нормативно-правовой базы» (ответы «согласен» и «скорее согласен» выбрали 74% респондентов). Это соответствует ожиданиям, поскольку, как ранее указывалось, до сих пор нет даже официального определения понятия «деструктивная религиозная организация». Несколько реже опрашиваемые сотрудники ОВД выбирали три других варианта ответа:

- слабая поддержка общественных организаций (ответы «согласен» и «скорее согласен» выбрали 64% респондентов);

- незаинтересованность местных властей (61%);

- низкая материальная база ОВД (57%).

Следует подчеркнуть, что чисто материальный фактор (низкая зарплата сотрудников и их слабое техническое оснащение) респонденты оценили как наименее важный в сравнении с остальными.

Последний блок вопросов в анкете содержал список из 7 конкретных мер противодействия деятельности ДРО и был направлен на выяснение, насколько регулярно применяются в столичном регионе эти меры (Табл. 7).

Таблица 7

Ответы респондентов на вопрос о конкретных мерах противодействия

деструктивным религиозным организациям, в %

Осуществляются ли в том регионе, где Вы работаете, следующие противодействия деятельности деструктивных религиозных организаций?	Осуществляются регулярно	Осуществляются эпизодически	Не проводятся	Затрудняюсь ответить
Мониторинг деятельности деструктивных религиозных организаций при помощи изучения сообщений СМИ и Интернета	73,9	13,0	5,2	5,2

Работа с представителями этнических диаспор по предотвращению их вступления в деструктивные религиозные организации	34,8	47,8	3,5	8,7
Работа с религиозными организациями по профилактике и предотвращению экстремистской деятельности	44,3	33,0	11,3	8,7
Работа с представителями СМИ для освещения проблем религиозного экстремизма и его профилактики	30,4	46,1	13,9	8,7
Контроль деятельности деструктивных религиозных организаций при помощи внедренных сотрудников ОВД	21,7	38,3	17,4	16,5
Профилактическая работа с сотрудниками ОВД, направленная на предотвращение «примиренческого» отношения к религиозному экстремизму	24,3	31,3	22,6	17,4
Оказание помощи и поддержки религиозным организациям не-экстремистского характера	13,0	28,7	21,7	38,3

Согласно ответам респондентов, в регулярном режиме почти повсеместно проводится лишь один вид деятельности – мониторинг деятельности ДРО через СМИ и Интернет (74% опрошенных отметили, что эти меры «осуществляются регулярно», еще 13% - что они «осуществляются эпизодически»). С высокой степенью регулярности проводится также работа с религиозными организациями, направленная на предотвращение их перерождения в ДРО (44% респондентов отметили, что эти меры «осуществляются регулярно», еще 33% - что «осуществляются эпизодически»). Все остальные меры проводятся в большей степени эпизодически (очевидно, по мере обострения проблемы), чем регулярно.

Часто применяемыми следует считать такие меры, как:

- работа с представителями этнических диаспор по предотвращению их вступления в ДРО – речь идет, очевидно, о работе с «этническими мусульманами» по профилактике развития исламистского экстремизма (по мнению 35% респондентов, эти меры «осуществляются регулярно», по мнению 48% - «осуществляются эпизодически»);

- работа с представителями СМИ (30% - регулярно, 46% - эпизодически);

- контроль деятельности ДРО при помощи внедренных сотрудников (22% - регулярно, 38% - эпизодически).

Реже всего, согласно данным опроса, применяют такие меры, как профилактическая работа с сотрудниками ОВД и помощь неэкстремистским

религиозным организациям. Относительно малое распространение профилактической работы с сотрудниками ОВД, возможно, объясняется тем, что в столичном регионе среди сотрудников слабо распространено «примиренческое» отношение к религиозному экстремизму. Но слабое внимание к работе с не-экстремистскими религиозными организациями (лишь 42% опрошенных отметили, что эта работа проводится регулярно или эпизодически) не имеет рационального обоснования. Лучшим способом профилактики религиозного экстремизма за рубежом заслуженно считается именно поддержка «нормальных» религиозных организаций. Возможно, сотрудники ОВД уделяют слабое внимание этому направлению профилактической работы, считая помощь не-экстремистским религиозным организациям задачей скорее местных органов власти, чем ОВД.

Результатам проведенного исследования позволяют сформулировать ряд выводов и практических рекомендаций.

1) Представления сотрудников ОВД, какие религиозные организации следует считать деструктивными, чаще всего совпадают с мнением ученых-религиоведов: главный критерий деструктивности – объективная общественная опасность (разжигание религиозной розни). В то же время широкое распространение имеют не вполне верные и даже глубоко ошибочные трактовки: более $\frac{3}{4}$ опрошенных считают признаком деструктивности обеспечение наживы ее организаторам; около $\frac{1}{4}$ считают деструктивными религиозные организации, которые отличаются от традиционной религии данного народа. Необходимо рекомендовать усилить среди сотрудников ОВД работу по объяснению современных подходов к анализу новых религиозных организаций, причем с опорой на экспертов из числа гражданских специалистов-религиоведов, не связанных с РПЦ.

2) В Москве и Московской области наиболее типичными видами ДРО считаются христианские организации, в

меньшей степени – псевдонаучные, оккультные и неоязыческие, исламистские.

3) Наиболее общественно опасными сотрудники ОВД считают сатанистские и исламистские организации, в меньшей степени – оккультистские и неоязыческие, а также псевдонаучные. Можно сделать вывод, что главным объектом внимания сотрудников ОВД должны быть исламистские религиозные организации. Что касается христианских ДРО, то они хотя и наиболее широко распространены, но не считаются представляющими высокой общественной опасности, поэтому на них не следует выделять много ресурсов.

4) Чаще всего встречаются проявления религиозного экстремизма в форме распространения экстремистских материалов (через Интернет и при помощи печати). Что касается религиозно мотивированного насилия, то оно не слишком типично для столичного региона (только 25% респондентов считают, что нападения на священнослужителей и инаковерующих происходят «часто» или «скорее часто»). Поэтому приоритетным направлением противодействия религиозному экстремизму следует считать именно профилактическую борьбу с религиозно-экстремистской пропагандой.

5) Борьба ОВД с различными видами ДРО оценивается в целом как умеренно эффективная – доля критических оценок уравновешена долей положительных оценок. Самым важным фактором, мешающим обеспечению эффективности противодействия ДРО, подавляющее большинство респондентов считают несовершенство нормативно-правовой базы (74%) и слабую поддержку со стороны общественных организаций (64%). Первостепенными задачами, следовательно, следует считать выработку целостной нормативно-правовой базы по проблемам ДРО и создание системы тесного сотрудничества с некоммерческими организациями (НКО).

6) Наиболее активно сотрудниками ОВД для противодействия ДРО применяется мониторинг при помощи анализа сообщений СМИ и Интернета,

наименее активно – оказание помощи и поддержки религиозным организациям. Следует порекомендовать обратить особое внимание на необходимость развивать

сотрудничество ОВД с религиозными организациями не-экстремистского характера как с очень важной разновидностью НКО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурковская В.А. Актуальные проблемы борьбы с криминальным религиозным экстремизмом в современной России. - М.: Издатель Пресс, 2005. -С. 33.
2. Определение «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме» (<http://www.patriarchia.ru/db/text/530422.html>).
3. Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера. Изд-е 2-е, переработ, и дополн. - Белгород, 1997 (<http://zakon.kuban.ru/book/index.shtml>).
4. См., например: Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. - М.: Христианская библиотека, 2007 (<http://lib.eparhia-saratov.ru/books/05d/dvorkin/-sects/contents.html>).
5. См., например: Кантеров И. «Деструктивные, тоталитарные» и далее везде // Религия и право. - 2002. - № 1.
6. В тексте процентные показатели даны с округлением до целых.

Н.В. Фатихова
соискатель
КГТУ им.А.Н.Туполева

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ТЕКУЧЕСТИ КАДРОВ ОВД РТ И ПУТИ УКРЕПЛЕНИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

В статье дается анализ понятий «кадровый потенциал», «текучесть кадров», «закрепляемость», обобщаются эмпирические данные. Рассмотрен широкий спектр социально-профессиональных вопросов, связанных с совершенствованием подготовки высококвалифицированных специалистов, их адаптации и закрепления в органах внутренних дел с целью снижения текучести кадров.

Одной из важнейших тенденций современной эпохи является возрастание роли человеческого фактора во всех сферах деятельности, включая и сферу общественной безопасности. Создание руководителями ОВД условий для реализации способностей сотрудника и развития его личности - очень важный фактор повышения эффективности служебной деятельности и, как следствие этого, улучшения деятельности органа внутренних дел.

Качественное решение профессиональных задач, стоящих перед ОВД, престиж милиции, в первую очередь, производны от наличия профессиональных кадров, стабильности их состава, подготовленности к служебной деятельности в сложных современных условиях.

Реформирование системы МВД затрагивает широкий спектр социально-профессиональных вопросов, в том числе связанных с совершенствованием подготовки высококвалифицированных специалистов, их адаптации и закрепления в органах внутренних дел с целью снижения текучести кадров. Очевидно, что успех ведомственных преобразований зависит, прежде всего, от их социальной направленности, от того, как будут решаться проблемы человека в милицейской форме.

Одной из ключевых проблем в современной России является низкая социальная эффективность органов правопорядка. Реформирование МВД назрело давно, однако до сих пор нет внятной концепции оптимальной конструкции правоохранительной системы. Необходимость этих преобразований обусловлена развитием новых социально-политических и экономических реалий, усилением роли структур правопорядка в противодействии терроризму, наркотизму, незаконной миграции, бандитизму и иным криминальным угрозам современности, в деле защиты прав и свобод личности, в обеспечении законности и общественной безопасности.

Социальная эффективность деятельности правоохранительных органов определяется, в первую очередь, состоянием кадрового потенциала. Кадровый потенциал (от лат. *Potentia* - возможность, мощь, сила) - это общая характеристика персонала как одного из видов

ресурсов, связанная с выполнением возложенных на него функций и достижением целей перспективного развития того или иного предприятия; это имеющиеся и потенциальные возможности работников как целостной системы (коллектива), которые используются в определённый момент времени [1].

Перспективы кадровой стабильности формируются интеграцией и динамикой таких моментов и сторон жизнедеятельности человека, как личностные свойства; общая работоспособность; профессионально-квалификационные знания, умения, опыт; творческие склонности, способность и ориентация личности. Воспроизведение и рост кадрового потенциала так же, как и степень соответствующей ему эффективности труда, зависит не столько от какого-либо одного элемента, сколько от их интеграции, а также их сбалансированности и для отдельного человека, и для групп работников.

Структурный функционализм базовой идеей выдвигает идею «социального порядка», то есть имманентное стремление любой системы поддержать собственное равновесие, согласовать между собой различные её элементы. В своей концептуальной модели Т.Парсонс определил четыре основных функций для любой социальной системы, которые обеспечивают эффект ее самосохранения: адаптацию, целеориентацию, интеграцию и поддержание образца [2]. Если эти условия не реализуются, то одним из следствий станет высокая текучесть кадров - увольнений молодых специалистов из ОВД как по собственному желанию, так и в связи с нарушением трудовой дисциплины.

Текучесть кадров - это движение рабочей силы, обусловленное неудовлетворительностью работника рабочим местом или неудовлетворительностью организации конкретным работником, вызывающее излишнюю сменяемость работников, что наносит экономический и социальный ущерб организации. «Жизнестойкость» этого экономико-социально-психологи-ческого феномена обусловлена рядом как объективных, так и субъективных факторов, о

чем убедительно свидетельствуют эмпирические исследования [3].

В последнее время, по ряду причин, отмечается тенденция омоложения личного состава органов и подразделений внутренних дел. В настоящее время около 40% от всего личного состава органов внутренних дел Республики Татарстан составляют молодые сотрудники. Ежегодно на службу в МВД по РТ из образовательных учреждений МВД России прибывают около 350 молодых специалистов. Значительная часть из них в течение первых лет службы переходят на работу в другие правоохранительные органы или на гражданскую службу.

Давно уже стало привычным, что формулировка «по собственному желанию» - основная причина увольнений сотрудников из ОВД. Однако причины появления этого «желания» остаются в тени. Таким образом, отток молодых специалистов не только негативно сказывается на кадровых ресурсах ОВД, нарушает преемственность передачи профессиональных знаний и опыта, но и государство несет неоправданные затраты на подготовку будущих сотрудников органов внутренних дел. Актуальность проблемы текучести молодых специалистов из подразделений ОВД очевидна.

По статистическим сведениям МВД России, за последние три года (2007-2009гг.) образовательными учреждениями подготовлено 26 905 специалистов. Более 90% выпускников образовательных учреждений системы МВД России поступают на службу непосредственно в МВД-ГУВД-УВД субъектов Российской Федерации. За этот же период уволилось из органов внутренних дел 4089 молодых специалистов, проработавших менее 3-х лет, что соответствует 15 % [4].

В территориальные органы внутренних дел МВД по РТ основной поток молодых специалистов с высшим юридическим образованием поступает из Казанского юридического института МВД России. Выпускники других юридических вузов Казани (КСЮИ, КГУ, ТИСБИ и др.) составляют незначительную часть в структуре молодых специалистов с высшим юридическим образованием.

В качестве объекта эмпирического исследования были выбраны молодые специалисты - выпускники КЮИ МВД России, продолжающие службу в ОВД

Татарстана (209 респондентов); молодые специалисты, уволившиеся из ОВД в течение первых трех лет службы (26 респондентов). Выборочный опрос молодых специалистов проведен в 7 ОВД Казани, в УВД города с помощью формализованной анкеты. Кроме того, выполнен анализ личных дел, заключений служебных расследований, выписок из приказов об увольнении молодых специалистов.

Закрепляемость выпускников вуза в практических органах нуждается в оптимизации, так как даже при высоком уровне показателя и единичных случаях увольнений на каждого обучаемого были затрачены средства, безвозвратно потерянные для государства в результате нежелания выпускника продолжить службу в ОВД.

Анализ закрепляемости выпускников ОУ МВД России, по данным УК МВД по РТ, показывает, что в ОВД РТ этот показатель с 2006 года по 2008 год улучшается как в целом, так и по основным специальностям (юриспруденция и правоохранительная деятельность). Средние значения среди выпускников КЮИ МВД России составляют 88,6% [5].

Анализ официальных причин увольнений выпускников образовательных учреждений МВД России на основе изучения 23 случайно отобранных личных дел и выписок из приказов об увольнении молодых специалистов показал, что ведущей причиной увольнения молодых специалистов является «по собственному желанию» (п.«а» ст.19 Закона Российской Федерации «О милиции») – 69,5% (16 дел). На втором месте – «в связи с нарушением условий контракта» (п.«д» ст.19 Закона Российской Федерации «О милиции») – 21,7% (5 дел). Имеются факты увольнения выпускников по отрицательным мотивам (п.«л» ст.19 Закона Российской Федерации «О милиции») – 8,8% (2 дела). Доля других причин (в связи с призывом на военную службу, по сокращению штатов) незначительна.

В процессе исследования был осуществлен социологический опрос 26 уволившихся из ОВД молодых специалистов- выпускников КЮИ МВД

России (выполнен по принципу «снежного кома»). Трудовой стаж опрошенных выпускников не превышал трех лет, наибольшая часть опрошенных уволилась на первом году службы. Каждый опрошенный указал на одну и более причин своего увольнения из ОВД. В результате неформализованного интервью удалось установить следующие причины увольнения: низкая зарплата – 30,8%, недостаточно престижная работа – 15,4%, конфликт с руководителем – 15,4%, неудовлетворительные условия работы (экстремальный режим, отсутствие компенсаций) – 11,5%, нарушение служебной дисциплины – 11,5%, обманутые ожидания («не нашел себя») – 11,5%, работа не соответствует занимаемой должности – 3,8%.

Результаты исследования показали, что успеху адаптации к избранной профессиональной деятельности во многом способствует состояние морально-психологической атмосферы в трудовых коллективах ОВД. К сожалению, данные опроса показывают, что по индикатору настроения морально-психологический климат в милицеских подразделениях далеко не всегда способствует адаптации молодых специалистов.

Между тем проблемы морально-психологического плана относятся к организационному уровню и во многом производны от пробелов в управленческой, кадровой и воспитательной работе на местах.

На вопрос "Как вы оцениваете стиль руководства в Вашем подразделении?" 55,0% респондентов оценили на "отлично" и "хорошо"; 30,6% - "удовлетворительно". Результаты опроса показали, что взаимоотношения в коллективах ОВД, особенно с непосредственным начальником (75,6%) и с руководителем подразделения (70,8%) доброжелательные. Кроме того, 22,0% опрошенных считают, что отношения с непосредственным начальником безразличные. Возможно, сложившееся положение обусловлено тем, что некоторым сотрудникам иногда приходилось быть в ситуации, когда руководство ставило их в условия, вынуждающие идти на нарушение законности.

Анализ взаимоотношений, сложившихся в коллективах в целом, показал, что в основном они доброжелательные (92,3%). Это

подтверждают большинство опрошенных, и лишь у незначительной доли сотрудников отношения не сложились, в основном с начальниками.

Морально-психологический климат проявляется в особенностях настроений членов коллектива, в индивидуальном самочувствии каждого из них и в их удовлетворенности результатами служебной деятельности. По нашему мнению, на специфику социально-психологической адаптации молодого специалиста в ОВД существенное воздействие оказывает режим работы.

По итогам исследования морально-психологического климата установлено, что в коллективах ОВД существуют причины, негативно влияющие на морально-психологическое состояние сотрудников и, как следствие, на эффективность их оперативно-служебной деятельности. Прежде всего, это причины объективного характера: недовольство денежным содержанием, неудовлетворенность решением жилищно-бытовых вопросов, низкая обеспеченность деятельности материальными и техническими средствами, резко повысившаяся за последний год служебная нагрузка, а также низкий уровень правовой защищенности личного состава при выполнении задач служебной деятельности. Проведенный мониторинг помог выявить особенности негативных факторов. К ним относятся: ненормированный рабочий день, отсутствие регулярных дней отдыха, выполнение многочисленных поручений, частая смена объекта деятельности. В целом очень высокой и высокой свою нагрузку называют 83,7% опрошенных. Причем служебные нагрузки в ОВД особенно остро воспринимают в подразделениях уголовного розыска, ОБЭП (88,5%), в милиции общественной безопасности (92,5%), следствии и дознании (86,4%).

В современных условиях не сможет закрепиться на службе в органах внутренних дел сотрудник, пассивно ожидающий приказов, считающий себя исполнителем команд, не умеющий

принимать решения самостоятельно. Служба в ОВД требует инициативного, мыслящего, образованного, творчески ориентированного на успех специалиста. Молодой сотрудник должен быть гибким, умело справляющимся с решением сложных специальных и межотраслевых проблем, контактировать и сотрудничать со специалистами в других областях правоохранительной сферы. От сотрудников ОВД требуется высокая приспособляемость и внутренняя мотивация к постоянному образованию и повышению своей квалификации.

Поступив на службу в ОВД, часть сотрудников психологически еще не осознают своего нового правового положения и соответствующих ему обязанностей. Новая обстановка, обуславливаемая высоким темпом и ритмом жизни, строгий порядок требуют изменить прежние формы поведения, отказаться от многих привычек, выполнять новые обязанности. Для того чтобы оптимизировать процесс трудовой адаптации нового сотрудника, прибывшего на службу в ОВД, и осуществлять профилактику текучести кадров, необходимо усилить деятельность, связанную с воспитательной работой, и обеспечить необходимые условия для развития активности личности. Достаточно сильное влияние на формирование отношения личности к службе, профессии, выполнению должностных обязанностей, то есть на отношения, лежащие в основе мотивации личности, оказывает коллектив.

Ситуация усугубляется тем, что полностью защищенным в правовом и социальном планах считают себя незначительная часть сотрудников (14,4% - да, полностью, 54,1% - да, лишь отчасти). Доля сотрудников, находящихся в постоянной тревоге за себя и своих близких в связи с исполнением служебных обязанностей, составляет 16,7%, особенно это актуально в подразделениях следствия, дознания (13,6%), уголовного розыска, ОБЭП (19,8%), милиции общественной безопасности (21,4%).

При анализе индикатора «Деятельность подразделения за последний год»

относительно велика доля лиц, отметивших ее ухудшение (14,4%). В частности в подразделениях уголовного розыска, ОБЭП, по линии ОБНОН (ОРЧ-5) (15,6%), в следствии и дознании (9,1%), МОБ (14,3%) считают, что ситуация ухудшилась.

Не способствуют лучшему прохождению адаптации и систематические отвлечения молодых специалистов на несвойственную их служебному статусу деятельность (дежурства, совещания, командировки, поручения). 21,1% респондентов считают, что их постоянно отвлекают подобными поручениями, 46,4% опрошенных утверждают, что это происходит от случая к случаю. Характерно, что наиболее часто отвлекают от службы в подразделениях уголовного розыска, ОБЭП (постоянно-28,1%, частично-43,8%), милиции общественной безопасности (57,1%), следствии, дознании постоянно - 34,1% , от случая к случаю - 63,6%.

Этот вывод подтверждает и распределение ответов на вопрос о том, как часто приходится работать сверхурочно в выходные и праздничные дни (постоянно происходит - 45,9%, от случая к случаю - 47,8%). Причем постоянно привлекаются к дежурствам в выходные дни подразделения уголовного розыска, ОБЭП - 55,2%, милиция общественной безопасности - 50,0%, следствия и дознания - 34,1%,. Если рассматривать по гендерному признаку, то мужчины привлекаются чаще (52,7%), чем женщины (28,8%). Опрос показал, что старшему и среднему начальствующему составу (45,0%), и младшему начальствующему и рядовому составу (45,7%) приходится работать наравне.

Само по себе привлечение к несению службы молодых сотрудников в праздничные и выходные дни не является чем-то особенным. Это норма для милицеских коллективов, обусловленная спецификой службы. Другое дело, что молодые специалисты не получают элементарных компенсаций за внеурочный труд, предусмотренных Положением о прохождении службы и Трудовым

кодексом РФ. О том, что сверхурочная работа компенсируется предоставлением отгула, сообщают только 8,6% опрошенных, о частичных компенсациях свидетельствуют 33,5% респондентов. 51,2% участников исследования эти способы компенсации не коснулись вовсе. Обращает на себя внимание, что в этом отношении подразделения уголовного розыска, ОБЭП (60,4%), милиция общественной безопасности (64,3%) подвергаются большей дискриминации, чем другие подразделения, они утверждают, что не получают компенсаций за сверхурочные.

Анализ материально-бытовых, социальных условий и различных сторон жизни и деятельности коллективов показал, что подавляющее большинство респондентов не удовлетворено размером денежного содержания (54,5%). "Денежный" фактор примерно в равной мере дезорганизует процесс социально-психологической адаптации в ОВД.

При этом почти половина опрошенных не удовлетворена жилищными условиями (35,4%), режимом рабочего дня, медицинским обслуживанием (25,4%), организацией досуга (36,8%), обеспечением путевками (50,2%).

Таким образом, в ОВД в настоящее время созданы недостаточные материальные условия для удовлетворения базовых витальных потребностей личности молодого специалиста.

Однако исследование показывает, что не лучшим образом обстоит дело и с удовлетворением социально-психологических потребностей личности в ОВД. Так, только каждый пятый участник опроса удовлетворен тем, что работа позволяет ему проявить инициативу, выразить себя. 58,4 % опрошенных свидетельствуют, что такая возможность удовлетворяется лишь частично.

Аналогичную оценку участники исследования дают тому, как реализуется в ОВД возможность развивать навыки организаторской работы.

Более 35,4% респондентов рассматривают свою службу как деятельность, имеющую перспективу, а

более 44,5% сотрудников не рассчитывают на нее в ближайшее время, 9,6% лиц вообще ее не видят.

Таким образом, проблемными вопросами, влияющими на результативность работы, текучесть кадров и нежелание продолжать службу, является неудовлетворенность размером денежного содержания, решением жилищной проблемы, режимом рабочего дня, медицинским обслуживанием, правовой и социальной защищенностью. Вышеперечисленные проблемные вопросы крайне негативно влияют на сознание сотрудников ОВД, формируя у них искривленную либо лжесистему ценностей и приоритетов. Проведенное исследование позволяет с достаточно высокой вероятностью ранжировать приоритеты и представить их иерархию по степени убывания: 1-е место – денежное содержание; 2-е – жилищный вопрос; 3-е – вопросы социально-бытового обеспечения; 4-е – другие вопросы, связанные с выживанием сотрудника и членов его семьи. Последние места в рейтинге ценностей и приоритетов занимают вопросы организации и результативности служебной деятельности, повышения профессионализма.

Неполное и некачественное удовлетворение активных жизненных и социально-психологических потребностей личности деструктивно воздействует на адаптационный процесс. Однако наряду с факторами дезадаптации исследование позволяет выявить и факторы, способствующие успеху социально-психологической адаптации молодых сотрудников в коллективах ОВД. К ним относятся: система мер поощрения и стимулирования результативной работы персонала; объективность оценки трудового участия со стороны руководства; удовлетворенность сотрудников результатами своей работы.

Объективная оценка труда, удовлетворенность результатами работы и адекватное поощрение за достигнутые успехи, несомненно, оказывают положительное влияние на эмоциональное состояние молодых сотрудников и

способствуют их успешной адаптации на службе в ОВД.

Сложная диалектическая взаимосвязь личности молодого сотрудника и социально-профессиональной среды, а также факторов, способствующих адаптации и препятствующих ей, приводят к тому, что у персонала неизбежно формируются определенные ожидания относительно дальнейшего пребывания в ОВД. Отсюда следует необходимость укрепления кадрового потенциала ОВД и повышения закрепляемости молодых специалистов в территориальных ОВД.

Таким образом, проведенные исследования позволяют сделать следующие выводы:

- Необходимо обеспечить как минимум удвоение денежного содержания сотрудников ОВД. Решительное улучшение материальных условий службы - важнейший фактор снижения текучести кадров и укрепления профессионального ядра милицеских коллективов.

- Следует, используя правовые и организационные механизмы, обеспечить фактическое решение жилищного вопроса для семей молодых сотрудников.

- Необходимо дальнейшее формирование и совершенствование социального пакета для сотрудников МВД России.

- Следует разработать меры по повышению престижа милицеской службы, укреплению законности и учетно-регистрационной дисциплины в территориальных ОВД, развивать связи с общественностью и СМИ.

- Руководителям ОВД необходимо формировать в территориальных подразделениях предпосылки для снятия высокой психо-эмоциональной напряженности в работе молодых сотрудников, укреплять морально-психологический климат в

милицеских коллективах, преодолевать деструктивное развитие служесных и межличностных конфликтов.

- Необходимо обеспечить приемлемый режим работы специалистов: продумать и осуществить систему специальных мер по компенсации переработок и иных издержек милицеского труда, а также неукоснительно соблюдать права сотрудников ОВД, предусмотренные законодательством и ведомственными нормативными актами.

- Пришло время повысить заинтересованность, в том числе материальную, непосредственных руководителей, наставников за результаты кадрово-воспитательной работы и закрепления молодых специалистов в ОВД.

- Целесообразно сформировать организационные предпосылки по обеспечению полноценного удовлетворения социальных, психологических и культурных потребностей молодых специалистов.

- Следует в вузах системы МВД России укреплять связь учебно-воспитательного процесса с практикой.

- Для повышения закрепляемости молодых специалистов и предупреждения их увольнения на начальных этапах профессиональной деятельности в ОВД назрела необходимость разработки нормативной правовой базы работы с выпускниками образовательных учреждений МВД России.

- Для стимуляции социальной активности молодых сотрудников развивать общественные молодежные организации по типу "Совет молодых специалистов органов внутренних дел Республики Татарстан", следует шире привлекать к воспитательной работе ветеранов и ведущих специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

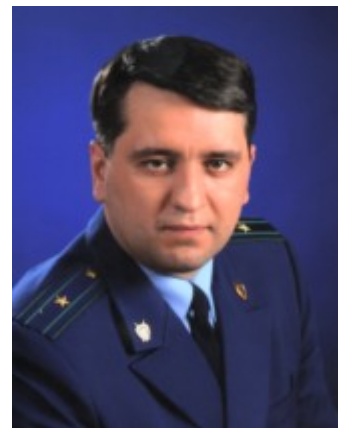
1. Суходоева Л. Ф. [Кадровый потенциал предприятия// Экономика и финансы: Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. -2007. - №3.](#)
2. Комлев Ю.Ю. Основы социологии для юристов: курс лекций. – 2-е изд. перераб. и дополн. – Казань: КЮИ МВД России, 2009.

3. Подготовка выпускников образовательных учреждений МВД России к службе в органах внутренних дел: сборник аналитических и методических материалов. - М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003. -С.28; Комлев Ю.Ю., Демидов В.Н., Уразаева Г.И. Выпускники юридического вуза в органах внутренних дел: проблемы адаптации: учебное пособие. - Казань: КЮИ МВД России, 2003.
4. Комплексное исследование проблемы высокого уровня увольнений выпускников ОУ МВД России в течение первых 3-х лет службы: отчет о научно-исследовательской работе: 46 / Сибирский юридический институт МВД России; рук. Д.Д. Невирко; испол.: Н.А. Горбач [и др.]. - Красноярск, 2009.
5. См.: Комлев Ю.Ю. Молодые специалисты в ОВД: социологический анализ проблемы текучести кадров: научно-практическое пособие.- Казань: КЮИ МВД России, 2008.

С.В. Векленко

доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника
Воронежского института МВД России
по научной работе

С.А. Петров

заместитель прокурора Ленинского района
г. Магнитогорск Челябинской области

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА МОШЕННИЧЕСТВА

В настоящей статье рассматриваются вопросы необходимости снижения возраста, с которого возможна уголовная ответственность за мошенничество, до 14 лет, вопросы вменяемости и «ограниченной вменяемости», а также проблемы, возникающие при квалификации мошенничества по признаку специального субъекта.

Субъект хищения – это любое вменяемое лицо, достигшее возраста, установленного ст. 20 УК РФ. Ответственность за мошенничество может наступить при достижении виновным 16-летнего возраста, хотя возраст субъекта других форм хищений (кража, грабеж, разбой) снижен до 14 лет.

«Снижение возраста уголовной ответственности за кражу, грабеж и разбой, – пишет А.И. Бойцов, – объясняется не только более высокой общественной опасностью данных имущественных посягательств, обусловленной более опасным способом их совершения, но и более широкой их распространенностью среди совершаемых подростками преступлений, обусловленной уровнем их социализации, предопределяющим как интеллектуальную, так и исполнительскую доступность данных способов хищения для 14-летних»[1]. С данным утверждением нельзя согласиться. Так, Л.Д. Ермакова считает, что в ч.2 ст.20 УК РФ «... закон перечисляет только те деяния,

общественную опасность которых в полной мере может осознать лицо, достигшее 14 лет. Опасность и значение этих посягательств доступны, по мнению специалистов, пониманию подростков»[2]. Данная позиция представляется более верной, так как действительно в ч.2 ст. 20 УК РФ включены в том числе составы преступлений, которые не относятся к числу тяжких, в то же время не включены такие особо тяжкие преступления, которые не имеют сроков давности (ст.353, 356, 357 и 358 УК РФ).

Таким образом, единственным критерием определения возраста, с которого возможна уголовная ответственность, является возможность осознания лицом общественной опасности совершаемого деяния. Исходя из этого критерия, законодатель полагает, что ответственность за мошенничество может наступить только при достижении лицом 16-летнего возраста.

Мошенничество – это интеллектуальное по своей сути преступление, предполагающее наличие

определенного жизненного опыта у виновного, довольно значительных интеллектуальных способностей, знания основ психологии, хотя бы на житейском уровне, зачастую приобретенных опытным путем, поэтому среди несовершеннолетних мошенничество практически не распространено, а то, которое все-таки совершается, в большинстве своем представляет примитивные хищения, граничащие с грабежом. На практике это, как правило, временное заимствование сотового телефона с обещанием вернуть, без намерения возврата. После того как телефон получен и потерпевший отвлекается, преступник скрывается с похищенным имуществом. Если потерпевший вновь обращает свое внимание на виновного в тот момент, когда последний скрывается с места преступления, и обнаруживает его противоправные действия, то мошенничество перерастает в грабеж, либо если телефон добровольно не отдается, то его отбирают силой, и тогда изначальный умысел на мошенничество трансформируется в умысел на совершение насильственного грабежа.

Несмотря на интеллектуальность мошенничества, общественная опасность вышеуказанной его разновидности, на наш взгляд, доступна для осознания несовершеннолетними в возрасте 14-15 лет. Полагаем, что осознание общественной опасности происходит независимо от способа совершения хищения, а исходя из противоправности обращения чужого имущества в пользу виновного. При краже несовершеннолетний понимает, что он не имеет никаких прав на похищаемое имущество, при мошенничестве происходит то же самое, однако законодатель считает, что, исходя из способа хищения, несовершеннолетний не осознает общественной опасности мошенничества. По нашему мнению, данная норма закона противоречит объективной действительности, так как несовершеннолетние подростки возраста

14-15 лет прекрасно осознают общественную опасность противоправного безвозмездного обращения чужого имущества в свою пользу, независимо от способа хищения.

Например, при изучении уголовного дела по обвинению несовершеннолетних Ж., Л. и О. установлено, что указанные лица договорились совершить хищение сотового телефона у несовершеннолетнего И. Для этого 22.10.2006 они встретили потерпевшего, и гражданин Ж. попросил у него телефон, якобы сделать звонок. Получив телефон, Ж. передал его Л. и О., которые с телефоном скрылись. Как установлено в ходе предварительного следствия и судебного заседания, все подсудимые осознавали, что совершают преступление, а именно хищение чужого имущества, вступили между собой в преступный сговор на хищение телефона, и первоначально их действия квалифицировались как грабеж, совершенный группой лиц по предварительному сговору. Однако судом действия подсудимых переквалифицированы на мошенничество, в связи с чем несовершеннолетний О. по данному эпизоду обвинения оправдан, так как не достиг 16-летнего возраста [3]. Из приведенного примера видно, что несовершеннолетний О., не достигший к моменту совершения преступления 16-летнего возраста, прекрасно осознавал, что совершает преступление, но, несмотря на осознание общественной опасности совершенного деяния, избежал уголовной ответственности в связи с несовершеннолетством действующего законодательства.

В связи с изложенным полагаем, что в ч.2 статьи 20 УК РФ, которая снижает возраст лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за некоторые виды преступлений, до 14 лет, следует включить и мошенничество, то есть ст. 159 УК РФ. Ряд исследователей разделяют данную точку зрения [1, с. 277-281; 4, с. 95].

Довольно противоречиво высказывается по вопросу снижения возраста уголовной ответственности за мошенничество А.В. Бондарь. Он предлагает установить уголовную ответственность за мошенничество с 14 лет, но за совершение мошенничества с использованием банковских документов порог ответственности оставить на прежнем уровне в 16 лет, так как, по его мнению, общественная опасность с использованием более сложных средств (например, фальсификация банковских платежных документов) лицом, не достигшим 16 лет, может не осознаваться в силу недостаточности специальных знаний [5, с. 10]. На наш взгляд, подобная дифференциация ответственности излишня, так как несовершеннолетний, способный сфальсифицировать банковские платежные документы, однозначно способен осознать общественную опасность данного деяния в связи с тем, что первое гораздо сложнее для понимания, нежели второе. Не каждый взрослый, умудренный опытом человек может разобраться в банковской документации. Следовательно, если несовершеннолетнему это удалось, то уровня его знаний достаточно и для осознания общественной опасности подобного преступления.

Еще одним необходимым условием наступления уголовной ответственности ст. 19 УК РФ предусматривает такой признак субъекта преступления, как наличие вменяемости, т.е. определённого уровня психического здоровья, при котором лицо способно отвечать за свои действия и давать им соответствующую оценку. При этом определение вменяемости в Уголовном кодексе РФ не дается и его смысл можно уяснить, исходя из определения невменяемости, которое приведено в ст. 21 УК РФ. Согласно данной норме закона, под невменяемостью понимается невозможность лица осознать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), либо руководить ими вследствие

хронического психического расстройства, слабоумия, либо иного болезненного состояния психики.

Из данного определения следует, что состояние невменяемости характеризуется двумя критериями. Один критерий определяет психическое состояние лица в сравнении с биологической нормой. Этот критерий в науке называют биологическим, или медицинским.

Другой критерий характеризует состояние психики лица в момент совершения им общественно опасного деяния, то есть уровень и состояние интеллекта, волевою сторону психики. Этот критерий называют психологическим, или юридическим [6, с. 30].

В свою очередь юридический критерий невменяемости определяется двумя признаками, интеллектуальным и волевым, причём достаточным для признания лица невменяемым является наличие хотя бы одного [7, с. 118-119].

Интеллектуальный признак юридического критерия предполагает невозможность (неспособность) лица осознать опасность своего действия (бездействия). Волевой признак предполагает неспособность лица руководить своими действиями (бездействием). Медицинским критерием невменяемости именуется данный законодателем в обобщённом виде исчерпывающий перечень психических расстройств, которые могут сопровождаться утратой способности лица отдавать себе отчёт в своих действиях или руководить ими [8, с. 72]. Данный перечень состоит из хронических психических расстройств, временных психических расстройств, слабоумия, иного болезненного состояния психики, к которому относят такие болезненные явления, которые не являются психическими заболеваниями в медицинском смысле, но сопровождаются существенными нарушениями психики (например, опухоли и травмы головного мозга).

Для признания лица невменяемым необходимо наличие медицинского и юридического критериев, при отсутствии хотя бы одного лицо считается вменяемым. Соответственно, вменяемыми считаются не только лица, не имеющие каких-либо недостатков психического характера, но и лица, которые страдают психическими заболеваниями и недостатками умственного развития, но в момент совершения преступления могли осознавать фактический характер своих действий и руководить ими [9, с.68; 10, с. 123].

Применительно к мошенничеству вопрос вменяемости не возникает практически никогда. Это обусловлено самим способом совершения преступления, который предполагает наличие определенного уровня интеллекта у преступника, а также совершение целенаправленных действий для достижения преступного результата. В состоянии невменяемости обычно совершаются насильственные общественно опасные деяния, не требующие длительной подготовки, совершающиеся, как правило, спонтанно, не предполагающие для их совершения наличия интеллектуальных способностей. Опять же, если мошенничество совершено лицом, имеющим психическое заболевание, то это заболевание, как правило, не лишает данное лицо возможности осознавать свои действия и руководить ими. Для совершения мошенничества необходимо осознавать сам способ совершения преступления, понимать суть обмана, чтобы ввести потерпевшего в заблуждение. Если лицо способно осознать суть обмана, следовательно, оно может осознать и преступность своего поведения.

Ныне действующий Уголовный кодекс РФ ввел ст. 22 «Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости», аналога которой не существовало в предыдущих кодексах. Нововведение стали широко именовать "ограниченной вменяемостью", однако

данный термин подвергается критике. Так, С.Шишков полагает, что раз такого названия нет в законе, то употреблять его в официальных документах недопустимо [11 с. 29]. "Ограниченная вменяемость" есть вариант вменяемости, но не "промежуточное" состояние между вменяемостью и невменяемостью. Во всяком случае, так следует из текста УК [11, с. 30]. Вместе с тем вменяемость лица "отягчена" психическим расстройством, которое, в отличие от расстройства, характерного для невменяемых, не носит патологического характера, т.е. не является болезнью. Это принципиальное и в сущности единственное отличие невменяемого от лица с психическим расстройством, не исключаяющим вменяемость [12, с. 9]. Субъект при ограниченной вменяемости может в целом характеризоваться как лицо, обладающее определенными психофизиологическими аномалиями. Как правило, к подобной аномалии могут относиться такие крайние типы характера как холерический и меланхолический. Первый отличается повышенной импульсивностью, и в стрессовой ситуации холерик легко может совершить преступление. Опять же данное преступление будет с внезапно возникшим умыслом, что не характерно для мошенничества. Более того, способ мошенничества не предполагает импульсивности. Меланхолик характеризуется преобладанием процессов торможения над процессами возбуждения, отчего ему свойственна пониженная активность, медлительность, замкнутость, депрессивность. Такие лица чаще всего совершают преступления по неосторожности. Мошенничество же предполагает умышленную форму вины.

К аномальным состояниям относятся неврозы и психопатии, которые в различных своих проявлениях также характеризуются дисбалансом психофизиологических процессов возбуждения и торможения. При этом психопаты, согласно данным специалистов, составляют ядро

криминального мира. Именно этой категории правонарушителей свойственны такие одиозные черты характера, как злобность, жестокость и т.п. Поведение психопатов определяют мощные примитивные влечения, что дает основания говорить о бессознательной мотивации их преступного поведения [12, с.10]. Данные личности совершают общеуголовные преступления, но никак не мошенничество, следовательно, вопросы ограниченной вменяемости практически никогда не возникают при квалификации данного вида преступлений.

Раскрывая содержание субъекта преступления, А.И. Бойцов утверждает, что любой субъект хищения – это специальный субъект, а именно несобственник похищаемого имущества [1, с. 278]. Данный признак является излишним, так как он раскрывается при анализе предмета преступления как чужого имущества. Если следовать логике А.И. Бойцова, то любое преступление совершается специальным субъектом. Например, при причинении вреда здоровью субъект преступления – это не лицо, чьему здоровью причиняется вред, при похищении человека – это не тот человек, которого похищают и т.д.

Ст. 159 УК РФ – одна из двух статей Уголовного кодекса, предусматривающая в качестве квалифицирующего признака совершение хищения лицом с использованием своего служебного положения, то есть совершение преступления специальным субъектом. Признаки специального субъекта, характерного для мошенничества, можно уяснить из примечания к ст. 201 и ст. 285 УК РФ. К таковым относятся: 1) лица, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в любой организации (коммерческой, некоммерческой, муниципальном или государственном учреждении, органе государственной либо муниципальной власти); 2) лица, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющие функции представителя власти.

Квалифицируя то или иное мошенничество как хищение с использованием служебного положения, следует помнить, что предоставленные в силу служебного положения полномочия должны использоваться именно для совершения мошенничества. Зачастую на

практике по ч.3 ст. 159 УК РФ квалифицируются мошенничества, совершенные лицом, наделенным определенными вышеуказанными полномочиями, независимо от того, использовало ли это лицо предоставленные полномочия для совершения мошенничества или нет, что неверно. Как правило, все мошенничества, совершенные «липовыми» директорами «липовых» организаций, квалифицируются по ч.3 ст. 159 УК РФ по признаку специального субъекта в связи с тем, что преступление совершено лицом, выполняющим организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в «липовой» организации.

Так, на основании приговора Ленинского районного суда г.Магнитогорска от 01.04.2008 гражданин И. признан виновным в совершении 15 мошенничеств, при этом 7 преступлений суд квалифицировал в том числе по признаку использования виновным своего служебного положения, так как И. заключал с потерпевшими гражданско-правовые договоры от имени организаций, в которых являлся директором. По остальным 8 преступлениям признак использования служебного положения судом был исключен, так как договоры были заключены от имени фирм, в которых И. выступал учредителем, а не директором, хотя с объективной стороны все преступления были абсолютно идентичны и при их совершении И. не использовал организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции. Более того, использовать данные функции он не имел возможности, так как они не распространялись на его контрагента по договору, которого он обманул, и не могли распространяться, так как контрагент не подчинен виновному по службе. Несмотря на это, по 7 эпизодам обвинения квалификация мошенничеств по признаку использования своего служебного положения сохранена даже в кассационной инстанции [13]. Совсем другое дело, когда директор организации, путем издания приказа или другим способом, используя свои полномочия, обманывает своих подчиненных и похищает их имущество. Использоваться должны именно полномочия, а не авторитет, приобретенный в силу занимаемой должности. Также если для подготовки того же самого мошенничества директор организации использует свои полномочия, в силу которых его подчиненные совершают подготовительные действия, а потом он обманывает контрагента, используя созданные условия.

Использование служебного положения при совершении мошенничества является посягательством на охраняемый уголовным законом дополнительный объект. Этим дополнительным объектом выступают интересы службы в государственных органах, органах

местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ, в коммерческих организациях независимо от формы собственности, а также некоммерческих организациях, не являющихся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением [14, с. 50; 15, с. 169].

Дискуссионным остается вопрос о необходимости дополнительной квалификации мошенничества, совершенного лицом с использованием своего служебного положения, по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за служебные преступления. А.Г. Безверхов утверждает: «Согласно общей теории квалификации преступлений, совокупность в данном случае может быть лишь реальной, когда различными действиями в разное время совершаются различные по оценке преступления должностными лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, либо иным служащим. В противном случае нарушается принцип справедливости, так как, согласно ч.2 ст. 6 УК, никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. Отсюда действует следующее правило квалификации: если статьями УК специально предусматривается ответственность за общеуголовные преступления, совершенные с использованием служебного положения, то содеянное следует квалифицировать по этим статьям без совокупности со статьями, предусматривающими ответственность за служебные преступления» [15, с.173-174]. С данной точкой зрения, наверно, стоило бы согласиться, но возникает следующий парадокс. Максимальное наказание по ст. 159 ч.3 УК РФ составляет 6 лет лишения свободы, а максимальное наказание по ст. 201 и ст. 285 УК РФ составляет 10 лет лишения свободы. Отсюда видно, что два последних преступления по

степени общественной опасности никоим образом не соотносятся, квалифицированный состав преступлений, предусмотренных ст. 201 и ст. 285 УК РФ, предполагает ответственность за тяжкие преступления, которые граничат с особо тяжкими. Но при этом если субъекты, преступлений, предусмотренных ст.201 и 285 УК РФ, совершают мошенничество, то их деяния предлагается квалифицировать одинаково, по ч.3 ст. 159 УК РФ.

Нельзя не согласиться с тем, что степень общественной опасности мошенничества, совершенного лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, значительно ниже степени общественной опасности мошенничества, совершенного должностным лицом, при других равных условиях. Кроме этого, следуя этому же принципу, мошенничество, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно органа местного самоуправления, следует квалифицировать по ч.3 ст. 159 УК РФ. При этом если данное деяние будет квалифицировано по ч. 2 ст. 285 УК РФ, виновный мог бы получить более суровое наказание, так как санкция последней статьи предусматривает наказание до 7 лет лишения свободы.

На наш взгляд, ч.3 ст. 159 УК РФ охватывает только основной состав служебных преступлений (ч.1 ст. 201 УК РФ и ч.1 ст. 285 УК РФ). Если при совершении мошенничества лицом с использованием своего служебного положения данное лицо теми же самыми действиями совершает квалифицированное либо особо квалифицированное служебное преступление, то его деяние образует идеальную совокупность мошенничества и одного из служебных преступлений. Так, по совокупности ч.3 ст. 159 УК РФ и ч.2 ст. 285 УК РФ следует квалифицировать мошенничество, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации. По совокупности ч.3 ст. 159 УК РФ и ч.2 ст. 201 УК РФ следует квалифицировать мошенничество, совершенное директором организации, если это деяние повлекло тяжкие последствия для организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойцов А.И. Преступления против собственности. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. — 773 с.
2. Уголовное право России. Общая часть: учебник / отв. ред. д.ю.н. Б.В. Здравомыслов. — М.: Юрист, 1996. — 512 с.
3. Уголовное дело №1-266/07. Архив Орджоникидзевского районного суда г.Магнитогорска Челябинской области за 2007 год.
4. Осокин Р.Б. Уголовно-правовая характеристика способов совершения мошенничества: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — 184с.

5. Бондарь А.В. Мошенничество как вид преступного посягательства против собственности и особенности его проявления в сфере банковской деятельности (уголовно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. — Сыктывкар, 2003. — 203 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Изд. 2-е, изм. и доп./ под общей редакцией Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. — М.: Норма-Инфра-М, 1998. — 832 с.
7. Уголовное право России. Части Общая и Особенная /под ред. А. И. Рарога. — М.: Проспект, 2004. — 696 с.
8. Первомайский В.Б. Критерии невменяемости и пределы компетенции психиатра-эксперта // Советское государство и право. — 1991. — № 5. - С. 68—76.
9. Михеев Р.И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. — Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1983. — 300 с.
10. Антонян Ю.С., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. — М.: Наука, 1987. — 206 с.
11. Шишков С. Понятия "вменяемость" и "невменяемость" в следственной, судебной и экспертной практике // Законность. — 2001. — № 2.- С. 25—29.
12. Иванов Н., Брыка И. Ограниченная вменяемость // Российская юстиция. — № 10. — 1998. -С. 9—11.
13. Уголовное дело № 8/08. Архив Ленинского районного суда г.Магнитогорска за 2008 год.
14. Корягина О.В., Годунов О.И. Использование лицом своего служебного положения как квалифицирующий признак хищения // Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: сборник научных статей / под ред. Л.Л. Крутикова. — Ярославль, 1999. — С. 50-56.
15. Безверхов А.Г. Имущественные преступления. — Самара: Самарский университет, 2002. — 359 с.

Ф.Р. Сундуrow

доктор юридических наук, профессор,
зав.кафедрой уголовного права и криминологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ НАКАЗАНИЯ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Индивидуализация как проявление определения наказания на основе индивидуальных свойств преступления и личности виновного представляется одним из фундаментальных требований современного уголовного законодательства России. Она призвана обеспечивать максимальное приближение меры наказания в интересах достижения цели исправления осуждённого. Индивидуализация наказания может проявляться в различных формах.

Формы индивидуализации наказания характеризуют как её содержание, так и средства, на основе которых она осуществляется.

Формы индивидуализации могут приобретать более конкретные очертания, в частности, осуществляться на количественном и качественном уровнях. Первый предполагает индивидуализацию меры наказания, то есть определение его срока, размера и подвида, в пределах одного вида наказания (например, назначение лишения свободы ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК, или назначение осужденному к лишению свободы его отбывания вместо колонии-поселения исправительной колонии общего режима в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ), а качественный уровень индивидуализации означает назначение или замену в процессе исполнения одного вида наказания другим, более мягким или, наоборот, более строгим видом.

В зависимости от оснований можно выделить: 1) индивидуализацию наказания с учетом индивидуальной степени общественной опасности преступления и 2) индивидуализацию в

зависимости от индивидуальных свойств личности виновного, то есть персонифицированную индивидуализацию. В свою очередь, первую можно расчленить на: 1) индивидуализацию, осуществляемую на основе индивидуальной степени общественной опасности преступления без квалифицирующих признаков и 2) индивидуализацию на основе степени общественной опасности квалифицирующих обстоятельств.

Усложненный характер сочетания различных форм (видов), средств, способов и этапов индивидуализации наказания проявляется и в особенностях регламентации её пределов. В зависимости от возможных пределов можно выделить следующие формы индивидуализации: 1) индивидуализацию наказания в пределах санкции статьи Особенной части УК; 2) в пределах измененной в норме Общей части УК санкции статьи Особенной части УК; 3) с выходом за пределы санкции статьи Особенной части УК в сторону как усиления наказания, так и его смягчения; 4) освобождение лица, совершившего преступление, от наказания.

Более значительные возможности для индивидуализации наказания при его назначении представляют нормы Особенной части УК, поскольку суд может осуществлять её в пределах санкции нормы Особенной части УК РФ. Эти возможности сужаются в тех случаях, когда пределы санкций, регламентированных в нормах Общей части УК, корректируются в статьях Общей части УК путем или снижения максимального срока (размера) наказания (ст. ст. 65, 66 УК РФ), или же повышения

минимального срока наказания (ст. 68 УК РФ), предусмотренного в санкциях норм Особенной части УК.

Еще больше возможностей для индивидуализации наказания предусматривает ст. 64 УК РФ, в соответствии с которой суд может назначить наказание ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК или назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой статьей. В данном случае суд при избрании меры наказания ограничивается только положениями ст. 44 УК РФ, определяющими сравнительную строгость наказаний, и пределами, установленными в Общей части УК для соответствующих видов наказаний.

А наиболее радикальная форма индивидуализации наказания имеет место при освобождении лица, совершившего преступление, от наказания. Некоторые авторы рассматривают освобождение от уголовной ответственности или только от наказания в качестве формы их дифференциации и индивидуализации. Так, Т.А. Лесниевски-Костарева пишет, что на этапе правоприменения речь идет о выборе правоприменителем рамок типового наказания для конкретного лица либо освобождения от наказания [1].

Индивидуализация наказания при его назначении не может быть односторонней. Законодатель предоставляет суду возможность учитывать всю совокупность обстоятельств, различным образом влияющих на степень общественной опасности преступления и характеризующих виновного. Если в ч. 3 ст. 60 УК РФ он предписывает учитывать критерии индивидуализации наказания, непосредственно не ориентируя суд на смягчение или отягчение наказания, то в ряде других норм содержатся предписания, направленные либо на смягчение, либо на отягчение наказания. Так, в ч. 1 ст. 60 УК РФ предусмотрено общенормативное положение, относящееся к каждому уголовному делу, о том, что более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное

преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. Как видно, данное положение закона направлено на индивидуализацию наказания в сторону его смягчения, то есть на реализацию принципа экономии мер уголовно-правового воздействия. Кроме того, в ч. 2 ст. 60 УК РФ содержатся отсылочные положения (к статьям 69, 70 и 64), предусматривающие индивидуализацию наказания в сторону усиления при его назначении по совокупности преступлений и совокупности приговоров и в сторону смягчения при его назначении при наличии исключительных обстоятельств.

Основанием назначения и индивидуализации наказания выступает, прежде всего, совокупность общих критериев назначения наказания. К ним законодатель относит: 1) характер и степень общественной опасности преступления; 2) личность виновного; 3) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; 4) влияние назначенного наказания на исправление осужденного; 5) влияние данного наказания на исправление осужденного.

Указанные критерии признаются общими потому, что они должны учитываться судами при рассмотрении каждого уголовного дела, то есть при назначении наказания любому лицу, признанного виновным в совершении преступления. Немаловажно также отметить, что индивидуализация предполагает не разрозненный учет названных критериев, а их оценку как соответствующей совокупности. При этом суд при оценке и учете этих критериев индивидуализации наказания должен не упускать из виду приведенное выше положение, согласно которому более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление может назначаться только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. Он должен здесь руководствоваться и наиболее общим требованием закона, согласно которому

суду предписывается назначать лицу, признанному виновным в совершении преступления, справедливое наказание.

В то же время при регламентации общих критериев индивидуализации наказания законодатель предусматривает три значимых исключения. Он, в частности, предоставляет суду возможность признать отдельное смягчающее обстоятельство или совокупность таких обстоятельств исключительными и на этой основе назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ).

На углубление индивидуализации наказания при его назначении направлены положения ч. 3 ст. 47 и ст. 48 УК РФ. «Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, – указано в ч. 3 ст. 47, – может назначаться в качестве дополнительного вида наказания и в случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве наказания за соответствующее преступление, если с учетом характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью». Как видно, основанием такого решения законодатель признает: 1) характер и степень общественной опасности совершенного преступления и 2) личность виновного, которые в своей совокупности делают невозможным с точки зрения задач уголовного законодательства и целей наказания сохранение за виновным в преступлении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

По существу такое же правило индивидуализации наказания предусмотрено в ст. 48 УК РФ, согласно которой при осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления с учетом личности виновного суд может лишить его специального, воинского или

почетного звания, классного чина и государственных наград.

Помимо общих, законодатель предусматривает и дополнительные критерии индивидуализации наказания при его назначении за неоконченное преступление, преступление, совершенное в соучастии, и при рецидиве преступлений. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 66 УК РФ при назначении наказания за неоконченное преступление должны учитываться обстоятельства, в силу которых преступление не было доведено до конца. А при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитываются: 1) характер и степень фактического участия лица в его совершении; 2) значение этого участия для достижения цели преступления; 3) его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда. Более общее положение, также направленное на индивидуализацию наказания, содержится в ч. 7 ст. 35 УК РФ. В ней закреплено: «Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) влечет более строгое наказание на основании и пределах, предусмотренных настоящим Кодексом». Следует, однако, отметить, что это положение с точки зрения законодательной техники носит излишний характер, поскольку все это в п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ признается обстоятельством, отягчающим наказание. Другое дело, если бы в ч. 7 ст. 35 УК РФ вместо положения «влечет более строгое наказание» было бы указано на то, что эти обстоятельства влекут более строгую ответственность (или более строгие меры ответственности), то тогда бы положение ч. 7 ст. 35 УК РФ не выглядело излишним. В таком случае закон ориентировал бы суд на учет групповых форм совершения преступления при решении вопросов о применении иных, кроме назначения наказания, форм реализации уголовной ответственности.

В ч. 1 ст. 66 и ч. 1 ст. 67 УК РФ законодатель односторонне не

ориентирует суд на смягчение или отягчение наказания; он предоставляет суду с учетом указанных в них критериев индивидуализировать наказание, либо, смягчив, либо, наоборот, усилив его по сравнению с той возможной мерой наказания, которая бы была назначена с учетом лишь общих критериев индивидуализации.

На индивидуализацию наказания в сторону его отягчения направлено положение ч. 1 ст. 68 УК РФ. Согласно данному положению при назначении наказания при рецидиве, опасном рецидиве или особо опасном рецидиве преступлений учитываются: 1) характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений; 2) обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным; 3) характер и степень общественной опасности вновь совершенных преступлений.

Индивидуализация наказания при его назначении всегда находится в рамках дифференциации уголовной ответственности. В одних случаях законодатель задает довольно узкие пределы для индивидуализации наказания судом, в других – наоборот, предоставляет ему для индивидуализации широкие пределы. Необходимо разумно сочетать дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности, стремясь достигнуть равновесия между свободой суда и ограничением этой свободы уголовным законом. Не следует, с одной стороны, устанавливать абсолютно определенные санкции либо относительно определенные санкции с чрезмерно узкими рамками. Они не дают достаточной свободы суду. С другой стороны, не обоснованы и чрезмерно широкие рамки относительно определенных санкций [2].

Дальнейшее совершенствование системы уголовно-правовых мер борьбы с преступностью, как пишет С.Г. Келина, должно идти, прежде всего, по линии их упорядочения, дифференциации с учетом тяжести воздействия каждой отдельной

меры и конкретизации оснований её применения. Второе направление в этой работе касается уточнения пределов судебного усмотрения, формулирования в законе условий, которые препятствовали бы превращению решения, вынесенного по усмотрению, в произвольное, субъективное решение [3].

Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и наказания – это два взаимосвязанных процесса, только их правильное и непротиворечивое сочетание позволяет успешно решать задачи уголовного законодательства и обеспечивать достижение целей уголовной ответственности и наказания. Поэтому здесь важны как четкая регламентация в законе пределов дифференциации уголовной ответственности и наказания, так и определение пределов и критериев их индивидуализации.

Индивидуализация наказания – завершающий этап в определении меры уголовной ответственности в каждом конкретном случае совершения преступления. Сначала законодатель устанавливает уголовную ответственность и типовое наказание за тот или иной вид преступления, очерчивает общий контур наказуемости, затем он градуирует эту ответственность, предусматривая возможность как бы двигаться «по ступенькам», увеличивая или уменьшая ответственность, вплоть до возможности полного от нее освобождения; наконец, правоприменитель избирает конкретную меру ответственности в рамках, уже определенных законодателем на предыдущих этапах [4]. При этом правоприменитель ограничивается установленными в законе пределами индивидуализации и руководствуется предусмотренными в нем (законе) её критериями.

Подытоживая изложенное, следует отметить, что при назначении наказания законодатель предусматривает различные формы его индивидуализации. Основной формой индивидуализации наказания при его назначении является определение меры наказания с учетом индивидуальной

степени общественной опасности преступления, индивидуальных свойств личности виновного, смягчающих и отягчающих обстоятельств в пределах санкции статьи Особенной части УК. Суд может установить эту меру путем назначения менее строго или более строгого вида наказания, предусмотренного данной санкцией; определить её либо в пределах меры предусмотренного в ней срока или размера отдельного вида наказания, либо определить срок, размер наказания ближе к минимальному пределу или, наоборот, определить его ближе к максимальному пределу.

Другая форма индивидуализации наказания при его назначении реализуется тогда, когда суд назначает наказание в измененных нормах Общей части УК пределах санкции статьи Особенной части и с учетом не только общих, но и дополнительных (специальных) критериев индивидуализации. В этих случаях мера наказания становится еще более индивидуализированной, поскольку здесь учитываются особенности совершения тех или иных преступлений (неоконченная преступная деятельность, преступление, совершенное в соучастии, рецидив преступлений и др.).

В рамках этой формы индивидуализации наказание может как смягчаться, так и усиливаться, по сравнению с санкцией статьи Особенной части УК РФ. Например, критерии индивидуализации наказания за преступление, совершенное в соучастии, изложенные в ч. 1 ст. 67 УК РФ, могут в зависимости от установленных

конкретных обстоятельств обусловить как смягчение, так и отягчение наказания.

Третьей формой индивидуализации наказания выступает его назначение с выходом за минимальный или максимальный пределы санкции статьи Особенной части УК. В этих случаях речь должна идти не об общем правиле, а об исключении из него. Такую форму индивидуализации наказания следует признать исключительной и экстраординарной. Тем не менее законодатель предусматривает её, предоставляя суду при наличии определенных обстоятельств возможность выйти за пределы санкции статьи Особенной части УК.

В рамках этой формы индивидуализации суд может либо смягчать, либо усиливать (отягчать) наказание. Такую форму смягчения наказания, как уже отмечалось, законодатель связывает с установлением исключительных обстоятельств (ст. 64 УК РФ). А усиление (отягчение) наказания в порядке его индивидуализации предусмотрено в ч. 3 ст. 47, ст. 48 УК РФ, поскольку суд при наличии предусмотренных в законе оснований может назначить лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград в качестве дополнительного наказания по своему усмотрению, то есть и тогда, когда они не предусмотрены санкцией соответствующей нормы Особенной части УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – С.34.
2. Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. – С.41.
3. Келина С.Г. Меры ответственности, предусмотренные уголовным законом, и основания их применения //Сов. государство и право. – 1982. – № 5. – С. 106.
4. Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. – С. 26.

А.Е. Шалагин

кандидат юридических наук, доцент
начальник кафедры криминологии и
уголовно-исполнительного права КЮИ МВД России

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРОСТИТУЦИЕЙ

В статье проведен криминологический анализ преступлений, связанных с проституцией, по уголовному законодательству России. Предложены организационные, профилактические и иные меры, направленные на минимизацию преступлений, предусмотренных ст.ст. 240-241 УК РФ.

Проституция в том виде, в каком она сегодня существует, представляет собой реальную угрозу обществу и государству, поскольку содействует деградации национальной культуры, разрушению духовных и нравственных ценностей, напрямую взаимосвязана с организованной и профессиональной преступностью. Самостоятельным криминогенным аспектом проституции становится ее стремительное омоложение, активное рекрутирование в индустрию секс-бизнеса детей и подростков, сексуальная эксплуатация несовершеннолетних в порнографии. Проституция негативным образом воздействует на основы семьи, разрушая этот социальный институт, влияет на условия культурной социализации, увеличивает число беспризорных и безнадзорных детей [1].

В различные эпохи в борьбе с проституцией применялись и использовались разнообразные приемы и способы противодействия этому общественно неодобряемому поведению. Однако даже самые суровые наказания имели лишь временный эффект и кардинальным образом не могли повлиять на это явление. Из чего следует вывод, что уничтожить проституцию невозможно, но осуществлять за ней систематический контроль необходимо, при этом имея в арсенале достаточные и действенные меры государственного принуждения.

По мнению С.М. Иншакова, первым этапом воздействия на проституцию

должно стать искоренение детской проституции и сексуального рабства. Наряду с совершенствованием социальной политики, заботой о семье, главным направлением решения этой проблемы является противодействие организованной преступности, специализирующейся на продаже «живого товара», содержании притонов разврата, производстве и реализации порнографической продукции.

Ко второму этапу он относит установление жесткого медицинского, полицейского, финансового и социального контроля над проституцией, что создаст предпосылки для постепенного вытеснения этого социально-негативного явления из общественной жизни [2].

Постепенный вывод страны из создавшегося кризиса, забота о духовно-нравственной сфере, рост благосостояния будут поэтапно уменьшать экономическую и социальную подпитку этого общественно опасного порока. Запретительная и карающая политика в отношении пропаганды сексуальной распущенности, половых извращений, порнографии – необходимое условие защиты нравственного здоровья нашего общества.

В.Ю. Качалов к мерам противодействия проституции относит: установление оптимального механизма преследования лиц, эксплуатирующих данный порок общества; предусмотрение жестких запретительных мер в отношении

пропаганды проституции; ведение виктимологической профилактики в СМИ, учебных заведениях различного уровня (усиление мер культурно-воспитательного и санитарно-просветительного характера); поднятие общего уровня материальной обеспеченности и т.д. [3]

Эффективность предупреждения проституции зависит от четко налаженного взаимодействия правоохранительных органов с другими государственными и общественными организациями. Важно, чтобы при организации такой деятельности соблюдался принцип, согласно которому каждый субъект действует в пределах своей компетенции методами, присущими характеру его деятельности, дополняя общий процесс профилактики данного социально-негативного явления. Так, участковый уполномоченный милиции, имея широкие связи с населением, выявляет на обслуживаемой территории лиц, занимающихся сводничеством, вовлечением в занятие проституцией, а также притоны, бордели и их содержателей [4]. Предупредительные функции в отношении проституции и противоправных деяний, сопряженных с ней, отчасти реализуют сотрудники ПДН, ГИБДД, ППС и др. Важная роль принадлежит подразделениям криминальной милиции (особенно уголовного розыска), дознания и следствия, деятельность которых связана с предупреждением, выявлением, документированием и расследованием уголовных дел.

В настоящий период назрела необходимость создания в структуре органов внутренних дел специального подразделения по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений в сфере общественной нравственности. *Определенные попытки предпринимались еще в начале 90-х годов XX столетия. Например, Приказ министра внутренних дел СССР № 192 от 18 июня 1991 г., на основе которого в Управлении профилактики Службы общественной*

безопасности МВД СССР был создан отдел по проблемам предупреждения правонарушений в сфере общественной нравственности, просуществовавший до упразднения союзного министерства. В Москве, Санкт-Петербурге, Чите создавались специальные оперативные подразделения при уголовном розыске по предупреждению и пресечению преступлений данной направленности (некоторые из них функционируют и сегодня). По нашему мнению, такая служба должна иметь возможность проводить оперативно-розыскные мероприятия, направленные на предупреждение, выявление, документирование, пресечение и раскрытие преступлений против общественной нравственности (ст. 240-245 УК РФ), а также иных смежных преступлений, например, заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ), торговля людьми (ст. 127¹ УК РФ) и др.

Проституцию необходимо удерживать на определенном допустимом уровне, чтобы не дать ей проявиться в нежелательном для многих качестве. В целях преодоления негативных последствий проституции необходимо проводить раннюю профилактику отклоняющегося поведения в половой сфере. Активными субъектами профилактических мероприятий должны выступать, прежде всего, семья и учебные заведения. К основным направлениям семейной профилактики относятся: восстановление роли семьи в формировании личности через оздоровление морально-нравственного климата внутри нее; повышение уровня воспитания в семье; повышение уровня социальной защищенности материнства, отцовства, детства и т.д.

К числу социально-психологических и культурных мер предупреждения проституции на современном этапе необходимо отнести мероприятия по предупреждению половой деморализации и повышению сексуальной грамотности населения; поэтапную подготовку несовершеннолетних в семье, дошкольных учреждениях, школах к будущей семейной жизни, к выполнению

ими социальных ролей мужа, жены, матери, отца; разъяснение подросткам и молодежи опасных последствий проституции, введение в учебных заведениях (школах, техникумах, колледжах, вузах) обязательного изучения курса «Половое воспитание и этика семейной жизни», с изданием специальной литературы (программ, учебно-методических пособий, учебных фильмов и т.п.); пресечение пропаганды культа насилия, половой распущенности и рекламы проституции в СМИ (Интернете); создание системы выявления лиц, склонных к девиантному поведению, и проведения в отношении них ранней медико-педагогической коррекции [5]. Важнейшей задачей образовательных учреждений в профилактике проституции является осуществление систематического процесса духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних и молодежи, включающего трудовое, половое, правовое, идеологическое воспитание [6].

Рынок интимных услуг имеет все особенности нелегальных рынков, и одной из них является контроль со стороны криминальных структур. Проституция является неотъемлемым элементом организованной преступности, а также торговли людьми как вида транснациональной преступности. Сегодня начинают выделять один из новых видов преступности – *проституционную преступность*. Проституционная преступность – это сложное негативное социально-правовое и системное явление, возникновение которого обусловлено таким асоциальным поведением, как проституция, представляющее собой многоэтапную, многоаспектную деятельность, в которой задействовано значительное число проституирующих лиц, в том числе организаторов, руководителей, содержателей притонов, лиц, содействующих проституции (водителей, охранников, администраторов гостиниц, работников саун, бань и проч.), потребителей таких услуг. Иными словами, проституционная преступность –

самостоятельный, имеющий ярко выраженную специфику вид преступности, представляющий собой совокупность (систему) преступлений, сопряженных с занятием проституцией, а равно обусловленных проституцией как криминогенным фактором, оказывающим самостоятельное воздействие на преступность в конкретный промежуток времени и на определенной территории [7].

Проституционная преступность охватывает достаточно обширный круг уголовно наказуемых деяний, который можно классифицировать следующим образом:

1) Преступления, связанные с занятием проституцией: вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ), организация занятия проституцией (ст. 241 УК РФ), торговля людьми (ст. 127¹ УК РФ).

2) Преступления, связанные со сферой нелегальных сексуальных услуг, заражение венерической болезнью (ст. 121 УК РФ), заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ), незаконное распространение порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ), изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242¹ УК РФ).

3) Общеуголовные преступления, сопутствующие проституции и незаконному обороту сексуальных услуг. К таковым относятся преступления, связанные с посягательствами на жизнь и здоровье личности (ст.ст. 105, 111, 112, 115, 116, 117, 121, 122 УК РФ), половую свободу или половую неприкосновенность (ст.ст. 131-135 УК РФ), интересы семьи и несовершеннолетних (ст.ст. 150, 151, 156 УК РФ), собственность (ст.ст. 158-163 УК РФ), экономическую деятельность (ст.ст. 174, 174¹ УК РФ), общественную безопасность (ст. 210 УК РФ), здоровье населения (ст.ст. 228, 228¹, 229, 230, 232, 234 УК РФ) и др.

В системе специальных (профилактических) мероприятий борьбы с преступлениями, связанными с проституцией, можно выделить меры

общей, групповой и индивидуальной профилактики. К первой группе относятся меры, связанные с предупреждением преступлений и административных правонарушений в отношении неопределенного круга лиц. Изучение и анализ преступности в указанной сфере на федеральном, региональном и местном уровнях.

К числу других, не менее важных мероприятий, влияющих на эффективность профилактики проституционной преступности, по мнению ведущих криминологов, можно отнести: создание единой автоматизированной информационной системы для обмена информацией между правоохранительными органами и иными государственными и негосударственными организациями; проведение систематических рейдов совместными усилиями криминальной милиции и милицией общественной безопасности с привлечением представителей общественности; осуществление подготовки и переподготовки кадров, специализирующихся на предупреждении, выявлении и расследовании преступлений против общественной нравственности.

При определении наиболее приоритетных направлений в организации предупреждения проституционной преступности очень важно разработать прогноз развития криминальной ситуации в стране и в ее регионах применительно к данному типу преступности.

В связи с этим целесообразно совершенствование федерального и регионального законодательства о предупреждении преступлений, которое четко закрепляло бы компетенцию правоохранительных органов, перечень, основания и процедуру профилактических мероприятий, санкции за неисполнение предписаний (представлений) и др. [8]

Однако даже наличие изъянов законодательства не может являться основанием ослабления предупредительной деятельности в отношении рассматриваемых

преступлений. Немаловажно значение разъяснительной работы с населением, направленной на пропаганду здорового образа жизни, отказа от асоциального (противоправного) поведения.

Способы такой деятельности разнообразны, например:

- регулярные встречи и беседы специалистов (медиков, психологов, юристов и др.) с населением, осуществляющих разъяснительную работу;

- специализированные теле- и радиопрограммы, рубрики, выступления в средствах массовой информации о вреде проституции и других асоциальных проявлениях;

- проведение предупредительной работы на предприятиях, в учреждениях, трудовых коллективах;

- распространение разнообразных предметов агитационного характера (буклетов, листовок и т.п.), пропагандирующих отказ от наркотиков, алкоголя, табака, аморальных форм поведения [9].

Исключительно важным направлением в деятельности по борьбе с преступлениями, связанными с проституцией, является групповая и индивидуальная профилактика. В этой связи особое значение приобретает оказание предупредительного воздействия на неблагополучные семьи, группы, коллективы и т.д. Нельзя не отметить необходимость проведения профилактической работы в образовательных учреждениях и на рабочих местах. К этим мерам также можно отнести систематическое обследование мест наиболее вероятного нахождения лиц, задействованных в сфере интим-досуга, проведение специальных профилактических рейдов, проверок, комплексных операций, направленных на пресечение деятельности притонов, мест оказания платных сексуальных услуг.

Индивидуально профилактическая работа должна проводиться как в отношении самих проституток, так и сутенеров, организаторов и содержателей

притонов, лиц, склоняющих к занятию проституцией и т.д. В ситуациях, когда у лица формируется замысел на совершение таких преступлений, он может найти свое выражение в том, что потенциальный преступник делится своими планами с друзьями; проявляет активную заинтересованность возможными способами совершения преступлений; изменяет свое поведение, привычный образ жизни, меняет круг общения.

Такие сигналы могут быть получены оперативными работниками органов внутренних дел в процессе обслуживания закрепленной территории, при проведении целенаправленных оперативно-розыскных мероприятий. Подобная информация может быть получена следователями и дознавателями в ходе расследования уголовных дел; участковыми уполномоченными милиции, сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних; иными сотрудниками.

К профилируемым лицам могут применяться следующие меры: профилактические беседы, постановка лиц на профилактический учет, разъяснение норм уголовного, административного, гражданского, семейного, трудового законодательства и т.п. В целях усиления воздействия на лицо, с которым проводится беседа, по ее итогам необходимо составить протокол профилактической беседы, где отразить повод к ней, разъясненные нормы закона, результаты. Выяснив круг лиц, в чьи планы входило совершение преступлений, связанных с проституцией, с ними также следует провести аналогичные беседы [10].

Если все-таки преступление совершено, то дознаватель или следователь в процессе расследования уголовного дела должен выявить всех субъектов, способствовавших (содействовавших) его совершению. По делам, связанным с проституцией, к ним могут быть отнесены: главные редакторы газет или иные должностные лица СМИ, публикующие объявления о предоставлении платных сексуальных услуг; провайдеры Интернет-сайтов,

содержащих аналогичную информацию; директора и администрация кафе, баров, ресторанов, гостиниц, где на возмездной основе представляются интим-услуги; начальники таксопарков, которые знали о том, что их работники систематически занимаются извозом проституток и их клиентов; председатели ЖЭУ (ЖСК), если в их доме функционировал притон, используемый для занятия проституцией, а также лица, в чьи обязанности входит учет и контроль количественного состава жильцов дома.

До внесения представления в адрес указанных лиц целесообразно лично побеседовать с ними. Разъяснить обязанность содействия правоохранительным органам, указать масштабы и последствия преступности, связанной с проституцией, разъяснить нормы, предусматривающие юридическую ответственность.

Направляемое представление должно быть составлено на основе выявленных обстоятельств, способствовавших совершению преступления, содержать предписание конкретным лицам, которые могли бы повлиять на недопущение подобных фактов в будущем и нейтрализацию негативных последствий.

Приоритетным направлением остается деятельность, связанная с ресоциализацией (адаптацией) лиц, привлеченных к административной или уголовной ответственности. При этом важно, чтобы помощь заинтересованных органов и должностных лиц по реабилитации, трудоустройству, лечению такой категории лиц была оказана своевременно и на должном уровне.

Проституция тесно связана с такими асоциальными (негативными) явлениями, как наркомания и токсикомания, пьянство и алкоголизм, бродяжничество и попрошайничество, суицидальное поведение и половые отклонения (перверсии). В связи с чем необходимо расширять сеть приютов, временных убежищ, реабилитационных центров для лиц, склонных к употреблению наркотиков, одурманивающих веществ, алкоголя, подвергающихся насилию.

Особая роль в этом вопросе отводится субъектам федерации и органам местного самоуправления, общественным и религиозным объединениям. К сожалению, в стране по-прежнему недостаточно медицинских учреждений для лиц, страдающих этими социальными болезнями, а применяемые методы лечения далеки от совершенства. В связи с этим необходимо добиться соответствующего государственного финансирования, перехода на иной качественный уровень лечения наркоманов, токсикоманов, лиц, страдающих алкогольной зависимостью, с

последующей адаптацией их к нормальным условиям жизни.

В конечном счете, вся система профилактики должна быть направлена на формирование негативного отношения к аморальному, асоциальному, противоправному поведению и выработку у населения потребности в здоровом и законопослушном образе жизни. Позитивные изменения общественного сознания могут произойти лишь при условии создания постоянно действующей системы мероприятий информационного, просветительного, идеологического, морально-этического, обучающего и воспитательного характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Алихаджиева И.С. Преступления, сопряженные с проституцией: проблемы толкования законодательных конструкций, квалификации и эффективного противодействия: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 28.
2. См.: Иншаков С.М. Криминология: учебник. М.: Юриспруденция, 2000. С. 333.
3. См.: Качалов В.Ю. Криминологическая характеристика правонарушений в сфере общественной нравственности, связанных с проституцией: лекция. Казань: КЮИ МВД РФ, 2004. С. 12.
4. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебник / под ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева, Н.В. Румянцева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 391.
5. См.: Шпаков А.Е. Проституция как объект криминологического исследования: автореф. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, РЮИ МВД РФ, 2003. С. 10-11.
6. См.: Федик Е.Н. Ответственность за действия, связанные с проституцией: уголовно-правовой и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 26.
7. См.: Алихаджиева И.С. Указ. раб. С. 13-14.
8. См.: Махтаев М.Ш. Проблемы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений: автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2001. С. 20-21.
9. См.: Криминология: учебник / под ред. В.Д. Малкова. М.: Юстицинформ, 2004. С. 449-450.
10. Шибанова Е.В. Выявление и расследование преступлений, связанных с проституцией. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 57-58.

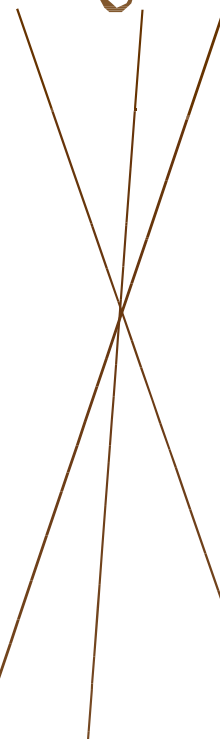
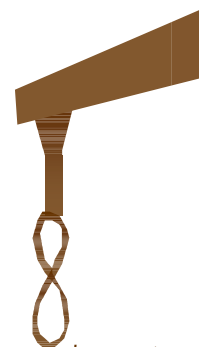

Шалагин А.Е.

Преступления против общественной нравственности: уголовно-правовой и криминологический анализ: учебное пособие /А.Е. Шалагин. - Казань: КЮИ МВД РФ, 2010. – 195 с.

Допущено Министерством внутренних дел Российской Федерации в качестве учебного пособия для образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации

Работа посвящена уголовно-правовому и криминологическому анализу преступлений, посягающих на общественную нравственность. В учебном пособии отражены проблемы, возникающие при квалификации преступных деяний, предусмотренных ст. 240-245 УК РФ. В сравнительном аспекте использован исторический, зарубежный и региональный опыт противостояния преступлениям данной направленности. Пособие адресовано слушателям, курсантам, адъюнктам юридических вузов системы МВД РФ, а также может быть полезным для студентов, аспирантов и преподавателей учебных заведений, практических работников органов внутренних дел.

А.А. Лабу́тин

старший научный сотрудник
филиала ФГУ «ВНИИ МВД России»
по Республике Татарстан

**ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ КОРЫСТНО-
НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ОТНОШЕНИИ
ПЕРЕВОЗЧИКОВ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ**

В статье представлены результаты исследования деятельности ОВД, связанной с предупреждением корыстно-насильственных преступлений в отношении перевозчиков денежных средств, а также опыт работы в данном направлении подразделений уголовного розыска ОВД Республики Татарстан.

В процессе своего исторического развития человечество использовало два основных способа противодействия преступным посягательствам на права и законные интересы личности, общества, государства: наказание за совершенные преступления и предупреждение преступлений. Но, несмотря на неоспоримое значение справедливого, своевременного и неотвратимого наказания преступника для сдерживания преступности и обеспечения общественного спокойствия, по мере развития человеческой цивилизации все более укреплялось осознание того, что именно предупреждение преступности (преступлений) – наиболее перспективный способ борьбы с этим явлением, многократно умножающим «издержки» общественного прогресса [1].

Предупреждение корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении перевозчиков денежных средств, в современных условиях – одно из ключевых направлений борьбы с данным видом преступности. Оно взаимосвязано с преобразованиями, происходящими в экономике, политике, идеологии и других областях общественных отношений.

В настоящее время традиционно различают общее (общесоциальное) и специальное (специально-криминологическое) предупреждение преступлений. Первое из них призвано реализовывать криминологические возможности всего общества и его

структур, а второе – носит целеполагающий характер, так как непосредственно направлено на устранение, минимизацию действия причин и условий преступности, а также предотвращение замышляемых и подготавливаемых преступлений, пресечение начатых преступных действий и недопущение рецидива преступлений со стороны осужденных.

Применительно к корыстно-насильственным преступлениям, совершаемым в отношении перевозчиков денежных средств, общесоциальное предупреждение представляет собой многоуровневую систему государственных и общественных мер, направленную на устранение, нейтрализацию или минимизацию причин и условий корыстно-насильственной преступности путем принятия различных мер на общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях. На общесоциальном уровне общее предупреждение преступлений осуществляется государственными и общественными организациями, ведомствами федерального, отраслевого и территориального уровней [2].

Рассматривая специально-криминологические меры предупреждения корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении перевозчиков денежных средств, отметим, что они непосредственно направлены на устранение либо нейтрализацию конкретных причин и условий данных

преступлений, на осуществление общекриминологических мер в отношении отдельных организаций, а также граждан, включенных в отношения, связанные с перевозкой денежных средств. Указанные меры применяются субъектами, непосредственно осуществляющими предупреждение преступлений, лишь при наличии соответствующих оснований (совершение или подготовка к совершению противоправных деяний, нахождение лица в условиях, которые могут спровоцировать совершение преступления, либо в отношении лиц, являющихся потенциальными жертвами преступлений вследствие своего поведения, образа жизни, социально-ролевых установок и пр.).

Считаем необходимым более подробно уделить внимание специально-криминологическому предупреждению корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении перевозчиков денежных средств, которое осуществляется путем воздействия как на причины и условия, способствующие совершению преступлений, так и на конкретных лиц, в отношении которых наблюдается необходимость сдерживать их от совершения правонарушений.

Специально-криминологическое предупреждение основывается на применении мер убеждения, правового и общественного принуждения, его объекты – лица, еще не совершившие преступлений, но имеющие криминальную предрасположенность [3]. При этом специальная криминологическая профилактика охватывает широкий комплекс различных по характеру мер, непосредственно направленных на устранение, нейтрализацию, минимизацию криминогенных факторов; оздоровление социальной среды, коррекцию поведения лиц, склонных к совершению преступления [4].

Как показало наше исследование, корыстно-насильственная преступность в отношении перевозчиков денежных средств, впрочем, как отмечают

специалисты, и все групповые грабежи и разбои [5], – это, прежде всего, проблема крупных городов, с их многочисленным населением, большим числом приезжих, значительной территорией, разветвленной транспортной сетью и огромным жилым сектором.

Основной целью предупреждения корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении перевозчиков денежных средств, является недопущение именно этих преступлений, хотя сфера профилактической деятельности должна охватывать все негативные явления, которые, так или иначе, влияют на состояние этой преступности. Реализация данной цели осуществляется, прежде всего, посредством профилактической деятельности органов внутренних дел, их основных служб и подразделений.

Деятельность каждого из субъектов профилактики осуществляется исходя из его компетенции и особенностей объекта данного направления профилактики. Поскольку корыстно-насильственные преступления, совершаемые в отношении перевозчиков денежных средств, учитываются как преступления по линии уголовного розыска, основную нагрузку по профилактике рассматриваемых преступлений несут именно подразделения уголовного розыска.

Результаты проведенного нами исследования показали, что в деятельности, связанной с предупреждением корыстно-насильственных преступлений в отношении перевозчиков денежных средств, существует ряд организационных проблем. Например, не проводится необходимый анализ данных о потерпевших от этих преступлений и типичных ситуаций, при которых перевозчики денежных средств становятся жертвами грабежей и разбойных нападений. Также в установленных формах статистической отчетности не отражаются особенности их характеристики.

Учет корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении перевозчиков денежных средств, в существующей уголовной статистике

осуществляется в общем разделе грабежей и разбойных нападений, без выделения особенностей и иных обстоятельств совершения преступлений, в то время как это могло бы иметь большое значение для их предупреждения.

Отсутствие специализации и должного взаимодействия является общей проблемой для всех субъектов профилактики грабежей и разбойных нападений. По оценкам ряда специалистов, к наиболее характерным недостаткам в предупреждении корыстно-насильственных преступлений следует отнести:

- отсутствие необходимого учета лиц, склонных к совершению данной категории преступлений;

- отсутствие комплексного подхода к решению задач предупреждения грабежей и разбойных нападений;

- низкий уровень индивидуальной профилактики в отношении указанной категории лиц;

- отсутствие должного контроля за лицами, освободившимися из мест отбывания наказания за корыстно-насильственные преступления;

- низкий уровень готовности сил и средств органов внутренних дел к оперативному реагированию на грабежи и разбойные нападения;

- крайне низкая оперативная осведомленность о лицах, склонных к совершению данного вида преступлений, их соучастниках, а также используемых ими способах совершения преступлений.

Мероприятия по устранению перечисленных недостатков составляют тот минимально необходимый комплекс мер по совершенствованию профилактики преступных деяний, который будет способствовать улучшению рассматриваемой деятельности органов внутренних дел [6].

Как было отмечено, корыстно-насильственные преступления в отношении перевозчиков денежных средств учитываются как преступления по линии уголовного розыска. Именно поэтому от четкой, налаженной и

поступательной профилактической работы подразделений уголовного розыска органов внутренних дел, в конечном итоге, зависит успех в противодействии рассматриваемым криминальным деяниям.

В связи с этим следует отметить и рассмотреть опыт работы в данном направлении подразделений уголовного розыска ОВД Республики Татарстан [7].

Предупреждение и раскрытие корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении перевозчиков денежных средств, является одним из приоритетных направлений в деятельности органов внутренних дел Республики Татарстан [8].

В целях недопущения корыстно-насильственных преступлений в отношении инкассаторов, работников почтовой связи, кассиров организаций и предприятий различных форм собственности, других перевозчиков денежных средств Управлением уголовного розыска МВД по Республике Татарстан в тесном взаимодействии с другими подразделениями и службами органов внутренних дел республики на постоянной основе осуществляется следующая работа:

1. Согласно разработанному заданию, весь имеющийся на связи подсобный аппарат ориентирован на выявление лиц, замышляющих и совершающих разбойные нападения на банки, почтовые отделения, пункты обмена валют, а также на лиц, осуществляющих инкассацию и перевозку денежных средств. Проводится постоянный анализ дел оперативного учета, заведенных в отношении лиц, вынашивающих намерения совершить разбойное нападение на инкассаторов и перевозчиков денежных средств. Дела данной категории находятся на личном контроле у Первого заместителя министра внутренних дел по Республике Татарстан.

2. Для разработки профилактических мер, направленных на обеспечение безопасности при перевозке денежных средств, с июля 2009 года при заместителе министра внутренних дел по Республике Татарстан на постоянной

основе создана комиссия, участие в которой, помимо Татарского республиканского управления инкассации – филиала Объединения «РОСИНКАС» Центрального Банка России, принимают руководители Отделения Пенсионного фонда Российской Федерации по Республике Татарстан и Федерального государственного унитарного предприятия Управления почтовой связи «Татарстан почтасы».

3. С целью осуществления проверки деятельности банковских учреждений, пенсионных и почтовых отделений на территории Республики Татарстан с августа 2009 года из числа сотрудников криминальной милиции и милиции общественной безопасности МВД по Республике Татарстан создана рабочая группа, которая осуществляет проверку указанных организаций на соответствие требований по безопасности при перевозке денежных средств.

4. В ноябре 2009 года утвержден план совместных мероприятий отделения «Банк Татарстана» №8610 Сбербанка России и Министерства внутренних дел по Республике Татарстан по вопросам обеспечения безопасных условий совершения операций по инкассации и перевозке денежной наличности и ценностей на 2010 год.

5. Ежегодно разрабатывается План совместных мероприятий по взаимодействию Татарского республиканского управления инкассации – филиала Объединения «РОСИНКАС» Центрального Банка России (далее – ТРУИ) и Министерства внутренних дел по Республике Татарстан, в рамках выполнения которого предусматривается регулярное выполнение мероприятий, направленных, в том числе, на профилактику и предупреждение преступлений в отношении перевозчиков денежных средств:

- недопущение фактов перевозки денежных средств коммерческими банками и другими организациями в нарушение требований Постановления Кабинета Министров Республики Татарстан от 31 июля 1995 г. №522 «Об

организации работы по инкассации и перевозке денежных средств в Республике Татарстан», разрешающего вынос суммы, превышающей 150 тысяч рублей, при наличии сопровождения службы инкассации «РОСИНКАС», вооруженных нарезным огнестрельным оружием, или подразделениями вневедомственной охраны при МВД по Республике Татарстан;

- постоянное информирование дежурных частей УВД, РО-ГРОВД об открытии (закрытии) объектов инкассации, изменении времени заездов маршрутов движения, перевозках денежных средств и о совершаемых правонарушениях на объектах инкассации, улицах и других общественных местах;

- раз в полугодие проводятся совместные тактико-специальные учения под кодовым названием «Вызов» по отработке вопросов взаимодействия службы инкассации и органов внутренних дел при возникновении чрезвычайных ситуаций, связанных с нападением на инкассаторов. Итоги учений подводятся на совместных совещаниях. Так, в недавнем таком учении, прошедшем в конце июля 2010 года, впервые в практике органов внутренних дел были задействованы подразделения воздушной авиации МВД по Республике Татарстан – 2 вертолета: КА-226 – для контроля движения машины с преступниками и МИ-8 – с группой захвата;

- по заявкам ТРУИ на договорной основе выделяются оперативные группы, экипажи ОВО и ГИБДД для сопровождения специального транспорта, осуществляющего доставку резервных фондов и подкрепления денежной наличности;

- на ежедневных инструктажах в УВД, РО-ГРОВД уточняются задачи патрульным нарядам на прикрытие объектов и маршрутов инкассации;

- ежеквартально органами внутренних дел осуществляются проверки организации хранения и использования оружия и боеприпасов на всех участках инкассации, знания сотрудниками ТРУИ

Федерального закона «Об оружии» и других нормативных актов, в первую очередь, приказа МВД России от 12.04.1999 г. №288, которым утверждена Инструкция по организации работы органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации;

- для качественного отбора работников инкассации совместно с территориальными отделениями лицензионно-разрешительной работы органов внутренних дел, по отдельным запросам начальников участков ТРУИ на постоянной основе проводятся проверки по учетам МВД кандидатов, а также работников инкассации;

- ежегодно в соответствии с требованиями приказа МВД России от 15.07.2005 г. №568 «О порядке проведения органами внутренних дел Российской Федерации периодических проверок частных охранников, частных детективов (сыщиков) и работников юридических лиц с особыми уставными задачами на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением огнестрельного оружия и специальных средств» органами внутренних дел проводится проверка работников ТРУИ на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением огнестрельного оружия;

- ежемесячно проводится гласный и негласный контроль за работой бригад инкассаторов на маршрутах и прикрытием объектов инкассации с последующей выработкой рекомендаций по устранению выявленных недостатков.

6. В целях обеспечения сохранности пенсий и предотвращения нападений на почтальонов в ряде городов и районов Республики Татарстан (г. Казань, Нижнекамск, Высокая Гора и др.) по инициативе органов внутренних дел между пенсионными фондами районов и ЗАО «Служба доставки» заключены договоры о предоставлении услуг по доставке пенсий.

7. Регулярно осуществляются проверки частных охранных предприятий,

осуществляющих сопровождение и охрану организаций, деятельность которых связана с перевозкой денежных средств. Так, например, в 2009 году по итогам таких проверок вынесено 32 письменных предупреждения руководителям охранных структур, привлечено к ответственности 67 руководителей, аннулировано 51 удостоверение частного охранника.

8. В целях эффективности розыска автотранспортных средств на шести контрольных постах милиции и стационарных постах ДПС ГИБДД МВД по Республике Татарстан используется система распознавания государственных регистрационных знаков «Поток», которая позволяет точно и быстро идентифицировать автотранспорт по базам угнанного, похищенного, а также скрывшегося с мест совершения преступлений АМТ.

Также заслуживает внимания опыт профилактической работы в сфере борьбы с корыстно-насильственными преступлениями, совершаемыми в отношении перевозчиков денежных средств, накопленный подразделениями органов внутренних дел республик Башкортостан [9], Удмуртия [10] и Чувашия [11].

В частности, по инициативе МВД по Республике Башкортостан Комиссией Правительства Республики по профилактике правонарушений и борьбе с преступностью 30 июня 2009 г. было принято Решение №2/3 «Об организации работы по обеспечению сохранности денежных средств, в том числе при их перевозке», в соответствии с которым:

- МВД по Республике Башкортостан рекомендовано:

- а) совместно с Национальным банком РБ организовать обследование кредитных организаций на предмет соблюдения установленного порядка хранения, перевозки и инкассации денежной наличности;

- б) совместно с Башкирским республиканским управлением инкассации, Управлением федеральной почтовой службы РБ организовать

обследование других организаций на предмет обеспечения сохранности денежных средств при хранении и транспортировке.

По результатам вносить предписания об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений. О выявленных нарушениях в сфере хранения и перевозки денежных средств проинформировать прокуроров городов и районов РБ;

в) совместно с Национальным банком РБ, Башкирским РУИ, УФПС РБ проработать вопрос включения финансово-кредитных учреждений, маршрутов инкассации, организованной транспортировки денежной наличности и т.п. в планы единой дислокации сил и средств ОВД по обеспечению правопорядка в общественных местах, приближения к данным объектам нарядов милиции;

г) продолжить работу с организациями финансово-кредитной системы по заключению договоров с подразделениями вневедомственной охраны при ОВД РБ по обеспечению охраны с помощью физических постов милиции и оборудованию навигационной системой мониторинга подвижных объектов спецтранспорта, а также персонала носимыми устройствами позиционирования, подключенных на ПЦО.

- Национальному банку РБ, Башкирскому РУИ, УФПС РБ предписано рекомендовать организациям-клиентам, осуществляющим хранение и транспортировку денежных средств, обеспечить неукоснительное соблюдение мер безопасности и защиты денежных средств, оборудовать в соответствии с техническими требованиями места их хранения путем установки средств охранно-пожарной сигнализации и усилить меры физической охраны.

Работа МВД по Удмуртской Республике по борьбе с преступными посягательствами на перевозчиков денежных средств организуется в соответствии с требованиями приказа МВД по УР от 08.07.2009 г. №477 «Об

усилении борьбы с грабежами и разбойными нападениями на инкассаторов и других лиц, доставляющих денежные средства», а также ежегодных планов совместных мероприятий по организации взаимодействия органов внутренних дел и Удмуртского РУИ – филиала РОИ (РОСИНКАС) ЦБ РФ (Банка России) и включает в себя следующие мероприятия:

- ежеквартально проводятся совместные тренировки личного состава ОВД, работников подразделений инкассации по отражению возможных нападений на объекты хранения денежных средств, специальный транспорт инкассаторов с выработкой мер по повышению уровня взаимодействия;

- ежеквартально проводятся комиссионные обследования финансово-кредит-ных учреждений с предложением услуг подразделений вневедомственной охраны ОВД;

- ежеквартально проводятся совместные проверки прикрытия нарядами милиции бригад инкассаторов в период инкассации объектов;

- ежеквартально осуществляются проверки условий хранения оружия и специальных средств организациями, осуществляющими перевозку и охрану денежных средств;

- раз в полугодие проводятся оперативные совещания по взаимодействию территориальных участков инкассации Удмуртского РУИ с УВД городов республики;

- раз в полугодие проводятся проверки по оперативно-справочным учетам МВД по УР инкассаторов и лиц, доставляющих денежные средства, а также представленные учреждениями финансово-кредитной системы списки лиц, ответственных за сбор и передачу денежных средств инкассаторам в этих учреждениях;

- раз в полугодие проводится совместное комиссионное обследование комнат хранения оружия Удмуртского РУИ с привлечением сотрудников ОЛПР ОВД;

- в целях повышения профессиональной подготовки инкассаторов обеспечивается ежегодное прохождение ими проверок на пригодность к действиям, связанным с применением оружия и специальных средств.

Координирующим центром, организующим деятельность подразделений и служб органов внутренних дел Чувашской Республики по противодействию преступлениям, совершаемым в отношении перевозчиков денежных средств, является Координационно-методический совет МВД по Чувашской Республике по организации взаимодействия с негосударственными структурами безопасности по вопросам обеспечения безопасности объектов финансово-кредитной сферы, в том числе при перевозке денежных средств и материальных ценностей. На заседания совета, проводимые раз в полугодие, в обязательном порядке приглашаются руководители и представители Ассоциации охранных предприятий Чувашской Республики, негосударственных структур безопасности, объектов финансово-кредитной сферы, Чувашского республиканского управления инкассации, инкассации отдела кассовых операций отделения Сберегательного банка РФ, Национального банка Чувашской Республики. На одном из своих последних заседаний Координационно-методическим советом было принято решение, касающееся в том числе профилактики и предупреждения преступлений, совершаемых в отношении перевозчиков денежных средств, которым рекомендовано:

руководителям негосударственных структур безопасности:

- осуществлять подбор и выставление на объекты данной категории, в том числе осуществляющих сопровождение денежных средств и материальных ценностей, наиболее подготовленных сотрудников, экипировать их современными специальными средствами

защиты и техническими средствами связи, в соответствии с действующим законодательством;

- исключить факты оказания охранных услуг сотрудниками, не имеющими соответствующей квалификации частного охранника и не прошедшими периодическую проверку на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением огнестрельного оружия и специальных средств;

- осуществлять транспортирование денежных средств только на автотранспорте, специально предназначенном для этих целей, оборудованном в соответствии с требованиями ОСТ 37.001.519-96 «Транспортные средства для перевозки денежной выручки и ценных грузов», навигационно-мониторинговыми системами или кнопками тревожной сигнализации с выводом на диспетчерские пункты органов внутренних дел;

- обеспечить взаимодействие с ОВД, в том числе предусмотреть возможность осуществления совместной охраны указанных объектов с подразделениями вневедомственной охраны;

начальникам ОВД по городам и районам республики:

- в план единой дислокации сил и средств ОВД включить объекты финансово-кредитной сферы, охраняемые негосударственными структурами безопасности;

- с учетом анализа оперативной обстановки, внести изменения в планы комплексного использования сил и средств, обратив особое внимание на проведение такой работы в дни выдачи пенсий в учреждениях финансово-кредитной системы, а также филиалах ФГУП «Почта России»;

- в целях недопущения и пресечения фактов преступных посягательств на охранные структуры, осуществляющие вооруженное сопровождение денежных средств и материальных ценностей (инкассации), приблизить маршруты патрулирования наружных служб к местам проведения инкассации. С руководителями организаций финансово-

кредитной сферы согласовывать места и время проведения инкассации;

руководителям учреждений инкассации, финансово-кредитной системы:

- усилить качество подбора и подготовки работников, осуществляющих охрану денежных средств при их транспортировке, обеспечить по мере возможности, их тестирование на полиграфе для проверки мотивации поступления на работу и психомоторных качеств;

- перевозку денежных средств осуществлять в строгом соответствии с требованиями Центрального Банка РФ (письмо от 23.03.2009 г. №38-Т «О соблюдении требований по перевозке и инкассации наличных денег») [12].

Одним из направлений по повышению эффективности деятельности органов внутренних дел по предупреждению и раскрытию корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении перевозчиков денежных средств, по нашему мнению, является проведение опросов практических работников ОВД.

Так, обобщение и анализ ответов, полученных по результатам опроса сотрудников органов внутренних дел [13], показали, что для повышения эффективности предупреждения и раскрытия корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении перевозчиков денежных средств, необходимо осуществлять следующие мероприятия:

1. Общегосударственные:

- повышение нравственности, культурного уровня, образования и правосознания населения;

- совершенствование нормативной правовой базы по противодействию корыстно-насильственной преступности;

- ужесточить санкции статей Уголовного кодекса РФ, предусматривающих ответственность за совершение групповых преступлений корыстно-насильственной направленности;

- разработать и принять на федеральном уровне нормативный

правовой акт, регламентирующий порядок инкассации и перевозки наличных денежных средств (по примеру постановления Кабинета Министров Республики Татарстан от 31 июля 1995 г. №522 «Об организации работы по инкассации и перевозке денежных средств в Республике Татарстан», разрешающего вынос суммы, превышающей 150 тысяч рублей, при наличии сопровождения службы инкассации «РОСИНКАС», вооруженных нарезным огнестрельным оружием, или подразделениями вневедомственной охраны при МВД по Республике Татарстан);

- установить административную ответственность руководителей предприятий, организаций и учреждений независимо от формы собственности за необеспечение сохранности имущества;

- разработать и утвердить систему стимулирования граждан, оказывающих содействие правоохранительным органам по предоставлению информации и сведений о замысливаемых и совершенных преступлениях.

2. Органам внутренних дел:

- усовершенствовать ведомственную нормативную базу по предупреждению и профилактике преступности;

- усовершенствовать внутриведомственную систему взаимодействия;

- активизировать работу с подотчетным контингентом;

- обеспечить оперативное прикрытие объектов, связанных с перевозкой денежных средств;

- осуществлять профилактические мероприятия среди лиц, представляющих оперативный интерес;

- в целях профилактики преступности чаще практиковать выступления в средствах массовой информации с оповещением граждан об особенностях поведения при совершении в отношении них преступных действий, а также положительными примерами деятельности по борьбе с преступностью и пропагандой неотвратимости наказания;

- регулярно проводить мероприятия (учебно-методические сборы, тематические семинары, научно-представительские мероприятия и т.д.) по повышению профессионального уровня и навыков сотрудников органов внутренних дел в области предупреждения и раскрытия корыстно-насильственных преступлений, в том числе совершаемых в отношении перевозчиков денежных средств, с участием практикующих специалистов других правоохранительных органов и представителей науки;

- наладить тесное взаимодействие и сотрудничество с организациями и лицами, на профессиональной основе осуществляющими перевозку денежных средств (по примеру Республики Татарстан).

3. Организациям и лицам, осуществляющим по роду своей деятельности перевозку денежных средств:

- усовершенствовать систему кадрового отбора и подготовки сотрудников, осуществляющих перевозку денежных средств;

- регулярно проводить обучение и инструктажи сотрудников, осуществляющих перевозку денежных средств, по действиям при возникновении экстремальных ситуаций;

- обеспечивать безопасность лиц, осуществляющих перевозку денежных средств, путем привлечения дополнительных сил, а также разработки запасных маршрутов их передвижения;

- обеспечивать перевозку денежных средств только с привлечением профессионально обученных лицензированных и соответствующим образом экипированных сотрудников, а также специально оснащенных транспортных средств;

- усилить контроль за распространением информации о месте, времени и количестве перевозимых ценностей и денежных средств;

- усовершенствовать техническую оснащенность и безопасность объектов, связанных с перевозкой денежных средств

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2007. – С. 264.
2. Прохорова М.И. Предупреждение грабежей и разбоев: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 9-10.
3. Вдовиченко В.П. Специально-криминологические меры предупреждения грабежей и разбойных нападений, совершаемых в группе//Общество и право. - 2009. - №4. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. – Последнее обновление 09.12.2010.
4. Ильяшенко А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография. – М.: Профобразование, 2003. – С. 360.
5. См., например, Вдовиченко В.П. Указ. раб.
6. Коровин А.Б. Основные меры по профилактике грабежей и разбойных нападений на граждан и салоны сотовой связи с целью завладения мобильными телефонами// Общество и право.- 2009.- №4. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. – Последнее обновление 09.12.2010.
7. По данным Управления уголовного розыска МВД по Республике Татарстан, за период 2005-2009 гг. на территории республики зарегистрировано 47 преступлений в отношении 50 перевозчиков денежных средств. За их совершение к уголовной ответственности привлечено 19 человек.
8. Указание МВД по Республике Татарстан от 12.03.2005 г. №24/781.
9. По данным МВД по Республике Башкортостан, за период 2005-2009 гг. в республике не зарегистрировано ни одного преступления в отношении перевозчиков денежных средств.
10. По данным МВД по Удмуртской Республике, за период 2005-2009 гг. в республике зарегистрировано 6 преступлений в отношении перевозчиков денежных средств.
11. По данным МВД по Чувашской Республике, за период 2005-2009 гг. в республике зарегистрировано 2 преступления в отношении перевозчиков денежных средств.

12. Протокол внеочередного расширенного заседания Координационно-методического совета МВД по Чувашской Республике по организации взаимодействия с негосударственными структурами безопасности по вопросам обеспечения безопасности объектов финансово-кредитной сферы, в том числе при перевозке денежных средств и материальных ценностей от 01.10.2009 г. №3.

13. Всего был опрошен 131 сотрудник подразделений уголовного розыска органов внутренних дел республик Татарстан, Башкортостан, Мордовия, Удмуртия и Чувашия.

Л.С. Хафизова

кандидат юридических наук,
преподаватель КЮИ МВД России

ФИНАНСОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ЯВЛЕНИЕ

В статье рассмотрено развитие представлений о финансовой преступности в отечественном правоведении, предложена собственная формулировка понятия финансовой преступности. Детально анализируются причины и условия финансовых преступлений, общие тенденции и их особенности в современной России, а также предпринята попытка систематизации предложенных российскими правоведами классификаций финансовых преступлений.

В современных условиях для России огромное значение имеет формирование надежного и эффективного механизма функционирования финансовой системы как ведущего элемента регулирования всех сторон экономической жизни государства. Развитие этой системы отношений обусловлено общественным разделением труда, наличием разных форм собственности и основанных на них организационно-правовых форм хозяйственной деятельности, экономической обособленностью и равноправием их субъектов, внешнеэкономическими связями. При этом распределение общественного продукта и национального дохода происходит в денежной форме. Конституционное и законодательное закрепление разнообразия форм собственности и развития рыночных механизмов определяет перспективы расширения и углубления товарно-денежных отношений в Российской Федерации [1].

Специфичность экономического развития современной России заключается еще и в том, что функционирование финансовых институтов, равно как и движение финансовых потоков, в недостаточной степени ограждены от мошеннических посягательств. В этой связи необходимо говорить не только о защите государственных бюджетных интересов, но и об обеспечении защиты финансов частных лиц и коммерческих структур. Мировой экономический кризис,

разразившийся в 2008 году, ещё раз наглядно показал практическую важность конституционно-правовой защиты негосударственных финансовых интересов. Последовательная политика российского правительства позволила предотвратить возможный обвал банковской системы [2]. Однако очень важна повседневная, систематическая работа по защите финансовой сферы от преступных посягательств. Криминальные явления в этой сфере представляют особую опасность для общества из-за ее места в экономической системе государства. Сосредоточение в ней денежных ресурсов делает эту сферу особенно привлекательной для противоправной деятельности. Установление контроля над денежной сферой позволяет криминальным кругам осуществить «внедрение» и в другие звенья экономической системы, получить конечный результат – денежный капитал.

Масштабы преступных деяний в финансовой сфере нагляднее всего видны на примере высокоразвитых экономик. По данным Интерпола, доходы организованной преступности в финансовой сфере превышают доходы от всех преступлений в сфере экономики и вышли на второе место после наркобизнеса. В США финансовые мошенничества и «беловоротничковая» преступность признаны глобальной опасностью [3].

Одной из задач государства в области финансов является налаживание результативно действующего финансового

контроля, который «является, с одной стороны, частью общегосударственного контроля, с другой – важным элементом механизма управления финансовой сферой. Назначение финансового контроля – содействие успешной реализации финансовой политики, эффективному использованию финансовых ресурсов государства» [4].

Исходя из важности и значимости финансов, российское законодательство предусматривает уголовную ответственность за преступные деяния в этой сфере. Правовые нормы, обеспечивающие охрану финансовых интересов, содержатся, главным образом, в разделе VIII Уголовного кодекса РФ «Преступления в сфере экономики».

Наряду с традиционно караемыми преступлениями в финансовой сфере УК РФ предусмотрел установление запретов на ряд таких видов общественно опасных действий в сфере финансовых отношений, как легализация (отмывание) денежных средств, полученных противозаконным путем; получение кредита путем обмана; злоупотребление при выпуске ценных бумаг (эмиссии); изготовление или сбыт поддельных кредитных, расчетных карт и иных платежных документов, а также другие экономические преступления, дополнительным объектом которых выступают или могут выступать финансовые интересы юридических и физических лиц (воспрепятствование законной предпринимательской деятельности; лжепредпринимательство; незаконное получение информации, составляющей коммерческую тайну; неправомерные действия при банкротстве, злостное банкротство; фиктивное банкротство; коммерческий подкуп) [5].

Расследование преступлений в финансовой сфере сопряжено со значительными трудностями. Это связано, прежде всего, с тем, что существуют негативные тенденции в структуре и динамике преступлений, совершаемых в финансовой сфере, которые вытекают из повышенной общественной опасности таких деяний. Как правило, дела этой категории являются многоэпизодными,

отличаются разветвленной сетью преступных связей не только на территории Российской Федерации, но и за рубежом. Часто применяются изощренные финансовые схемы с использованием новейших электронных технологий. Обвиняемыми по таким делам могут быть десятки человек [6].

Эффективность расследования преступлений в финансовой сфере зависит от ряда причин: от конкретных обстоятельств дела, от знаний и умений следователя, проводящего расследование и т.д. В то же время немаловажное значение имеют и теоретические разработки. Отсутствие общепринятых понятий и категорий затрудняет проведение единой политики в области борьбы с преступлениями в финансовой сфере. В первую очередь, на наш взгляд, это касается таких понятий, как «финансовое расследование», «финансовое преступление», «финансовое мошенничество».

Данные понятия в последнее время часто используются как в зарубежной, так и российской правоприменительной практике.

Так, полицейские подразделения, созданные для расследования финансовых преступлений и преступлений «белых воротничков», в том числе отмывания незаконных доходов, часто называют группами финансовых расследований. Термин «финансовые расследования» активно применяется и в лексиконе международных организаций, созданных для борьбы с отмыванием денег, таких как Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), Рабочая группа стран Карибского бассейна по осуществлению финансовых мер против отмывания денег и в ряде других.

В Республике Беларусь, например, вопросами налоговых и финансовых преступлений занимается Департамент финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь [7].

В деятельности международных организаций в области противодействия легализации (отмыванию) доходов преступным путем принимает участие и

Федеральная служба по финансовому мониторингу Российской Федерации [8].

В последнее время активизируется международное сотрудничество в рамках ФАТФ, в частности, в форме экспертных ревизий. Росфинмониторинг способствует работе экспертов ФАТФ в более чем ста государственных и коммерческих организациях, от которых зависит финансовая дисциплина в стране. О степени значимости активного финансового контроля в сегодняшних условиях российской действительности наглядно говорит и тот факт, что Указом Президента РФ существенно повышен статус Федеральной службы по финансовому мониторингу. Она подчиняется не Министерству финансов, как было, а непосредственно Правительству РФ [9].

В документах ФАТФ отмечается, что отмывание преступных доходов и финансирование терроризма представляют собой два типа финансовых преступлений с разрушительными эффектами, которые скрываются за обычными финансовыми транзакциями. В обоих случаях для отмывания преступных доходов и поддержки террористической деятельности преступники используют несовершенства легальной финансовой системы.

В апреле 2005 года состоялся XI Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, основной темой которого явилось: «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия». На конгрессе рассматривались вопросы сотрудничества в борьбе с транснациональной организованной преступностью, коррупцией, терроризмом, наркопреступностью, киберпреступностью, противодействие экономическим и финансовым преступлениям [10].

В промышленно развитых странах, несмотря на всю серьезность и масштабность дел, связанных с финансовым мошенничеством, их последствия можно ограничить, учитывая как масштабы экономики стран, в которых они имеют место, так и способность соответствующих стран создавать

надлежащие регулирующие механизмы для предупреждения новых инцидентов. В развивающихся же странах долговременные последствия экономической и финансовой преступности оказываются значительно более серьезными. В силу слабой нормативной базы, ограниченного потенциала органов управления и низкого профессионального уровня работников правоохранительных органов, многие развивающиеся страны особенно уязвимы с этой стороны.

В широком смысле термин «экономическая и финансовая преступность» означает любые ненасильственные преступления, которые причиняют финансовый ущерб, хотя иногда этот ущерб может быть скрытым или не восприниматься обществом как таковой. Такие преступления охватывают широкий спектр противоправных деяний. Тем не менее, в действующем российском уголовном законодательстве не дается определения понятия «экономических преступлений» или «преступлений в сфере экономики». Еще в 1981 году Комитет министров Совета Европы определил, как экономические преступления, 16 правонарушений: от правонарушений, связанных с деятельностью картелей, до экологических преступлений (рекомендация №R(81) 12). Большая часть из этих правонарушений вполне обоснованно может быть отнесена к категории «экономической и финансовой преступности» [11].

Задача криминологического концептуального осмысления экономических и финансовых преступлений осложняется и стремительным развитием технологий, которые открывают новые возможности для совершения таких преступлений. Технический прогресс и, прежде всего, развитие сети Интернет оказывают значительное влияние на общий уровень экономической и финансовой преступности. Одновременно эти факторы осложняют анализ масштабов преступлений, подпадающих под широкое понятие «экономическая и финансовая преступность» [12].

Для выяснения сущностного содержания понятия финансовой преступности необходимо определить характерные черты объекта, в данном случае, финансовых отношений.

Финансовые отношения выражают денежные отношения, которые возникают между предприятиями; между предприятиями и вышестоящими организациями при создании и распределении фондов денежных средств; внутри предприятия при формировании и кругообороте его фондов; между государством и предприятиями при уплате предприятиями обязательных платежей в бюджетную систему и финансировании расходов; между государством и гражданами при внесении ими налогов и иных платежей; между предприятиями, гражданами и внебюджетными фондами при внесении платежей и получении средств и др.

Непосредственно деньги, обслуживающие финансовые отношения, образуют финансовые ресурсы. С одной стороны, финансы являются неотъемлемой частью денежных отношений, с другой стороны, финансы возникают на основе движения реальных денег в наличной и безналичной форме в различных сферах и уровнях расширенного воспроизводства. Отсюда, собственно, и вытекает разнообразие норм права, регулирующих финансовые отношения.

Процессы обращения денег за рамками правового поля приводят к определенным нарушениям в финансовой сфере, которые рассматриваются как финансовые нарушения или финансовые преступления. Движение денег, характеризующееся как общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, является финансовым преступлением и регулируется нормами Уголовного кодекса РФ. Ответственность же за финансовые нарушения, не являющиеся преступлением, предусматривается Налоговым кодексом, Таможенным кодексом, Бюджетным кодексом, Кодексом об административных правонарушениях, валютным законодательством и иными правовыми актами.

В этой связи, по мнению Н.А. Пименова, предметом расследования в финансовой сфере являются «финансовые нарушения». Аргументы в пользу такого подхода следующие: во-первых, данный термин охватывает всё многообразие форм финансовых отношений, во-вторых, он несет в себе все характерные признаки посягательства на отношения по формированию, распределению, перераспределению и использованию фондов денежных средств (финансовых ресурсов) субъектов экономических отношений. Корреляция выявленных нарушений и степени их общественной опасности (правонарушение или преступление), а также норм права, регулирующих конкретное финансовое нарушение, является прерогативой субъектов, проводящих данное расследование [13]. Весьма близким по своей сути к этому определению стала формулировка А.В. Петровским понятия кредитно-финансовой преступности, под которой «понимаются преступления, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие правильное функционирование кредитно-финансовой системы, в соответствии с нормами административного и гражданского права, в состав которой входят: банки, кредитные организации, предприятия, государственные, иные организации, распределяющие денежно-валютные средства и участвующие в формировании финансовой системы страны, а также граждане и индивидуальные предприниматели» [14].

В криминологической литературе, особенно после вступления с 1 января 1997 года в силу Уголовного кодекса РФ, предлагались и иные классификации. Например, Л. Д. Гаухман и С. В. Максимов преступления, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие интересы хозяйства в сфере финансов, разделили на следующие группы:

1. Преступления, посягающие на сферу финансов в части формирования бюджета от сбора налогов (налоговые преступления).

2. Преступления, посягающие на сферу финансов в части формирования бюджета от сбора налогов от валютных операций или получения прибыли от использования хранимой в уполномоченных банках РФ иностранной валюты (преступления в сфере валютного регулирования).

3. Преступления, посягающие на сферу финансов в части формирования бюджета от добычи золота, других драгоценных металлов, драгоценных камней, иных полезных ископаемых и янтаря.

4. Преступления, посягающие на сферу финансов в части формирования бюджета от продажи знаков почтовой оплаты и проездных билетов [15]. Представляется, что привязка всей системы классификации финансовых преступлений исключительно к бюджету в современных условиях рыночного хозяйства неоправданна и является своеобразным эхом советского этапа развития криминологических представлений.

Б.В. Яценко в разделе учебника по Уголовному праву предлагает в качестве критерия классификации выделять конкретные общественные отношения, складывающиеся в процессе функционирования определенной финансовой системы: 1) преступления в денежно-кредитной сфере (ст. 176, 177, 181, 185–187 УК РФ); 2) преступления в сфере финансовой деятельности государства (ст. 186, 189–194, 198, 199 УК РФ) [16].

Примером иного подхода представляется весьма дробная классификация, представленная в ещё одном учебнике по Уголовному праву, где Б.М. Леонтьев строит систему преступлений по сферам совершения, выделяя соответственно: 1) преступления в банковской деятельности (ст. 169–177, 183 УК РФ); 2) преступления, связанные с банкротством (ст. 195–197 УК РФ); 3) преступления в сфере обращения денег, ценных бумаг и иных платежных документов (ст. 185–187 УК РФ); 4) преступления в сфере таможенного регулирования (ст. 188–190 УК РФ); 5) преступления в сфере валютного регулирования (ст. 191–193 УК РФ); 6) преступления в сфере налоговых и иных платежей (ст. 194, 198, 199 УК РФ) [17].

Своеобразная система преступлений в сфере экономической деятельности, где в основу положен способ совершения деяний, предложена Г.П. Новоселовым и Т.Ю. Погосян. В связи с этим выделяется использование монопольного положения на рынке (ст. 178, 179 УК РФ); злоупотребления при выпуске ценных бумаг, кредитных, расчетных карт или иных платежных документов (ст. 185–187 УК РФ); нарушение прав участника внешнеэкономической деятельности (ст. 188–190 УК РФ); незаконное обращение с валютными ценностями (ст. 191–193 УК РФ); путем уклонения от имущественных обязательств [18].

Н. Н. Афанасьев подразделяет преступления по виду посягательств на общественные отношения: 1) кредитно-финансовую деятельность государства и хозяйствующих субъектов (ст. 176, 177, 185–187 УК РФ); 2) монополию государственного регулирования в определенных сферах общественных отношений (ст. 181, 191, 192 УК РФ); 3) перемещение ценностей через таможенную границу (ст. 181, 191, 192 УК РФ); 4) порядок исчисления и уплаты налогов и иных платежей (ст. 194, 198, 199 УК РФ); 5) процедуру банкротства (ст. 195–197 УК РФ) [19].

Видным российским криминологом, профессором Б.В. Волженкиным была предложена следующая система классификации преступлений в сфере экономической деятельности: 1. Преступления, нарушающие общие принципы установленного порядка осуществления предпринимательской и экономической деятельности (ст. 171–175 УК РФ). 2. Преступления против интересов кредиторов (ст. 176, 177, 195–197 УК РФ). 3. Преступления, связанные с проявлениями монополизма и недобросовестной конкуренции (ст. 178–180, 182–184 УК РФ). 4. Преступления, нарушающие установленный порядок обращения денег и ценных бумаг (ст. 186, 187 УК РФ). 5. Преступления против установленного порядка внешнеэкономической деятельности – «таможенные преступления» (ст. 188–190,

194 УК РФ). 6. Преступления против установленного порядка обращения валюты (ст.191–193 УК РФ). 7. Преступления против установленного порядка уплаты налогов и страховых взносов в государственные внебюджетные фонды –«налоговые преступления» (ст. 198, 199 УК РФ) [20]. Но эта систематизация более высокого уровня, где финансовые преступления являются одной из составных частей.

Существуют и классификации, построенные на систематизации элементов финансовой преступности, например финансовых мошеннических деяний. Основой систематизации, предложенной Т.Л. Цен-новой, служит способ совершения преступления. С учетом данного критерия она выделяет четыре основных типа мошенничеств:

1. Рыночные мошенничества: банковские мошенничества; мошенничества на фондовом рынке; мошенничества при приватизации предприятий; мошенничества при продаже предприятий; мошенничества в риэлторской деятельности; мошенничества при производстве факторинговых операций; преднамеренное банкротство; фиктивное банкротство.

2. Мошенничества, связанные с невыполнением взятых обязательств: продажа (поставка) некачественного (бракованного) товара; недопоставка товаров (при условии, что платеж уже был осуществлен); проведение заведомо убыточных лотерей, азартных игр; создание коммерческих организаций с целью привлечения денежных средств населения (по типу АО «МММ», «Властелина» и др.); продажа туристических виз, путевок; мошенничества, связанные с предоплатой товара (лицо не выполняет условия договора и удерживает полученные денежные суммы); завладение партнерским кредитом.

3. Мошенничества, связанные с использованием документов, дающих право на приобретение либо получение имущества: хищения, совершаемые путем подделки ценных бумаг, используемых в качестве средства расчета (чеки, векселя, иные документы); фальсификация документов залога; мошенничества,

связанные с использованием поддельных доверительных писем, дистрибьюторских договоров, лицензий, фальшивых удостоверений.

4. Мошенничества с использованием сводных документов бухгалтерского учета (бухгалтерские мошенничества): хищения, связанные с фальсификацией счетов-фактур; хищения, связанные с фальсификацией расходных товарно-транспортных накладных; хищения, связанные с подделкой кассовых ордеров в целях покрытия недостачи по кассе; хищения, связанные с фальсификацией документов авансового отчета; хищения товаров (денежных средств, акций, облигаций) путем полного либо частичного их неоприходования; хищения, совершаемые путем составления актов на выпуск бракованной продукции; хищения, совершаемые путем составления фиктивных документов на оказание консалтинговых либо маркетинговых услуг; мошенничества, связанные с фальсификацией записей в балансе, журналах-ордерах; фальсификация записей в синтетических и аналитических счетах; составление документов, отражающих оплату труда несуществующих работников; фальсификация часов переработки [21].

Базовое определение этого явления – коммерческое мошенничество, предложенное Т.Л. Ценовой, нам представляется неполным, узким, т.к. не все мошеннические действия могут быть соотнесены с коммерцией, тогда как все мошеннические преступления наносят финансовый ущерб, который всегда можно оценить соответствующим образом. Поэтому мы считаем более точной другую формулировку – «финансовое мошенничество».

В целом же понятие финансовой преступности может быть сформулировано следующим образом это — совокупность преступлений, непосредственно связанных с посягательством на отношения по формированию, распределению, перераспределению и использованию фондов денежных средств (финансовых ресурсов) субъектов экономических отношений.

Необходимым элементом успешного модернизационного развития России является масштабное и оперативное сопровождение экономических процессов уголовно - правовым обеспечением. Поэтому принципиально важным является выстраивание всех элементов финансовой системы с точки зрения надежного и эффективного противодействия преступным посягательствам.

В этой связи следует подчеркнуть, что «финансовая безопасность должна предполагать такое развитие финансовых отношений и процессов, при котором создавались бы приемлемые условия и необходимые ресурсы для расширенного воспроизводства экономики и стабильности, сохранения целостности и единства финансовой системы» [22].

Анализ российского уголовного законодательства, призванного обеспечивать охрану финансовых интересов государства, общества, граждан,

показывает, что оно нуждается в постоянном совершенствовании в связи с непрерывным видоизменением традиционных сфер финансового оборота и возникновением новых явлений в экономике. Велением времени является и международное сотрудничество в борьбе с финансовой преступностью, в связи с тем что она приобрела транснациональный характер.

Следует учитывать и то обстоятельство, что борьба с финансовыми правонарушениями регламентируется уголовным, налоговым, бюджетным, таможенным кодексами и другими правовыми актами, а стыки в законодательстве неизбежно порождают проблемы в правоприменительной практике.

Важным элементом изучения финансовых преступлений и выработки мер по их выявлению, пресечению и профилактике является их криминологическая классификация, но единой и общепринятой классификации до сих пор не создано.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ст. 8 Конституции РФ; ст. 1 и гл. 13 ГК РФ.
2. Алимбеков Т.Ф. Конституционно-правовые нормы как основа гарантии прав и законных интересов вкладчиков банка в условиях финансового кризиса // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2009. – № 1 (65). – С. 36-39.
3. Есипов В.М. Теневая экономика: учебное пособие. – 2-е изд. – М., 1998. – С.59.
4. Козлов С.С., Галкин Д.В. Финансовый контроль как необходимый элемент механизма обеспечения экономической безопасности государства // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2006. - № 6. – С. 219.
5. Багрецов С.А., Львов В.М., Ткачев Н.И. Методики и модели оценки вероятности мошенничества в бизнесе. – Тверь, 2005; Сергеев В.И. Обман в договорном праве // Юрист. – М., 2002. – № 10. – С. 41-46.
6. Топорков А.Н. Распространенные способы группового мошенничества в современных условиях // Вестник Ставропольского университета. – Ставрополь, 2000. – Вып. 3. – С. 37-41.
7. Хилюта В. В. Криминалистические проблемы расследования мошенничества в сфере банковской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Минск, 2004.
8. Положение о Федеральной службе по финансовому мониторингу, утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 23 июня 2004 г. № 307 // СЗ РФ. – 2004. – №26. – ст.2676; Российская газета. – № 136. – 2004.
9. См.: Российская газета. – 2007. – 26 сентября.
10. Экономические и финансовые преступления: вызовы устойчивому развитию // Материалы Одиннадцатого Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. А/CONF.203/7. – Бангкок, 2005.
11. Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия: сборник научных трудов; под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2005. – С. 41-47.
12. Кругликов Л.Л., Лапшин В.Ф. К вопросу о понятии финансовой преступности // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2. – С. 302-308.
13. Пименов Н.А. Финансовые расследования: основные подходы // Вестник Финансовой академии: Финансовые расследования.– М., 2003. – Вып. 1(25). – С. 58-61.
14. Петровский А.В. Понятие и составы кредитно-финансовой преступности // Вестник СевКав ГТУ. – 2004. Серия «Право». – №. 1 (6).

15. Гаухман Л. Д. Хозяйственные преступления. – М., 1995. – С. 10; Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономики. – М., 1996. – С. 199.
16. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. А. И. Рарога. – М., 1997. С. 143 – 146.
17. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под общей ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. – М., 1997. – С. 247 – 248.
18. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. – М., 1997.
19. Уголовное право. Особенная часть / под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова.- М., 1998. -С. 290-291.
20. Волженкин Б. В. Экономические преступления. – СПб., 1999. С. 57-58
21. Ценова Т.Л. Понятие, состав и виды коммерческого мошенничества // Российский судья. -2004.- № 4. -С. 30-31.
22. Константинов Г.А. Обеспечение финансовой безопасности Российской Федерации: вопросы теории и методологии // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2006. – № 6. – С. 36.

Е.В. Демидова

кандидат юридических наук,
старший преподаватель КЮИ МВД России

ЭКСТРЕМИЗМ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

В статье представлен широкий спектр определений понятия «экстремизм», а также результаты современных комплексных социологических исследований по проблемам экстремизма.

Термин «экстремизм» происходит от латинского слова *extremus* – крайний. В справочной литературе под экстремизмом традиционно принято понимать «приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике)» [1]. Слово «экстремист» трактуется как человек, придерживающийся крайних взглядов, сторонник крайних мер.

В юридической литературе, посвящённой исследованию «экстремизма», не выработана чёткая позиция по проблеме понимания экстремизма, отсутствует единство в формулировании самого термина, не раскрыты его сущностные характеристики. Объяснение этому видится в том, что «экстремизм» отличается особой сложностью, в связи с чем учёные в трактовке его правовой и социальной природы используют различные методологические подходы. Основная задача исследователя заключается в точном определении сущности и установлении отличительных признаков экстремизма, его субъективной составляющей. Для этого необходима всесторонняя теоретическая разработка, критическое рассмотрение основных подходов в определении самого понятия «экстремизм», существующего в науке с целью установления его общесоциального значения [2].

В филологии экстремизм трактуется как приверженность к крайним взглядам и мерам [3]. Экстремизм не просто неприязнь, а крайняя степень пренебрежения [4].

В философии под сущностью экстремистской деятельности понимают:

«антиобщественные взгляды и поступки», «характеристику противоправных деяний» [5]; противоположность позитивным социокультурным ценностям [6]; деструктивно-деятельностный характер человеческой сущности, представляющую специфическую форму отчуждения, ориентированную на уничтожение регулярной идентичности [7].

В социологии экстремизм – это деструктивная тенденция, являющаяся препятствием для модернизации российского общества [8]; приверженность к крайним взглядам и мерам, проявляющаяся в соответствующем социальном поведении, во всех сферах человеческой активности: в межличностном общении, во взаимоотношениях полов, в отношении к природе, в политике и т.д. [9]; не просто пренебрежения к общественным нормам, правилам, законам, а крайняя степень пренебрежения [10].

В политологии экстремизм рассматривается как дестабилизирующий фактор, направленный на разрушение существующей политической системы [11]; негативный атрибут процесса человеческой жизнедеятельности [12]; заряд агрессии, ненависти и злобы [13].

В юридических источниках экстремизм трактуется как аномальное (социально-негативное) [14], наиболее разрушительное [15], имеющее антиобщественную ориентацию [16]; явление, направленное на порождение негативных проявлений у членов мирового сообщества, различных

сомнений в возможности поддержания стабильности в мире на принципе демократии, уважении прав и свобод человека и гражданина [17], противоправная деятельность, деятельность, запрещённая законом как экстремистская, и лицо, её осуществляющее, нарушает правовой запрет [8]; форма крайнего, радикального отрицания существующих социальных норм, агрессивное социальное явление [9].

В доктринальных и других источниках также не сформирована единая позиция по определению понятия «экстремизм»: в частности, под экстремизмом понимают противоправную деятельность, осуществление которой причиняет или может причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений [10]; «действия и идеи, очевидно и решительно нарушающие нормы повседневной жизни, обоснованные линии поведения, демонстративно конфликтующие с обычными практиками людей» [11], «специфический жизненный стиль некоторых групп, чьи значения и ценности выступают в резкое, осознанное противоречие с общественными взглядами, моралью окружающих» [12]; отрицание норм и правил, принятых в обществе [13]; форму радикального отрицания существующих общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц или групп [14]; агрессивное поведение (настрой) личности, наиболее существенными проявлениями которого служат нетерпимость к мнениям оппонента, ориентированного на общепринятые в обществе нормы; склонность к крайним (силовым) вариантам решения проблемы; непринятие консенсуса как ценного, делового инструмента в каждодневной деятельности [15]; приверженность к крайним мерам в целях достижения какой-либо цели, воплощения какой-либо цели, воплощение в жизнь определённой идеи. В криминологическом отношении экстремизм представляется возможным определить как криминогенно-криминальное явление [16]; приверженность к крайним взглядам и мерам, отрицание существующих

общественных норм и правил поведения в государстве со стороны отдельных лиц или объединений (групп) [17].

С начала 90-х гг., после распада СССР, в России участились конфликты на межэтнической и межконфессиональной почве, проявления национальной, расовой и религиозной неприязни. Данная тенденция характерна не только для Северного Кавказа, но и для других регионов страны [18]. Примеры драматических событий в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, в Поволжье демонстрируют опасность таких проявлений, чреватых социальными взрывами. Нередко в подобных событиях в той или иной степени присутствуют элементы религиозного экстремизма.

В последние годы в России было проведено несколько комплексных социологических исследований по проблемам экстремизма. Проведённые интервью и опросы свидетельствуют о том, что рост экстремистских настроений обусловлен ростом общей политической активности общества, социальными и национальными противоречиями, усилением напряжённости борьбы за сохранение контроля над использованием дефицитных материальных ресурсов.

Существенно влияют на распространение экстремистских настроений правовой нигилизм, отсутствие стабильного правового пространства, неэффективности правовой социализации молодёжи, конечно, несовершенство законов, слабость правоохранительной системы, неэффективность административных и иных социально-политических механизмов превенции экстремизма.

Экстремизм в России по-прежнему представляет угрозу стабильности и общественной безопасности в стране, так как сохраняется тенденция ежегодного роста числа преступлений экстремистской направленности. В 2007 году было зарегистрировано 356 преступлений указанной категории, в 2008 – 460, в 2009 – 548.

На первый взгляд может показаться, что 548 преступлений в год – это не так много по сравнению с общим количеством ежегодно регистрируемых в России

преступлений. Однако даже одно-единственное преступление, связанное со специфичной и деликатной сферой межнациональных, межконфессиональных отношений, способно резко дестабилизировать, всколыхнуть ситуацию не только в отдельно взятом регионе, но и в государстве в целом [19].

Экстремизм и его проявления являются не только российской проблемой. В последние годы во всём мире отмечается увеличение числа межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Достаточно вспомнить массовые беспорядки и погромы, происходившие в последние годы в ряде европейских стран. Такие факты свидетельствуют, насколько опасны межэтнические конфликты, как деструктивно они воздействуют на социально-экономические процессы в обществе, насколько трудно их остановить.

Характеризуя географию распространения экстремизма и его региональные особенности, следует отметить, что наибольшее количество преступлений, связанных с экстремистскими проявлениями, зарегистрировано в Центральном округе – 169, в Приволжском – 130; в Уральском – 74. Наибольшее число экстремистских преступлений зарегистрировано в Нижегородской – 51 и Свердловской – 54 областях.

В республиках Калмыкия, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Тыва, Саха (Якутия), Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республиках, Липецкой, Ярославской, Псковской, Пензенской, Курганской областях, Ненецком АО и Камчатском крае за 2009 г.

преступлений экстремистской направленности не зарегистрировано. Однако надо учитывать, что статистические данные не всегда отражают объективную картину с распространённостью экстремистских проявлений в стране. Такие преступления характеризуются высокой степенью латентности с точки зрения их отражения в уголовной и судебной статистике [20].

Это бывает связано с бездействием самих потерпевших, которые не обращаются своевременно с заявлением в правоохранительные органы в связи с незаконным нахождением в стране, незнанием русского языка либо по иным причинам. Следует также учитывать и особенности статистического учёта преступлений экстремистской направленности. Мотивация таких деяний устанавливается в ходе тщательного расследования и рассмотрения дел судом.

Анализ имеющейся информации показывает, что экстремистские проявления становятся одним из основных факторов, создающих угрозу основам конституционного строя и безопасности государства. Неуклонно повышается степень организованности экстремистов. Для достижения своих целей они активно укрепляют межрегиональные связи, широко используют новейшие информационные и коммуникационные технологии, повышают уровень конспиративности при подготовке публичных акций.

Угрозы экстремизма формируются на объективной основе в связи с существующими в стране социальными противоречиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь иностранных слов. М., 1955. С. 802; Словарь русского языка. -М., 1961. - Т. IV. - С. 754.
2. Преступность, организованная преступность и проблемы безопасности /под ред. А.И. Долговой. -М., 2010. - С. 12.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1997. С. 908; Современный словарь иностранных слов. 4-е изд., стереотип.- М., 2001. -С. 707; Большая российская энциклопедия.- СПб., 1997. - С. 1395.
4. Молодёжный экстремизм /под ред. А.А. Козлова. - СПб., 1996.- С. 11.
5. Аристов В.Н. Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления: дис. ... канд. филос. наук. - Киев, 1984. - С. 9, 46.

6. Афанасьев Р.М. Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодёжной среде (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. - М., 2007. - С. 14.
7. Хоровинников А.А. Экстремизм как социальное явление (философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. - Саратов, 2007. - С. 7.
8. Русаков О.А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере Северокавказского региона): дис. ... канд. соц. наук. - М., 2004. - С. 4, 9.
9. Социологическая энциклопедия: в 2 т. - М., 2003. - Т. 2. - С. 799.
10. Молодёжный экстремизм /под ред. А.А. Козлова. - СПб., 1996. - С. 11.
11. Воронов М.В. Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук.- М., 2003. -С. 15.
12. Ковалёв В.С. Политический экстремизм и механизм противодействия ему в современной России: дис. ... канд. полит. наук. - М., 2003. - С. 73.
13. Гречкина Е.М. Молодёжный политический экстремизм в условиях трансформирующейся российской действительности: дис. ... канд. полит. наук.- Ставрополь, 2006.- С. 11.
14. Степанов М.В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2003. - С. 8.
15. Мыльников Б.А. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2005.- С. 34.
16. Башкиров Н.В. Меры административно-правового противодействия политическому экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2005. - С. 37.
17. Жуков О.С. Правовые меры противодействия информационному экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук. - Воронеж, 2006. - С. 16; Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук.- Ростов-на-Дону, 2003.- С. 27.
18. Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: дис. ... канд. юрид. наук.-Саратов, 2007. -С. 9; Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография.- Саратов, 2007. -С. 15.
19. Аршба О.И. Современный правовой экстремизм в Европе // Вестник Московского университета. 2002.- № 4.- С. 3.
20. Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография.-Саратов, 2007. -С. 27.

Н.М. Сафин
преподаватель КЮИ МВД России

О МОТИВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье проанализированы законодательные конструкции определений экстремизма, рассмотрено значение мотивов в определении экстремистской деятельности и преступлений экстремистской направленности, внесены предложения по совершенствованию законодательства в сфере противодействия экстремизму.

Несмотря на предпринимаемые усилия, экстремизм по-прежнему представляет серьезную угрозу стабильности и общественной безопасности в нашей стране. Крайняя опасность дальнейшего распространения в России экстремизма обуславливает необходимость целенаправленной борьбы с ним, в том числе и правовыми средствами. В то же время экстремизм, являясь социальным явлением, до сих пор не может найти своих четких правовых рамок. Необходимо признать, что в российской юридической науке до сих пор нет однозначной позиции по поводу определения экстремизма. Отсутствует единый взгляд на его виды и формы, нет четкого разграничения смежных с экстремизмом явлений.

В отечественной политической и научной литературе термин "экстремизм" раскрывается в различных аспектах, но комплексного междисциплинарного подхода к определению этого многогранного явления не существует. В русском языке слово «экстремизм» интерпретируется практически однозначно как приверженность к крайним мерам, взглядам (обычно в политике) [1]. Из-за отсутствия четкого определения данного явления ученые выделяют большое количество видов экстремизма, которые различаются по различным критериям. Например, по направленности могут быть выделены такие виды экстремизма как экономический, политический, националистический, религиозный, экологический, духовный и др. [2] Объединяющим началом для них выступает то, что экстремист выбирает радикальные,

общественно опасные способы достижения своих целей и поэтому экстремизм, по мнению отдельных ученых, в своем содержании охватывает крайние проявления радикализма и терроризма [3].

В отличие от словарей законодательные акты не дают определения экстремизма, а описывают его либо как определенные виды деятельности, либо связывают его с определенными мотивами. Так, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в редакции Федеральных законов от 27.07.2006 N 148-ФЗ, от 27.07.2006 N 153-ФЗ, от 10.05.2007 N 71-ФЗ, от 24.07.2007 N 211-ФЗ, от 29.04.2008 N 54-ФЗ к экстремистской деятельности относит:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иную террористическую деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой,

национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте "е" части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

- пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

- организацию и подготовку указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг;

Федеральный закон широко обсуждался политическими деятелями, независимыми экспертами, а также представителями средств массовой информации. Как отмечают многие из них, нормы указанного закона конструировались законодателем наспех, без соответствующего юридического анализа, что послужило поводом для их серьезной критики. В частности, к недостаткам относят то, что перечисленные в Законе преступные действия никак не указывают и не раскрывают ни подлинные цели, ни мотивы привлекаемых к ответственности лиц: насильственное изменение основ конституционного строя не имеет целью только насильственное изменение таких основ; целостность государства подрывается не ради подрыва целостности; воспрепятствование законной деятельности государственных органов происходит не для ее воспрепятствования; публичные призывы к осуществлению указанных деяний осуществляются не ради таких призывов; финансирование таких деяний имеет своей целью, конечно же, не само финансирование [4].

Законодательная конструкция экстремизма, не включающая в себя мотив и цель деяния, неспособна восполнить недостатки данного законодательного акта, раз отсутствует системный фактор, позволяющий задействовать отрицательную обратную связь в регулировании социальных явлений. В такой ситуации закрепленный принцип приоритета мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, а также провозглашенное одним из основных направлений принятие профилактических мер на предупреждение экстремистской деятельности, в частности путем выявления и устранения причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности, превращаются в "благие" пожелания.

Более узкое определение экстремизма дается в примечании к ст.282.1 Уголовного кодекса РФ, которое распространяется только на уголовно наказуемые деяния. В нем указывается, что под преступлениями экстремистской направленности следует

понимать преступления, совершаемые по мотивам политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и пунктом «е» части первой статьи 63 УК РФ.

Здесь единственным критерием, позволяющим разграничить экстремистские преступления от иных уголовно наказуемых деяний, выступает субъективный признак – мотив совершения преступления. Признание экстремистской направленности за каким-либо преступлением допускается в следующих случаях: 1) путем указания на соответствующие мотивы, непосредственно содержащиеся в статье Особенной части УК РФ о данном преступлении; 2) если деяние фактически совершено по мотивам, указанным в п. "е" ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Представляется правильным, что законодатель не стал перечислять все виды деятельности, подпадающие под преступный экстремизм, поскольку в купе с вышеуказанным мотивом любое преступление обладает той общественной опасностью, которая предопределяет «крайность взглядов» экстремиста и «крайность методов» осуществляемой им деятельности. В этом мы полностью согласны с мнением С.Н. Поминова о том, что "именно мотивы и цели превращают любое преступное деяние в экстремистское" [5]. Однако и при применении этого определения экстремизма возникает ряд проблем.

Указание законодателя на мотивы, перечисленные в п. "е" ч. 1 ст. 63 УК РФ, может оставить безнаказанными лиц, которые занимаются экстремистской деятельностью по иным мотивам, например, из корысти, за вознаграждение. Также возникает проблема вменения лицу в вину двух или более мотивов преступления, только один из которых является доминирующим. Так, в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 г. N 211-ФЗ одним из альтернативных признаков преступления, предусмотренного ст.213 УК РФ, стали

являться мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды.

Наряду с ними обязательным признаком хулиганства выступают хулиганские мотивы. Об этом свидетельствует, например, само название постановления Пленума Верховного суда РФ от 15 ноября 2007 г. N 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений». В частности в первом пункте вышеуказанного постановления разъясняется, что «явное неуважение лица к обществу выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним», т.е. хулиганскими мотивами.

В научных исследованиях подчеркиваются несовместимость хулиганского мотива с другими мотивами преступления [6]. Для сравнения отметим, что в ст. ст. 105, 111, 112, 115, 116 УК хулиганские побуждения, с одной стороны, и мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы - с другой, четко разделены, т.е., по мысли законодателя, имеют самостоятельный характер. В ст. 213 УК такого разделения нет, что значительно расширяет объем понятия "хулиганство", размывая его границы.

Для устранения вышеуказанных противоречий, на наш взгляд, представляется правильным использовать в определении экстремизма не описание конкретного мотива, а указание на связь мотивов преступлений с признаками личности потерпевшего (или группы потерпевших). Законодатель достигает этой цели через использование словосочетания «в связи». В нашем случае преступление экстремистской направленности будет определяться как совершенное в связи с принадлежностью лица (или группы лиц) к политической, расовой, национальной, религиозной или иной социальной группе.

Такая техника конструирования определения преступлений экстремистской направленности позволит учесть широкий спектр мотивов поведения экстремиста, не

перечисляя их в диспозиции статьи и таким образом не вызывая их смешения с доминирующими мотивами.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Толковый словарь иностранных слов в русском языке / сост. Т.В. Новик и др. - Смоленск: Русич, 2001. - С. 498; Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 5-е изд. - М.: Русский язык, 2003. - С. 821; Современный словарь иностранных слов. - М.: Русский язык, 1992. - С. 894; Булыко А.Н. Большой словарь иноязычных слов. - М.: Мартин, 2004. - С. 685; Новейший словарь иностранных слов и выражений. - Минск: Современный литератор, 2003. - С. 936; Большой толковый словарь русского языка / сост. С.А. Кузнецов. - СПб.: Норинт, 1998. (2000); Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. - М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. -Т. 4. -С. 1411.

2. См.: Политическая энциклопедия. - М.: Мысль, 1999. - С. 683.

3. См.: Левшуков Р.А. Религиозный экстремизм в Карачаево-Черкесской Республике // Ислам и политика на Северном Кавказе. - Ростов-на-Дону, 2001; Малышева Д.Б. Религиозный фактор в вооруженных конфликтах современности: развивающиеся страны Азии и Африки в 70-80-е годы. - М., 1991; Сулова Е.С. Религия и проблемы национальной безопасности на Северном Кавказе: дис. ... канд. филос. наук. - М., 2004 и др.

4. Поминов С.Н. Организация деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2007. - С. 22.

5. Там же.

6. См., напр., Шинкарук В.М. Ответственность за хулиганство в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Волгоград, 2002.- С. 19.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Шалагин А.Е.

Преступления против общественной нравственности и их предупреждение: монография / А.Е. Шалагин. - Казань: КЮИ МВД РФ, 2010. – 222 с.

Работа посвящена уголовно-правовому и криминологическому анализу преступлений, посягающих на общественную нравственность. В монографии отражены проблемы, возникающие при квалификации преступных деяний, предусмотренных ст. 240-245 УК РФ. В сравнительном аспекте использован исторический, зарубежный и региональный опыт противостояния преступлениям данной направленности.

Монография предназначена для слушателей, курсантов, адъюнктов юридических вузов системы МВД России, а также может быть полезна студентам, аспирантам, преподавателям учебных заведений, практическим работникам органов внутренних дел, сотрудникам правоохранительной сферы.

В.А. Богдановская

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права КЮИ МВД России

АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Статья посвящена анализу норм уголовного законодательства некоторых зарубежных стран, предусматривающих уголовную ответственность юридических лиц.

В теоретическом плане проблема уголовной ответственности юридических лиц достаточно дискуссионна. На наш взгляд, безусловно, полезным будет изучение зарубежного опыта в данной области, а также выяснение конкретных практических преимуществ, которые были достигнуты при введении в действие института уголовной ответственности юридических лиц.

В настоящее время институт уголовной ответственности юридических лиц существует в законодательстве Австралии, Англии, Бельгии, Венгрии (с 2001 г.), Дании, Израиля, Ирландии, Исландии (с 1998 г.), Канады, КНР (с 1997 г.), Нидерландов (с 1976 г.), Норвегии (с 1991 г.), Польши (с 2002 г.), Румынии (с 2004 г.), Словении (с 1999 г.), США, Финляндии (с 1995 г.), Франции (с 1992 г.), Швейцарии (с 2003 г.), Шотландии, Ирландии, Люксембурге. В постсоветских странах данный вид ответственности предусмотрен в уголовных кодексах Молдовы и Литвы. Не приемлют уголовной ответственности юридических лиц большинство стран восточной Европы, страны бывшего соцлагеря. В некоторых других государствах (в частности в Германии и Швеции) установлена так называемая «квазиуголовная» ответственность юридических лиц.

Обратимся к более подробному анализу норм уголовного законодательства некоторых зарубежных стран, предусматривающих уголовную ответственность юридических лиц. Для удобства предлагается следующая схема рассмотрения:

- 1) при каких условиях наступает уголовная ответственность юридических лиц;
- 2) за какие виды правонарушений предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц;
- 3) виды уголовных наказаний для юридических лиц.

Так, в **Уголовном кодексе Нидерландов** [1] данному вопросу посвящена ст. 51, в которой сказано, что уголовно наказуемые деяния совершаются как физическими, так и юридическими лицами.

Если уголовно наказуемое деяние совершается юридическим лицом, то по возбужденному уголовному делу могут быть вынесены решения о наказаниях и о принятии принудительных мер, насколько это возможно в рамках закона:

- 1) в отношении юридического лица;
- 2) в отношении лиц, которые дали задание на совершение деяния, а также в отношении лиц, которые фактически руководили запрещенным деянием;
- 3) совместно против лиц, указанных в подпунктах.

Отличительной чертой Уголовного кодекса Нидерландов является следующее – в кодексе отсутствуют четкие критерии для определения, в каких случаях правонарушение считается совершенным корпорацией. На наш взгляд, это является серьезным недостатком, так как может провоцировать проблемы в правоприменительной деятельности, а именно – проблемы квалификации.

В уголовном праве Нидерландов предполагается, что решение о

совершении или несовершении какого-либо действия, а также его одобрение должно исходить от юридического лица (в большинстве случаев от администрации). Если правонарушение считается совершенным юридическим лицом, преследоваться и нести ответственность может не только юридическое лицо. *Кроме* или *вместо него* преследоваться и нести ответственность могут те, кто непосредственно дал приказ выполнить действия, которые привели к правонарушению, а также те, кто этими действиями руководил. Таковыми считаются лица, обладающие полномочиями принимать решения о совершении или несовершении какого-либо действия, а также его одобрить. В случае упущений либо бездействия проводится проверка, принял ли человек все разумно необходимые, находящиеся в его компетенции меры для предотвращения действий или сознательно шел на риск и прибегал к запрещенным действиям. [2]

Верховный суд Нидерландов предложил два критерия для определения, когда компания может нести уголовную ответственность за действия своих сотрудников: во-первых, корпорация должна быть в состоянии определить, должен ли сотрудник поступать таким образом; во-вторых, действия сотрудника должны входить в категорию действий, обычно приемлемых для корпорации, и, следовательно, такие действия можно рассматривать как обыкновенную деловую практику компании.

По голландской системе уголовная ответственность корпораций признается в случае, когда они контролируют действия сотрудников и, таким образом, имеют возможность предотвратить противоправные действия.

В соответствии с уголовным законодательством Нидерландов юридическое лицо может быть привлечено к ответственности за совершение любого преступления, хотя практика признает и некоторые

исключения (например, половые преступления).

В систему наказаний для юридических лиц входят в основном штрафы.

Более развернуто вопрос уголовной ответственности юридических лиц освещен в **Уголовном кодексе Франции**, принятом в 1992 г.

Согласно ст. 121-2 УК Франции, юридические лица, за исключением государства, несут уголовную ответственность в случаях, предусмотренных законом или регламентом, за преступные деяния, совершенные в их пользу их органами или представителями. Органы местного самоуправления и их объединения подлежат уголовной ответственности только за преступные деяния, совершенные при исполнении делегированных полномочий по общественной службе. Уголовная ответственность юридических лиц не исключает уголовной ответственности физических лиц, являвшихся исполнителями или соучастниками совершения тех же действий [3]. Таким образом, как отмечает Н. Е. Крылова, согласно французскому законодательству уголовная ответственность юридических лиц по своей сути является *дополнительной* (только наряду с физическими лицами, а не вместо них), *обусловленной* (преступное деяние должно быть совершено в пользу юридического лица, его руководителем или представителем) и *специальной* (только в случаях, специально предусмотренных законом или постановлением) [4].

Французский уголовный кодекс допускает ответственность юридических лиц по очень широкому спектру преступлений. К ним относятся: преступления против человечества; неумышленные посягательства на жизнь и на неприкосновенность человека; изготовление, импорт, экспорт, перевозка, хранение, передача наркотиков; создание ситуаций, опасных для других лиц; проведение экспериментов на людях; дискриминация физического или

юридического лица; сводничество; создание условий труда и проживания, не совместимых с человеческим достоинством; посягательства на частную жизнь; клеветнический донос; посягательства на права человека, связанные с использованием картотек и обработкой данных на ЭВМ; посягательства на родственные связи; различные виды краж; вымогательство и шантаж; мошенничество и деяния, примыкающие к мошенничеству; посягательства на основополагающие интересы нации (измена, шпионаж, заговор и т. д.); терроризм; организация и участие в боевых группах и распущенных движениях; дача взятки и торговля влиянием; противодействие исполнению общественных работ; незаконное присвоение функций; незаконное присвоение званий и использование должности в рекламе; посягательства на власть правосудия по уголовным делам; подделка документов; подделка денег, ценных бумаг, фальсификация знаков государственной власти и иные деяния.

По УК Франции к юридическим лицам применяются следующие наказания (ст. 131-37, ст. 131-39): штраф, при этом максимальный размер штрафа, применяемого к юридическим лицам, равен пятикратному размеру штрафа, предусмотренного для физических лиц законом, наказывающим преступное деяние; прекращение деятельности юридического лица (не применяются к юридическим лицам публичного права, на которые может быть возложена уголовная ответственность, к политическим партиям и объединениям или профессиональным союзам, к организациям, представляющим персонал); запрещение, окончательное или на срок не более пяти лет, осуществлять прямо или косвенно один или несколько видов профессиональной или общественной деятельности; помещение на срок до пяти лет под судебный надзор (также не применяется к юридическим лицам публичного права, профсоюзам, политическим партиям); закрытие, окончательное или на срок не более пяти

лет, всех заведений или одного или нескольких заведений предприятия, использовавшихся для совершения инкриминируемых действий; запрещение, окончательное или на срок до пяти лет, совершения сделок с государственными организациями; запрещение, окончательное или на срок не более пяти лет, привлечения сбережений населения; запрещение на срок не более пяти лет выдавать чеки или использовать кредитные карточки; конфискация предмета, который использовался или предназначался для совершения преступного деяния, или предмета, явившегося его результатом; афиширование или распространение вынесенного приговора либо в печати, либо любым другим способом аудио-видеосообщения.

Кодекс Франции содержит положения о рецидиве преступлений юридических лиц, отсрочке объявления наказания и отсрочке исполнения наказания, а также о реабилитации юридических лиц. Таким образом, схема уголовной ответственности юридических лиц во Франции очень похожа на схему ответственности физических лиц.

Из анализа Уголовного кодекса Германии [5] усматривается, что юридическое лицо формально не признается субъектом преступления, но к нему, тем не менее, могут применяться различные уголовные санкции. Германское законодательство вину юридических лиц не регламентирует. При определении круга служащих, чьи действия являются действиями организации, применяется, как и в англосаксонских странах, принцип «отождествления». По законодательству Федеративной Республики **Германии**, если противоправное действие представителей или руководителей корпорации нарушает определенные законные обязанности корпорации или приносит финансовую выгоду компании (или преследовало цель принести финансовую выгоду компании), а также при противоправных действиях сотрудников компании, которые могли быть предотвращены ее руководителем, т.

е. при отсутствии должного контроля, применяется система наложения штрафов не только на физических лиц, но и на корпорации. Некоторые ученые называют подобную конструкцию «квазиуголовной ответственностью».

Подобная форма существует и в УК **Австрии** [6], где не предусматривается прямо уголовная ответственность юридических лиц, а говорится лишь о физических лицах. Вместе с тем в нем указано, что если какое-либо юридическое лицо обогатилось за счет совершения преступления физическим лицом или за счет имущества, полученного от преступления, то оно «приговаривается к выплате денежной суммы», соответствующей стоимости неосновательного обогащения.

Такой же конструкцией воспользовались Албания, Испания, Латвия, Мексика, Перу.

В законодательстве **Бельгии** [7] существует такая форма, когда признается уголовная ответственность служащего компании, но, поскольку он действовал в рамках корпорации, санкция (штраф) налагается на корпорацию.

В данных случаях отсутствует уголовная ответственность для юридического лица в классическом ее понимании – наказание корпорации дополняет наказание физического лица – виновника.

В феврале 2010 года в Люксембурге было принято законодательство, вводящее юридическую ответственность юридических лиц.

Новое законодательство представляет собой изменения в Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс Люксембурга. Новое законодательство вносит глобальные изменения в уголовное законодательство Люксембурга, так как до этого времени юридические лица не несли уголовную ответственность по люксембургскому праву. Уголовная ответственность была возможна только в отношении руководства компаний.

Новое законодательство вступило в силу 15 марта 2010 года. С момента вступления в силу нового

законодательства юридические лица могут нести уголовную ответственность за преступления или правонарушения, совершенные их органами управления или лицами, представляющими юридические лица. При появлении уголовной ответственности не имеет значения, является ли юридическое лицо коммерческой организацией или нет. Таким образом, под уголовную ответственность может попасть практически любое юридическое лицо. Уголовной ответственности, однако, не подлежат правительственные и муниципальные органы. Уголовной ответственности также не подлежат образования, не имеющие юридической правоспособности, например, компании, которые еще не были зарегистрированы, или какие-либо коммерческие ассоциации и группы, которые не зарегистрированы в качестве юридического лица.

Уголовная ответственность юридических лиц возможна за любое преступление, указанное в уголовном кодексе Люксембурга. Уголовная ответственность юридических лиц не исключает уголовной ответственности физических лиц, совершивших эти преступления. Под ответственность может попасть как компания, зарегистрированная в Люксембурге, так и компания, зарегистрированная за границей, однако, совершившая правонарушение в Люксембурге. Закон устанавливает размер санкций для юридических лиц.

Одна из санкций — наложение штрафа на юридическое лицо.

При установлении размеров штрафов для юридического лица законодатели столкнулись с рядом вопросов:

- излишне высокие штрафы для юридических лиц нарушают принцип равенства юридических и физических лиц;
- с другой стороны, правонарушения юридических лиц могут быть более опасные, чем правонарушения физических лиц.

На данный момент было решено, что размер штрафов для юридических лиц составит от 500 до 750 000 Евро. Однако

за особо опасные преступления, такие как преступления против общественной безопасности, финансирование терроризма и т. п., штрафы могут быть выше.

В дополнение к штрафам уголовная ответственность юридических лиц может быть в форме ликвидации компании, если будет доказано, что юридическое лицо было специально создано для совершения преступления.

Среди иных мер ответственности можно отметить:

- конфискацию имущества;
- дисквалификацию от участия в определенной деятельности [8].

Согласно англо-саксонскому праву к уголовной ответственности, аналогично физическим лицам, могут быть привлечены корпорации, такие как инкорпорированные компании или органы самоуправления. Организации без статуса корпорации уголовной ответственности не подлежат, за исключением случаев, установленных статутным правом. Отличительной особенностью корпоративной уголовной ответственности в Англии, США и Австралии является своеобразное применение в отношении юридических лиц принципа вины. Фактически здесь имеет место безвиновная ответственность корпораций. Для такой ответственности достаточно лишь объективной стороны состава преступления, когда установлен сам факт нарушения закона и не требуется доказательство вины правонарушителя (торговля недоброкачественными или фальсифицированными продуктами питания, нарушение постановлений о соблюдении санитарных правил и т. д.). В доктрине англо-саксонского уголовного права этот принцип получил название «строгой (абсолютной) ответственности». В решении вопроса о том, действия каких физических лиц можно признать деянием организации, англо-саксонские правоведы разработали принцип «отождествления». Суть этого принципа состоит в том, что деяние и психическое состояние высших должностных лиц корпорации определяется как деяние и психическое состояние корпорации. В нормативно-

правовых актах, устанавливающих коллективную уголовную ответственность в рассматриваемых странах, нет перечня преступлений, в которых юридическое лицо может быть признано субъектом. Отсутствуют также критерии, позволяющие определить этот перечень. Некоторыми учеными обосновывается возможность привлечения корпораций к уголовной ответственности за совершение деяний, свойственных только физическим лицам (преступления против личности, половые преступления и др.). В этом случае необходимо соблюдение следующих условий: во-первых, деяние должно быть совершено в интересах юридического лица; во-вторых, корпорация в такой ситуации не может быть непосредственным исполнителем и подлежит ответственности как иной соучастник. Законодательством Англии, США и Австралии не предусмотрено специальных видов наказаний для юридических лиц - на корпорации, привлекаемые к уголовной ответственности, распространяется общая система наказаний за некоторыми исключениями. В частности, юридическое лицо не может быть подвергнуто наказанию, носящему личный характер [9].

В результате проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

1. В практике сложилось 3 концепции понимания уголовной ответственности юридических лиц.

А) Полное непринятие уголовной ответственности юридических лиц. По этому пути пошли страны Восточной Европы - Болгария, Венгрия, Польша, Югославия.

Б) Полное признание уголовной ответственности юридического лица. При этом в некоторых странах принцип уголовной ответственности юридического лица не устраняет уголовной ответственности физического лица. Данный принцип закреплен в УК Франции, последователями также стали КНР, Литва, Молдова, Эстония. УК

Исландии и Норвегии предусматривают, что наказания к юридическому лицу могут быть применены даже в том случае, если конкретный виновник (физическое лицо) не установлен или не может быть наказан за преступление.

С) Вместе с тем ряд стран воздерживается от прямого привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, стремится изыскивать иные способы воздействия на них в случаях правонарушающей деятельности. Примером можно назвать Германию, Австрию и т.д.

2. В тех странах, где закон допускает уголовную ответственность юридического лица, принято считать, что вина его воплощается в виновном поведении руководителей или представителей. Ответственность юридических лиц обусловлена наличием двух обстоятельств: 1) преступное деяние должно быть совершено в пользу юридического лица и 2) его руководителем или представителем.

Эта формула в том или ином виде закреплена в большинстве уголовных законодательств, предусматривающих рассматриваемый институт. В европейском праве широко распространена доктрина *altar ego*, согласно которой действия большинства служащих руководящего состава корпорации отождествляются с действиями самой корпорации (Англия, Уэльс, Франция).

Между тем ответственность корпорации и ее руководителей (представителей) не имеет жесткой связи, т.е. юридическое лицо может наказываться независимо от наказания или даже от привлечения к ответственности физического лица. Так, по УК Нидерландов (ч. 2 ст. 51), «если уголовное правонарушение совершается юридическим лицом, то по возбужденному уголовному делу могут быть назначены наказания и приняты меры, насколько это возможно, в соответствии с законом: 1) в отношении юридического лица; или 2) в отношении тех, кто дал задание совершить это

уголовное правонарушение, и тех, кто руководил таким противоправным поведением; или 3) совместно в отношении лиц, упомянутых в пунктах (1) и (2)».

3. Законодательство разных стран неодинаково определяет круг юридических лиц, которые могут быть субъектами уголовной ответственности. По УК Бельгии, Дании, Исландии, Франции этот круг включает не только коммерческие предприятия, но и юридических лиц публичного права, в том числе органы власти и местного самоуправления. Исключение составляет только само государство, которое не может быть субъектом уголовной ответственности.

Уголовная ответственность юридических лиц публичного права нередко носит более ограниченный характер. УК КНР, Литвы, Норвегии предусматривают ответственность только организаций частного права либо вообще только коммерческих организаций.

4. Круг правонарушений, за совершение которых предусматривается уголовная ответственность юридических лиц, достаточно широк, а в некоторых странах вообще не проводится разграничения преступных деяний в зависимости от субъекта преступления (юридического либо физического лица).

5. Как показывает анализ современного уголовного законодательства стран мира, помимо штрафа, к корпорациям наиболее часто применяются следующие санкции:

1) специальная конфискация (Албания, Бельгия, Ирак, США, Франция);

2) ограничение деятельности юридического лица, в том числе запрет заниматься отдельными видами деятельности, закрытие подразделений или филиалов (Албания, Бельгия, Испания, Литва, Молдова, Перу, Франция);

3) временное прекращение деятельности юридического лица (Испания, Перу);

4) ликвидация юридического лица (Бельгия, Литва, Молдова, Перу, Франция);

5) публикация приговора (Бельгия, Франция).

Таким образом, наказания, применяемые к юридическим лицам в странах континентальной Европы, носят в основном имущественный характер (штраф, различные запреты), а также могут воздействовать на репутацию организации (помещение под судебный надзор, публикация приговора и др.).

Опыт установления уголовной ответственности юридических лиц за рубежом, безусловно, является полезным для российской правовой науки. Практика применения уголовной ответственности

юридических лиц во многих развитых странах дает основание утверждать, что уголовная ответственность юридических лиц не только возможна, но иногда даже необходима, особенно по мере развития экономики, что подразумевает сосредоточение все больших капиталов в руках негосударственных образований. На наш взгляд, надлежащая регламентация названного института способна существенно упорядочить деятельность юридических лиц и значительно повысить реальную защищенность их прав и законных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Нидерландов // Режим доступа: <http://law.edu.ru/>
2. Hans Lensing. The Dutch Penal Code from a comparative perspective // The Dutch Penal Code. P. 22.
3. Уголовный кодекс Франции // Режим доступа: <http://law.edu.ru/>
4. Крылова Н. Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. -М., 1996. -С. 53
5. Уголовный кодекс Германии // Режим доступа: <http://law.edu.ru/>
6. Уголовный кодекс Австрии // Режим доступа: <http://law.edu.ru/>
7. Уголовный кодекс Бельгии //Режим доступа: <http://law.edu.ru/>
8. Зарубежное законодательство на русском языке // Режим доступа: <http://www.worldbiz.ru/analytics>
9. Минин Р.В. Институт уголовной ответственности юридических лиц в России: проблемы обусловленности и регламентации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Антикоррупционное образование в системе органов внутренних дел (Организационно-правовые аспекты формирования антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел): сборник материалов международной научно-практической конференции (29 сентября 2010 г., г. Казань) – Казань: КЮИ МВД России, 2010. – 161 с.

В сборнике содержатся материалы международной научно-практической конференции, проведенной в г. Казани 29 сентября 2010 года филиалом ФГУ «ВНИИ МВД России» по Республике Татарстан и Казанским юридическим институтом МВД России совместно с МВД по Республике Татарстан, образовательными учреждениями высшего профессионального образования.

Для практических и научных сотрудников, преподавателей, докторантов, аспирантов, слушателей высших юридических учебных заведений МВД России и других правоохранительных органов.

С.Г. Закиров

кандидат юридических наук,
доцент кафедры КЮИ МВД РФ

ВЫДВИЖЕНИЕ ВЕРСИЙ И ПЛАНИРОВАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЦА, ПОДЛЕЖАЩЕГО ПРИВЛЕЧЕНИЮ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО, ПО ПРИОСТАНОВЛЕННЫМ УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ГРАБЕЖАХ И РАЗБОЯХ

В данной статье акцентируется внимание на процессе выдвижения следственных версий, определены требования, предъявляемые к выдвижению версий с учетом криминалистической характеристики грабежей и разбоев. Рассматриваются вопросы процесса планирования по приостановленным уголовным делам с целью проверки выдвинутых следственных версий.

Мыслительный процесс выдвижения следственных версий и их проверка состоят, как отмечается в литературе, из трёх основных этапов: «... первый этап – сбор фактического материала, его логический анализ и оценка. Второй этап – выведение и формулировка собственно следственных версий, включая выведение и формулировку предположений, составляющих основу этих следственных версий. Третий этап – выведение следствий, которые должны существовать в случае истинности отдельных следственных версий, и проверка существования этих следствий» [1].

При выдвижении и анализе версии мыслительная деятельность охватывает совокупность установленных по делу фактов, их оценку и предполагаемую причину происшедшего. Версии по приостановленным уголовным делам о грабежах и разбоях могут строиться лишь на данных, которые установлены следователем в результате изучения, анализа и оценки имеющегося доказательственного материала по делу. Обязательным условием построения версии по делам данной категории является её соответствие научным данным и отсутствие в ней логических противоречий. Прежде всего, должны выдвигаться наиболее вероятные версии, что отвечает потребностям и возможностям практики, поскольку ориентирует следователя и органы дознания на наиболее оптимальный путь установления лиц, совершивших преступное посягательство.

Анализ планов расследования приостановленных уголовных дел, анализ выдвинутых версий показал, что многие следователи выдвигают самые общие версии, которые носят расплывчатый характер типа «преступление могли совершить ранее судимые лица», или «нападение могли совершить лица, проживающие в данном микрорайоне» и т.д. Знание особенностей криминалистической характеристики грабежей и разбоев, с учетом результатов проведенного расследования по делу до его приостановления, позволяет сузить круг версий по делу, оставив наиболее реальные объяснения исследуемого события, согласующиеся с конкретной следственной ситуацией, особенностями оперативной обстановки данного района, города и т.д.

Следственная версия должна быть реально проверяемой, конкретной, так как служит объяснению конкретного события или отдельных его сторон.

Версия, как средство познания истины в уголовном судопроизводстве, выражает предварительную оценку собранных материалов и тем самым показывает, какие соответствующие ей последствия необходимо установить, указывает направление дальнейшего расследования [2].

Построение следственных версий неразрывно связано с планированием расследования, проверка версий находит своё отражение в плане расследования по делу.

Планирование расследования по приостановленному уголовному делу представляет собой сложную умственную работу следователя, поскольку, составляя план, он должен предвосхищать совокупность вопросов, подлежащих разрешению, и весь перечень обстоятельств, которые необходимо установить в процессе расследования, с целью установления лица, совершившего грабёж или разбойное нападение.

Изучение приостановленных уголовных дел показало, что планы расследования по несложным нераскрытым делам практически не составляются (46%), а если они имеются, то составлены формально и не выполняются (32%). Об этом свидетельствуют такие факты, как нарушение сроков исполнения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, неопределённость конкретного исполнителя; планы не согласуются с органами дознания, не утверждаются у руководства заинтересованных подразделений; отдельные мероприятия плана расследования не выполнены. Лишь по 16% приостановленных дел были составлены реальные и согласованные планы расследования. Дополнительные или новые согласованные планы расследования по приостановленным «старым» уголовным делам составлялись менее чем по 6% дел, в основном, по преступлениям с тяжкими последствиями или в случаях причинения крупного или особо крупного ущерба потерпевшим.

В специальной литературе нет единого подхода по поводу согласования планирования, о содержании планирования и т.п.

Отметим, что план расследования не является процессуальным документом и его форма произвольна. Форма планирования расследования по приостановленному уголовному делу избирается следователем и зависит от опыта его работы, способностей и наклонностей. План не должен сковывать инициативу и тормозить расследование. Наиболее распространены такие формы

планирования, как составление письменных планов, которые также могут различаться в зависимости от объёма планируемых мероприятий, от состава следственно-оперативной группы и других обстоятельств.

Планирование организации работы по приостановленному уголовному делу производится на основе общих принципов планирования предварительного следствия. Такими принципами планирования являются:

– конкретность, то есть планирование проверки всех следственных версий, указание сроков и исполнителей намеченных мероприятий;

– индивидуальность, наиболее полное соответствие планирования особенностям и условиям конкретного уголовного дела;

– динамичность (непрерывность), что означает постоянное изменение и дополнение плана, по мере обнаружения новых доказательственных фактов;

– реальность планирования, т.е. учет реальных возможностей органов следствия в использовании всех предусмотренных законом средств достижения истины, построение реальных версий и определение реальных путей их проверки [3]. По мнению Л.А. Сергеева, «требование реальности относится и к срокам расследования, выполнения отдельных действий, а также к оценке ожидаемых результатов этих действий» [4].

Планирование работы по приостановленному уголовному делу о грабежах и разбоях производится также с учетом тактических приемов планирования расследования. Учитывая особенности организации работы по «старым» делам, их следует подразделять на три группы: 1. Версии, выдвигавшиеся и проверявшиеся ранее, но по тем или иным причинам до конца не проверенные. 2. Новые версии, не выдвигавшиеся ранее, но вытекающие из имевшихся материалов дела. 3. Версии, основанные на фактических данных, полученных после приостановления дела.

На основе анализа следственной ситуации разрабатывается единый,

согласованный план раскрытия и расследования приостановленного уголовного дела, в котором объединены планы следственных действий, составленные следователем, планы оперативно-розыскной работы, подготовленные работником органа дознания, с учетом всех особенностей совершённого преступления, производится планирование мероприятий по раскрытию преступления без возобновления следствия.

В согласованном плане расследования следователь и оперативные работники фиксируют: следственные версии, подлежащие проверке; тактические приёмы, направленные на установление грабителей; пути и методы использования имеющихся оперативных данных; формы и последовательность проведения следственных действий в случае возобновления следствия по делу; меры, направленные на выявление признаков преступной группы, организатора, особенностей ее функционирования, если в материалах дела имеется о том информация.

Напомним, что наличие совместного плана не освобождает оперативного работника от составления своего плана проведения оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию преступления, в котором, на наш взгляд, должно быть предусмотрено не только проведение конкретных оперативно-розыскных мероприятий, но и проверка версий оперативным путем, выявление и устранение случаев противодействия раскрытию нападения.

Совместное планирование мероприятий по раскрытию приостановленного уголовного дела должно осуществляться по нескольким направлениям:

- а) от личности потерпевшего – к преступнику;
- б) от способа совершения грабежа или разбоя – к преступнику;
- в) от особенностей предмета посягательства – к преступнику;
- г) от особенностей оставляемых следов на месте происшествия – к преступнику и т.д.

Планирование расследования по приостановленному делу должно осуществляться с учетом той типичной следственной ситуации, которая сложилась на момент изучения и анализа материалов дела.

В этом смысле предложенные нами типичные следственные ситуации, которые складываются по приостановленным делам о грабежах и разбоях, приобретают важное научно-методическое значение и могут использоваться для разработки методик расследования данной группы преступлений. Типичная исходная ситуация при расследовании конкретного нераскрытого грабежа или разбоя ориентирует следователя на выдвижение определенных частных версий и облегчает определение направления организации работы по раскрытию приостановленного дела и проведению оперативно-розыскных мероприятий. Тем самым типичная следственная ситуация выполняет тактическую и организационно-методическую функции.

Рассмотрим наиболее общие, типичные следственные версии, которые должны быть выдвинуты и проверены при расследовании нераскрытых грабежей и разбоев, при определенных типичных следственных ситуациях.

Рекомендовать исчерпывающий перечень таких версий невозможно, их круг зависит от конкретных обстоятельств дела.

1. Ситуации, когда лицо, подозреваемое в совершении грабежа или разбоя, не задержано, но в материалах уголовного дела имеется информация, позволяющая организовать его розыск и задержание.

При этом выдвигаются следующие примерные типовые версии:

- а) преступление совершено лицами из числа случайных знакомых потерпевшего или по их наводке;
- б) преступление совершено лицами из числа ранее судимых, проживающих в районе совершения преступления, склонных к совершению грабежей и разбоев;

в) преступление совершено лицами, о которых имеются разрозненные и предположительные оперативные данные;

г) преступление совершено по наводке;

д) преступление совершено лицами, специализирующимися на совершении подобных преступлений в виде промысла;

е) преступление совершено лицами, находящимися на спецучете в связи с совершенными ранее грабежом или разбоем, или организацией таких групп, совершивших аналогичные по способу грабежи или разбои.

Оптимальной представляется параллельная проверка всех выдвинутых версий. Путем проведения следственных (если следствие по делу возобновлено) и оперативно-розыскных мероприятий (особенно негласного характера) собирается дополнительная информация на всех лиц, «охватываемых» фактическими рамками построения следственных версий:

- проведение негласной оперативной работы среди лиц, склонных к совершению грабежей, разбоев и в других прилегающих к ним преступных сферах;

- изучение материалов уголовных дел об аналогичных преступлениях, приостановленных другими следователями, либо рассмотренных судами, как архивных, так и возбужденных в соседних районах, регионах. При этом изучению подлежат не только дела о грабежах и разбоях, но и другие, совершенные сходным способом нападения. После установления однородных раскрытых преступлений тщательно проверяется причастность обвиняемых к совершению нераскрытого преступления. Использование возможностей расследования по другим делам (например, возможностей обыска, разведдопроса по обстоятельствам, относящимся к нераскрытому преступлению, проверка по материалам информационных центров, где могут быть получены новые данные о нераскрытом преступлении);

- по приостановленным уголовным делам иногда встречаются известные многочисленные совпадения признаков способов совершения преступлений,

личностей преступников, следовых «картин». Подобная состыковка данных о подозреваемых (заподозренных) нередко позволяет выдвинуть версии о причастности уже конкретных лиц к совершению грабежа и разбоя;

- в плане должны быть предусмотрены мероприятия по регулярному обращению к данным криминалистических учетов, в том числе различных автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС);

- повторные допросы потерпевших, в отдельных случаях допросы их родственников, знакомых и т.д., при необходимости установление наружного наблюдения и оперативной разработки потерпевшего. Если уголовное дело не возобновлено, необходимо в план включить беседу с потерпевшим и свидетелями для выяснения, не располагают ли они новой информацией о преступлении и преступнике, при получении ценной информации уголовное дело необходимо возобновить и произвести допрос. По отдельным уголовным делам особое внимание следует уделять изучению образа жизни потерпевшего по месту жительства и по месту работы. Необходимо собирать сведения о его материальной обеспеченности, наличии связей с криминальной средой, поведении после совершения преступления и т.д., с учетом современных изменений в криминальной среде, ее сращивания с легальным и нелегальным бизнесом, возникшими «разборками» из-за получаемой при этом прибыли, невыполнении сторонами тех или иных обязательств друг перед другом, поскольку иногда средствами разрешения конфликтов становится использование криминальных элементов для принудительного изъятия денежных средств или иных ценностей путем грабежа или разбойного нападения на жилище потерпевшего. Отработка такой версии как раз и включает в себя изучение характера профессиональной деятельности самого потерпевшего;

- при наличии в семье потерпевшего несовершеннолетних

необходимо запланировать проверку образа их жизни, а также связей с криминальной средой;

– наметить мероприятия по проверке причастности конкретных лиц к расследуемому преступлению, установлению таких лиц, розыску похищенного, орудий преступления, проверке показаний отдельных свидетелей оперативным путем, установлению местонахождения выбывших свидетелей и решению других задач;

– выявление дополнительных свидетелей следственным и оперативным путем, допросы выявленных свидетелей;

– уведомление о нераскрытых преступлениях оперативных частей исправительных учреждений, где отбывают наказание лица, совершившие преступление в данном населенном пункте;

– сообщение ориентирующих сведений о приметах преступника и похищенных вещах более широкому кругу следственных и оперативных работников органов дознания;

– задержание подозреваемого, личный обыск, допрос подозреваемого;

– проведение обысков по месту жительства и работы подозреваемого, при наличии оснований также у родственников и знакомых;

– предъявление подозреваемых на опознание, проведение очных ставок, проведение судебных экспертиз;

– установление и проверка связей подозреваемого, его оперативная разработка.

2. Ситуации, когда сведения о лице, совершившем грабеж или разбой, в материалах уголовного дела отсутствуют.

В данном случае, на наш взгляд, должны быть выдвинуты и проверены следующие типовые версии:

а) преступление совершено «гастролерами»;

б) преступление совершено лицами, ранее не судимыми, но состоящими на специальном учёте в органах МВД за аналогичные преступления, или лицами, на которых есть определённые оперативные

данные, или проживающими в районе совершения преступления;

в) преступление совершено лицами, ранее судимыми за совершение аналогичных преступлений.

В данной следственной ситуации, в условиях острой нехватки информации для проверки перечисленных версий, возникает необходимость планирования в ещё более широком применении оперативно-розыскных мероприятий. Характерной чертой данной ситуации является отсутствие информации от потерпевшего о личности преступника. Поэтому в данной ситуации важнейшей задачей является весьма «деликатная» оперативная разработка самих потерпевших, поскольку причины их негативной позиции могут быть самые разнообразные (угрозы, шантаж, собственное неправомерное поведение, или обстоятельства совершения нападения не позволили ему воспринять случившееся и т.д.).

Для отработки указанных выше версий в плане расследования необходимо предусмотреть проведение следующих мероприятий:

– предъявление потерпевшему, вновь выявленным свидетелям по делу фотографий из фототек лиц, ранее судимых за аналогичные преступления, фотографий лиц, в отношении которых имеются сведения оперативного характера о том, что они склонны совершить грабежи или разбой;

– составить субъективный композиционный портрет лица, совершившего нападение, с привлечением специалиста и разослать его в другие органы;

– кроме того, должно быть запланировано проведение следственных и оперативно-розыскных мероприятий, указанных выше, которые возможно осуществить при отсутствии подозреваемого;

– изучение и анализ нераскрытых преступлений и уголовных дел, где установлены лица, совершившие аналогичные преступления;

– повторное направление заданий, поручений, ориентировок органам МВД других регионов.

3. Ситуации, когда имеется личность подозреваемого в грабеже или разбое, однако нет доказательств для предъявления ему обвинения.

В данном случае следователем, проводившим расследование до приостановления дела, проверялась версия о причастности к преступлению определённого лица, но подозрения в отношении его не подтвердились или не удалось собрать достаточного количества доказательств, подтверждающих его вину.

Если в материалах уголовного дела есть основания подозревать конкретное лицо в совершении преступления, то в новом плане расследования необходимо предусмотреть мероприятия по проверке глубины и полноты данной версии и предусмотреть направления работы по сбору дополнительных доказательств в отношении этого лица.

Одновременно с этим должны выдвигаться все другие возможные версии о лицах, причастных к расследуемому преступлению, и планироваться мероприятия по их проверке.

Подведем итоги сказанному:

1. Планирование расследования по приостановленному уголовному делу – процесс непрерывный, по мере сбора доказательственной и оперативной информации план должен уточняться, дополняться, конкретизироваться.

2. Весь процесс планирования работы следователя по приостановленному уголовному делу условно можно подразделить на два больших этапа.

Первый этап планирования охватывает организацию деятельности следователя, направленной на устранение очевидных упущений, неполноты и ошибок расследования, проводившегося до приостановления уголовного дела. Практика показывает, что в ряде случаев устранение выявленных ошибок при дальнейшем расследовании приводит к раскрытию преступления. Кроме того, данный этап охватывает деятельность следователя и

органов дознания, направленную на выявление лиц, подозреваемых в совершении преступления, сбор доказательств причастности их к совершенному преступлению. Данный этап заканчивается задержанием подозреваемых.

Второй этап планирования должен быть направлен на проверку доказательств, объективно подтверждающих или опровергающих участие этих лиц в совершении расследуемого грабежа или разбойного нападения. Он начинается после задержания подозреваемых и заканчивается завершением расследования по делу.

3. Наряду с планированием расследования грабежа или разбоя в целом рекомендуется по возобновлённым уголовным делам планировать производство каждого отдельного следственного действия.

Планирование отдельных следственных действий является процессом мыслительной работы следователя, которая начинается с подготовки следственного действия и заканчивается фиксацией его результатов. Этот вид планирования, являясь продолжением общего плана, отражает деятельность следователя, производящего расследование, по дальнейшему развитию отдельных частей общего планирования, т.е. правильно организованному производству следственных действий.

4. Содержание планирования следственных действий включает в себя вопросы, относящиеся к цели следственного действия, его подготовке, определению времени и места производства следственного действия, составу участников, необходимых для его проведения, и научно-технических средств.

Помимо этого, в плане может быть заложено применение тактических приемов, которые могут обеспечить успех следственного действия. В данном случае имеется в виду: расстановка участников следственного действия, распределение между ними обязанностей, контроль за исполнением, сочетание оперативно-розыскных мероприятий со следственными действиями.

5. Планирование расследования по приостановленному уголовному делу о грабежах и разбоях – это сложный мыслительный процесс, который состоит в определении задач и направления расследования, способов и средств их решения в рамках закона. Оно не является методом расследования, как это трактуется в некоторых случаях, оно является предпосылкой, условием достижения поставленной цели – раскрытия преступления. В данном случае о планировании следует говорить как о

методе не расследования, а организации расследования.

6. Планирование расследования по приостановленным уголовным делам о грабежах и разбоях заслуживает самостоятельного, фундаментального исследования. Время, потраченное на планирование, всегда работает на следователя, умелое планирование сшивает отдельные следственные действия в единое изделие следственного творчества – уголовное дело

ЛИТЕРАТУРА

1. Пещак Я.Н. Следственные версии. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Прогресс, 2008. - С. 75.
2. Там же. - С. 49.
3. Дубровицкая Л.П., Лузгин И.М. Планирование расследования. - М., 1972. - С. 9.
4. Сергеев Л.А., Соя-Серко Л.А., Якубович Н.А. Планирование расследования. - М., 2006. - С. 12.

А.А. Хайдаров
преподаватель КЮИ МВД России

СУДЕЙСКОЕ (СУДЕБНОЕ) УСМОТРЕНИЕ И ЕГО ПРЕДЕЛЫ В СТАДИИ НАДЗОРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В статье исследуются пределы судейского (судебного) усмотрения, установленные ст.405, 408 и 410 УПК, а также разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. №1 “О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции”.

Производство в суде надзорной инстанции большинством авторов [1] признается как эффективное средство защиты прав и законных интересов граждан. В этой стадии уголовного процесса участие сторон ограничено как в заседании суда надзорной инстанции, так и на этапе предварительного изучения надзорной жалобы.

Ревизионное начало надзорного производства по УПК 2001 г. сохранено. В соответствии с ч. 1 ст. 410 УПК при рассмотрении уголовного дела в порядке надзора суд не связан доводами надзорных жалобы или представления и вправе проверить все производство по уголовному делу в полном объеме. Если по уголовному делу осуждено несколько лиц, а надзорная жалоба или представление принесены только одним из них или в отношении некоторых из них, то суд надзорной инстанции вправе проверить уголовное дело в отношении всех осужденных.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. №1 указывается, что суд надзорной инстанции имеет право проверить все производство по уголовному делу и в отношении всех осужденных, обязан устранить все выявленные в судебном заседании нарушения материального и процессуального закона, если их устранение влечет улучшение положения осужденного (осужденных). Иное

противоречило бы положениям статьи 6 УПК РФ [2].

В литературе, вместе с тем, высказано суждение, что публично-ревизионное начало надзорного производства вступает в противоречие с состязательным строем процесса [3]. Поэтому в настоящее время в Государственной Думе изучаются возможности реформирования надзорного производства [4].

По УПК 2001 г. суд надзорной инстанции по своему усмотрению не вправе принимать решения, ухудшающие положение осужденного.

В литературе обращается внимание на то, что суды надзорной инстанции сознательно оставляют неустраненными ошибки до подачи жалобы соответствующими субъектами, чем перекрывается доступ к правосудию заинтересованных лиц. Н.А. Колоколов пишет, что в этом случае судьи руководствуются принципом диспозитивности при рассмотрении дел в надзорном порядке [5]. По нашему мнению, следует говорить не о диспозитивности, а о судебном усмотрении, которое допускается не по вопросу выбора решения пересматривать данное дело или нет, а в возможности пересмотра решения при наличии нарушений в деле. Судейское усмотрение, пишет М. Толчеев, это не диспозитивность в распоряжении своими правами. Диспозитивность в распоряжении своими правами - явление совершенно иного

плана, нежели судебное усмотрение [6]. Судья обязан принять целесообразное и справедливое решение с учетом задач уголовного судопроизводства. А.В.Смирнов, К.Б. Калиновский указывают на обязанность суда надзорной инстанции при установлении нарушений уголовно-процессуального закона отменить приговор во всех без исключения случаях [7]. Суд надзорной инстанции обязан исправлять ошибки, руководствуясь ревизионными началами, закрепленными в ст.410 УПК РФ.

Сохранение ревизионного начала в надзорном производстве, пишет М.Т. Аширбекова, необходимо для обеспечения прав и интересов лиц, которых касается приговор [8]. Суд надзорной инстанции не имеет права устанавливать или считать доказанными факты, которые не были установлены в приговоре или были отвергнуты им, а также предрешать вопросы о доказанности или недоказанности обвинения, достоверности или недостоверности того или иного доказательства и преимуществах одних доказательств перед другими.

Таким образом, ревизионные начала в надзорном производстве сохранены, а процессуальные средства для их осуществления суду не предоставлены. Суд надзорной инстанции может разрешить надзорную жалобу или представление, и не изучая уголовное дело, поскольку ч.2 ст.406 УПК позволяет ему истребовать уголовное дело для изучения и проверки лишь в необходимых случаях. Вопрос об истребовании уголовного дела принимается судьей, рассматривающим надзорную жалобу или представление, по своему усмотрению. По нашему мнению, положения ч.2 ст.406 УПК противоречат ст.410 УПК.

В связи с этим представляется актуальным вопросом о том, возможно ли изменить приговор (постановление, определение) или отменить приговор с прекращением производства по уголовному делу на основании дополнительных материалов? Вправе ли суд надзорной инстанции пересмотреть вступившие в законную силу приговор и

последующие судебные решения только по имеющимся в деле и рассмотренными этим судом материалами? Какую роль в данном случае может играть усмотрение суда надзорной инстанции?

К надзорным жалобе или представлению, согласно п.3 ч.2 ст. 413 УПК, в необходимых случаях могут прилагаться копии процессуальных документов, подтверждающих, по мнению заявителя, доводы, изложенные в надзорных жалобе или представлении. О каких именно процессуальных документах идет речь, в законе не определяется. По нашему мнению, данный вопрос УПК оставляет на усмотрение суда надзорной инстанции. В п.21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. "О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции" разъясняется, что при рассмотрении уголовного дела в порядке надзора могут быть использованы не только надлежаще заверенные копии процессуальных документов, но и иные материалы, поступившие с жалобой или представлением либо представленные сторонами, если они подтверждают доводы, изложенные в надзорных жалобе или представлении, и не свидетельствуют о наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Дополнительные материалы подлежат оценке в совокупности с имеющимися в уголовном деле доказательствами и наряду с ними могут быть положены в основу решения только об отмене приговора, определения и постановления суда с возвращением уголовного дела прокурору либо передачей уголовного дела на новое судебное рассмотрение в суд первой или второй инстанции.

Изменение приговора и последующих судебных решений или их отмена с прекращением производства по уголовному делу на основании дополнительных материалов, приобщенных к жалобе или представлению, не допускается, за исключением случаев, когда

достоверность фактов, устанавливаемых такими материалами, не нуждается в проверке судом первой инстанции (документы, свидетельствующие о недостижении осужденным возраста, с которого наступает уголовная ответственность, об отсутствии судимости, о применении акта об амнистии по предыдущему приговору и др.) [9].

Отметим, что дополнительные материалы могут прилагаться к надзорной жалобе либо к представлению соответствующим участником процесса. Суд по своему усмотрению не вправе истребовать дополнительные материалы.

Суд надзорной инстанции в ревизионном порядке обязан исправлять ошибки, допущенные на предыдущих стадиях уголовного процесса. Напомним, что в утратившем силу постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 5 апреля 1985 г. №2 «О применении судами законодательства, регламентирующего пересмотр в порядке надзора приговоров, определений, постановлений по уголовным делам», было сказано, что суд надзорной инстанции вправе истребовать дополнительные материалы по инициативе суда, если они относятся к обстоятельствам, которые были предметом исследования в суде и не свидетельствуют о наличии вновь открывшихся обстоятельств [10]. По нашему мнению, целесообразно наделять суд надзорной инстанции правом истребовать дополнительные материалы, а расширение усмотрения суда по данному вопросу не будет противоречить принципам уголовного процесса, в частности, принципу состязательности сторон. Инициатива суда надзорной инстанции по истребованию дополнительных материалов, прежде всего, будет направлена на реализацию положений ст. 410 УПК РФ. Однако в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. по этому вопросу отражена иная процессуальная позиция: суд надзорной инстанции не вправе по своему усмотрению принимать меры, ухудшающие положение осужденного.

Приведем пример в пользу обоснования целесообразности введения в УПК РФ подобной нормы. Суду надзорной инстанции стало известно о недостижении одним из осужденных возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или об отсутствии предыдущей судимости, а надзорная жалоба либо представление были поданы в отношении другого осужденного. В данном случае суд обязан проверить уголовное дело в ревизионном порядке, однако изменить приговор или отменить его с прекращением производства по уголовному делу на основании дополнительных материалов он не может, поскольку сторонами материалы, подтверждающие указанные факты, представлены не были, а самостоятельно истребовать дополнительные материалы суд по действующему закону не может.

В таком случае вряд ли приговор и последующие судебные решения целесообразно отменять и направлять уголовное дело в суд первой инстанции для проверки представленного дополнительного документа. Поэтому суд, как указывается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. №1, вправе по своему усмотрению изменить приговор или отменить его с прекращением производства по уголовному делу на основании дополнительных материалов, приобщенных к жалобе или представлению, когда достоверность фактов, устанавливаемых такими материалами, не нуждается в проверке судом первой инстанции [11].

В этой связи целесообразно дополнить ст. 406 УПК п.2.1 в следующей редакции: *В необходимых случаях судья, рассматривающий надзорную жалобу или представление, по своей инициативе вправе истребовать дополнительные материалы, если они относятся к обстоятельствам, которые не были предметом исследования в суде.*

С вопросом о ревизионных началах производства в суде надзорной инстанции тесно связано правило ст. 405 УПК о недопустимости поворота к худшему при

пересмотре судебного решения. До внесения изменений в ст. 405 УПК в 2009 году пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора либо определения или постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении, ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, не допускался. Пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела также не допускается. На практике сложилась такая ситуация, когда потерпевший, его представитель, а также прокурор формально имели возможность обратиться в суд надзорной инстанции с ходатайством о пересмотре вступившего в законную силу судебного постановления по основаниям, ухудшающим положение осужденного (оправданного), но предвидели, что их жалобу или представление суд надзорной инстанции не удовлетворит. Поэтому постановлением Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. №5-П данная норма была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации [12]. По мнению Конституционного Суда РФ, ст. 405 УПК Российской Федерации, не позволяет устранить допущенные в предшествующем разбирательстве существенные нарушения, ведущие к неправильному разрешению дела, т.е. такие нарушения, которые подпадают под критерий, предусмотренный п. 2 ст. 4 Протокола N 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (в редакции Протокола N 11). Согласно п.2 ч.4 Протокола №7 указанной Конвенции разрешается повторное рассмотрение дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальным нормами соответствующего государства, если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела.

По смыслу постановления Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 года N 5-П исключения из общего правила

о запрете поворота к худшему возможны лишь в качестве крайней меры, когда допущенные в предшествующем разбирательстве существенные (фундаментальные) нарушения повлияли на исход дела и неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, разрушая необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших [13].

Укажем на следующий случай, когда судом надзорной инстанции нарушения закона не были признаны существенными.

Ф. при неустановленных обстоятельствах приобрела наркотическое средство массой 1,11 грамма, содержащее, согласно выводам судебно-химической экспертизы, в своем составе ацетилкодеин массой 0,0255 грамма, б-моноацетилморфин массой 0,0337 грамма, диацетилморфин (героин) массой 0,1770 грамма, которое хранила при себе до изъятия, то есть до 21 апреля 2006 года.

Судом первой инстанции Ф. осуждена по ч. 1 ст. 228 УК РФ.

Кассационным определением приговор отменен и производство по уголовному делу в отношении Ф. прекращено.

Президиум Верховного Суда Республики Татарстан оставил без удовлетворения надзорное представление прокурора Республики Татарстан, указав в постановлении, что в порядке надзора поворот к худшему при пересмотре судебных решений в силу ст. 405 УПК РФ недопустим, за исключением случаев, когда в предшествующем судебном разбирательстве были допущены существенные (фундаментальные) нарушения, повлиявшие на исход дела. Таких нарушений при рассмотрении данного дела допущено не было.

Заместитель Генерального прокурора РФ в надзорном представлении просил кассационное определение и постановление президиума Верховного Суда Республики Татарстан в отношении Ф. отменить.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ надзорное

представление оставила без удовлетворения по следующим основаниям.

Судебная коллегия считает, что ссылка в надзорном представлении на ошибку в деле Ф., допущенную судом кассационной инстанции и выразившуюся в неправильном расчете размера наркотического средства в его смеси с учетом нейтральных наполнителей, не является существенной (фундаментальной).

Таким образом, кассационное определение и постановление президиума в отношении Ф. отмене не подлежат [14].

В постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 609-П05ПР по делу Смирнова и др. указывается, что поворот к худшему при пересмотре вступившего в законную силу приговора, как правило, не допускается. Исключения из этого правила допустимы лишь в качестве крайней меры [15].

Суд надзорной инстанции вправе по своему усмотрению принять решение, ухудшающее положение осужденного, оправданного или лица, дело в отношении которого прекращено, лишь по основанию, которое указано в жалобе или представлении потерпевшего или прокурора, при условии, что это основание отвечает критериям фундаментального (существенного) нарушения. Однако что относить к фундаментальным нарушениям, не было ясно. Перечень таких нарушений в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствовал. Пределы усмотрения не были указаны ни в законе, ни в решениях Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ.

Потребовалось четыре года, чтобы уголовно-процессуальный закон привести в соответствие с указанным выше постановлением Конституционного Суда РФ. Федеральным законом от 14 марта 2009 года № 39 “О внесении изменений в ст. 404 и 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации” рассматриваемое положение было исправлено.

Как сказано в ч.3 ст.405 УПК, к фундаментальным нарушениям относятся нарушения уголовно-процессуального закона, которые повлекли за собой постановление приговора незаконным составом суда или вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей, а равно которые лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления прав, гарантированных настоящим Кодексом, на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно ограничили эти права, если такие лишения или ограничения повлияли на законность приговора, определения или постановления суда.

По нашему мнению, перечень фундаментальных нарушений в указанной части статьи 405 УПК является открытым, поскольку любое значимое нарушение уголовно-процессуального закона так или иначе может существенно ограничить права участников процесса и повлиять на законность принятого судом решения.

Таким образом, в УПК использовано оценочное понятие «фундаментальных нарушений», а определение фундаментальности нарушений уголовно-процессуального закона передано на усмотрение суда.

В.М. Быков справедливо отмечает, что если нарушения, которые относятся к постановлению приговора незаконным составом суда или вынесению вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей носят объективный и очевидный характер, то нарушения, которые лишили или ограничили права участников уголовного судопроизводства допускают судебное усмотрение [16]. По его мнению, суд должен будет определять, в какой степени, существенно или несущественно, были ограничены права участников уголовного судопроизводства и повлияли ли эти ограничения на законность приговора [17]. По мнению М.Т. Аширбековой, определение фундаментальности нарушений должно быть “эластичным”, чему, собственно, и служит общий, а потому не четкий

критерий определения фундаментальности нарушений – искажения ими сути правосудия и смысла приговора [18].

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 года N 5-П говорилось о существенных (фундаментальных) нарушениях. Как уже о том было сказано, в ст. 342 УПК РСФСР в качестве основания к отмене и изменению приговора указывалось на существенные нарушения уголовно-процессуального закона. Статья 345 УПК 1960 г. именовалась «Существенное нарушение уголовно-процессуального закона», в ней раскрывалось данное понятие. УПК 2001 г. понятие существенных нарушений уголовно-процессуального закона не использует.

Применительно к кассационному производству в ст. 381 УПК говорится о нарушениях уголовно-процессуального закона. В частях 2 и 3 ст. 405 УПК используется новый термин «фундаментальные нарушения уголовно-процессуального закона». В УПК, видимо, подчеркивается особое место стадии надзорного производства в отечественном уголовном процессе и то, что только «серьезные», «глубокие» нарушения могут явиться основаниями для отмены или изменения решения на данной стадии. Однако, по мнению В.М. Быкова, это может породить ненужные дискуссии, а в судебной практике – неправильное толкование нового уголовно-процессуального закона [19]. При определении фундаментальности нарушений уголовно-процессуального закона судье приходится исходить из нечетких положений ст.405 УПК, руководствуясь при этом этимологическим содержанием слова «фундаментальный» [20].

Неясность термина “фундаментальные нарушения” может привести к тому, что судьи не будут знать, в каких случаях необходимо применять уголовно-процессуальный закон. Анализ судебной практики показывает, что подобная ситуация уже имеет место в настоящее время.

П.А. Лупинская полагает, что признаки существенных нарушений применительно

к надзорному производству выражены в ч.1 ст.381 УПК, а нарушения, которые, безусловно, существенны, названы в ч.2 ст.381 УПК.[21] По мнению Быкова В.М., эти существенные нарушения следует перечислить в ч.3 ст.405 УПК РФ [22]. Но в любом случае этот вопрос должен решаться судьей по своему усмотрению.

Положительную роль в этом могут сыграть разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и его Президиума, которые должны определить конкретные пределы усмотрения суда в таких случаях.

Поскольку в УПК 2001 г. понятие фундаментальных нарушений уголовно-процессуального закона не используется (кроме частей 2 и 3 ст.405 УПК), поэтому с учетом традиционного подхода их, по нашему мнению, целесообразно назвать в ст. 405 УПК существенными нарушениями уголовно-процессуального закона.

Одной из особенностей надзорного производства является сохранение публичного порядка, выражаемого через дискреционные решения должностных лиц, от которых зависит начало производства в порядке надзора [23]. Поводом к началу надзорного производства являются надзорные жалобы сторон и представление прокурора. Процессуальным основанием выступает решение судьи надзорной инстанции, т.е. постановление о возбуждении надзорного производства и передаче надзорной жалобы или представления на рассмотрение суда надзорной инстанции вместе с уголовным делом, если оно было истребовано [24]. В 2005 году надзорные производства были возбуждены лишь по 13 % от 145,3 тыс. рассмотренных жалоб и представлений, поданных на решения судей федеральных районных судов; в 2006 г. – 16% от 157,2 тыс.; в первом полугодии 2007 г. – 20,2 % от 91,3 тыс.; в первом полугодии 2008 г. – 14,7 % от 82,9 тыс. жалоб и представлений [25]. Приведенные данные говорят о том, что в каждом конкретном случае судья надзорной инстанции по своему усмотрению разрешил вопрос, по каким жалобам и представлениям есть необходимость истребования уголовного

дела и возбуждения надзорного производства, а по каким нет.

Таким образом, на пределы судейского (судебного) усмотрения в суде надзорной инстанции указывается в ст.ст. 405 и 410 УПК, а также в разъяснениях Пленума

Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. №1 “О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции”.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. Давыдов В.А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам: производство в надзорной инстанции: науч.-практ. пособие.- М.: Волтерс Клувер, 2006.-С.3-5; Резник Г.М. От неоинквизиционного процесса к состязательному // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ): материалы международной научно-практ.конф. - М., 2007.- С.99; Мизулина Е.Б. К пятилетию Уголовно-процессуального кодекса РФ // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ): материалы международной научно-практ.конф.- М., 2007. - С. 12.
2. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2007.- №4. - С.2-6.
3. Уголовный процесс. Судебное производство / под ред. д.ю.н., проф. В.Т. Томина и д.ю.н. М.П. Полякова.- М.: ЦОКР МВД России, 2007. - С.238.
4. Российская газета. - 2009. - 13 окт. №193 (5017). - С. 13.
5. Колоколов Н.А. Пересмотр судебных решений в порядке надзора // Уголовный процесс. - 2006. - №2.- С.36.
6. Толчеев М. Судейское усмотрение // Эж-Юрист. - 2004. - №26. - С.5-6.
7. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А.В. Смирнова. - 4-е издание, дополненное и переработанное// СПС “Гарант”.
8. Аширбекова М.Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: дисс. ...докт. наук. - Волгоград, 2009. - С.365.
9. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2007. - №4.- С.6.
10. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. - Издание второе, переработанное и дополненное.- М.: ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2000. - С. 437.
11. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2007. - №4. - С.6.
12. По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива “Содействие”, общества с ограниченной ответственностью “Карелия” и ряда граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 года N 5-П // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2005. - № 22. - Ст. 2194.
13. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2005. - № 22. - Ст. 2194.
14. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за 2 квартал 2007 г. (утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 1 августа 2007 г.) // URL: <http://www.supcourt.ru> (дата обращения: 24.09.2009).
15. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации №609-П05ПР по делу Смирнова и др. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации.- 2006. - №9. -С.10.
16. Быков В.М. Новые законы о производстве в надзорной инстанции. 2010// СПС “Консультант Плюс”.
17. Там же.
18. Аширбекова М.Т. Указ.раб. - С. 373.
19. Быков В.М. Новые законы о производстве в надзорной инстанции. 2010// СПС “Консультант Плюс”.
20. Большой и прочный, основательный, глубокий, основной, главный (Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Рус. яз., 1985.-С. 746).
21. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. - М.: Юрист, 2006. - С.128.

22. Быков В.М. Указ.соч.
23. Аширбекова М.Т. Указ.соч.- С.356.
24. Там же.
25. Там же.

Р.Д. Низамов

кандидат философских наук,
преподаватель КЮИ МВД России

ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С ДОКУМЕНТИРОВАНИЕМ НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ КРЕДИТА

В статье отражены вопросы, связанные с организационно-поисковой работой, организацией и тактикой получения негласной информации по раскрытию противоправных действий, связанных с незаконным получением кредита.

Наиболее криминогенным элементом в кредитно-финансовой сфере является банковская сфера. Обладая большими возможностями для положительного воздействия на развитие экономики, банковская сфера в то же время испытывает на себе последствия несовершенства экономических концепций, неурегулированности ряда правовых положений, недостатков банковских технологий, документооборота, недостаточного уровня профессионализма работников, а также злоупотреблений со стороны как сотрудников этих учреждений, так и клиентов.

Необходимо отметить, что, с одной стороны, объемы предоставляемых кредитов в России ежегодно растут, с другой - обнаруживается тенденция роста доли просроченных кредитов. Так, за 2009 год российскими банками было предоставлено кредитов в рублях на сумму 5347654 млн рублей [1]. Эксперты международного агентства Bloomberg прогнозируют, что к концу 2010 года невозвраты кредитов, выданных российскими банками предприятиям и физическим лицам, могут вырасти в четыре раза и составят 70 миллиардов долларов. По сравнению с мартом 2009 года доля невозвратных кредитов может возрасти до 12,8 процента от общей суммы долгов российских компаний и частных лиц, которая оценивается в 18,4 триллиона рублей [2].

Следует отметить, что количество преступлений, выявленных в сфере

банковской деятельности, в 2008 году составило 35010, а в 2009 – уже 54422.

Значительную часть в структуре рассматриваемых преступлений составляют преступления, связанные с незаконным получением кредита (ст. 176 УК РФ). По данным ГИАЦ МВД России, по фактам незаконного получения кредита по ч. 1 ст. 176 УК РФ в 2009 г. было возбуждено 497 уголовных дел, материальный ущерб по которым превысил 1321 млн рублей. Согласно данным Департамента экономической безопасности МВД России, в 2009 году сотрудники органов внутренних дел выявили более 54,8 тыс. финансовых мошенничеств. Действительный рост, по данным ДЭБ, зарегистрирован в сфере получения незаконных кредитов. За первое полугодие 2009 года рост составил 8,7% [3].

С наступлением кризиса даже платежеспособные и устойчивые в финансовом отношении заемщики всеми силами стараются не возвращать в банк кредиты. Заметно выросло количество мошеннических схем с вовлечением предмета банковского залога. Новая для банковского сектора схема, когда компания, которая не может вернуть кредит банку, передает ему права собственности на предмет залога, но договаривается о сохранении оперативного управления. Делается это для того, чтобы иметь возможность рассчитаться по кредиту, однако на самом деле заемщик старается использовать предмет залога с максимальной выгодой,

например, получить под него еще несколько займов в других банках, деньги в таком случае исчезают в неизвестном направлении.

К *общим* способам незаконного получения кредита, льготных условий кредитования, незаконного получения государственного целевого кредита относятся следующие:

1. Внесение ложных сведений в учредительные документы организации или полностью сфальсифицированные ссудозаёмщиком учредительные документы.

2. Предоставление в банк или иному кредитору баланса (форма №1), отчёта о финансовых результатах (форма №2), приложения к балансу (форма №5), которые отражают ложные сведения о финансовом положении организации или являются полностью поддельными.

3. Предоставление в банк или иное учреждение технико-экономического обоснования потребности в кредите, в котором указаны полностью или частично недостоверные данные о целях использования кредита, сроках проведения сделок за счёт кредитора, источниках и сроках его погашения, планируемом доходе.

4. Предъявление в качестве обоснования запрашиваемых кредитных средств поддельных договоров (контрактов) по планируемой сделке (например, о закупках и поставке продукции, оказании услуг, выполнении работ).

5. Внесение заведомо ложных сведений в документы, выступающие в качестве обеспечения возвратности кредита. К таким документам относятся: договор залога, договор поручительства, банковская гарантия.

Внесение заведомо ложных сведений в договор залога (ст. 334 ГК РФ) может осуществляться путём завышения стоимости заложенного имущества при проведении его оценки, сообщения неверных данных о его количестве, качестве и местонахождении, о праве собственности на заложенное имущество должника или третьих лиц, путём

предоставления в качестве залога уже заложенного имущества и другое.

Одной из разновидностей обеспечения исполнения кредитных обязательств является договор поручительства (ст. 361 ГК РФ). Недостоверные сведения при заключении договора поручительства могут касаться личности поручителя или имущества, материальных ценностей поручителя. В настоящее время банки зачастую выдают кредит под поручительство финансово устойчивых организаций. В соответствии со ст. 368 ГК РФ эта роль отведена банку, иному кредитному учреждению или страховой организации (гаранту). В данном случае для совершения рассматриваемого преступления кредит получался под поручительство, однако предприятие-поручитель в одних случаях уклонялось от выполнения обязательств либо заключалось соглашение о погашении кредита из прибыли от совместной деятельности предприятия-заемщика и предприятия-поручителя, которое затем расторгалось.

Внесение заемщиком ложных сведений может осуществляться путем составления полностью фиктивной банковской гарантии (ст. 368 ГК РФ), путем завышения в ней денежной суммы, за которую гарант несет ответственность перед бенефициаром, а также иными способами.

6. Предоставление фиктивной кредитной заявки. При этом недостоверные сведения могут касаться всей информации, изложенной в кредитной заявке, группы данных или отдельных элементов. Внесение в нее ложной информации сочетается с отражением таковой в других документах, выступающих как ее обоснование (например, ложные сведения об источниках погашения кредита отражаются в ТЭО и договорах с контрагентами и т.д.).

Таким образом, как свидетельствуют материалы практики, уголовные дела по ч. 1 и 2 ст. 176 УК РФ возбуждаются в тех случаях, когда предприниматель или руководитель организации при незаконном получении кредита путем представления

банку заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии не имеет цели последующего хищения кредита [4].

Так, в мае 2010 года Нурлатский районный суд Республики Татарстан признал 49-летнего Юрия Анисимова, гендиректора ООО "Техно-А" и депутата Черемшанского сельского поселения Черемшанского муниципального района РТ, в незаконном получении кредита. Следствие установило, что в феврале 2007 года Анисимов заключил два кредитных договора в одном из республиканских банков на общую сумму 8 млн рублей. В обеспечение обязательств компании перед банком предоставил договор о передаче в залог совместного с супругой недвижимого имущества. Правда, выяснилось, что указанное имущество на момент получения кредита находилось в залоге в другом банке [5].

Если же при незаконном получении кредита преследуется цель хищения и после его получения денежные средства присваиваются, а не используются на цели, предусмотренные кредитным договором, то деяния виновных квалифицируются по ст. 159 УК РФ или по ст. 160 УК РФ [6].

Для незаконного получения льготных условий кредитования, государственного целевого кредита, а равно его использования не по прямому назначению характерны *специальные способы*.

1. Незаконное получение льготных условий кредитования осуществляется следующими способами:

- предоставление кредитору заведомо ложных сведений о наличии у заемщика оснований для получения льгот при оформлении и выдаче кредита. Такие недостоверные сведения должны касаться правового статуса предприятия;

- необоснованное получение льготных условий кредитования заемщиком, не имеющим право на получение льготного кредита, с одновременным введением в заблуждение кредитора относительно финансового состояния и хозяйственного положения организации.

2. Незаконное получение государственного целевого кредита осуществляется следующими способами:

- предоставление кредитору или должностному лицу, отвечающему за распределение бюджетных средств, ложных сведений о наличии материально-правовых оснований для получения такого кредита (например, о необходимости пополнения оборотных средств, о статусе фермера и т.д.). В роли недобросовестных заемщиков здесь могут выступать руководители организаций, индивидуальные предприниматели, граждане;

- незаконное получение государственного целевого кредита может осуществляться также путем сообщения заемщиком, не имеющим права на получение такого кредита, заведомо ложных сведений о хозяйственном положении или финансовом состоянии предприятия.

3. Использование заемщиком государственного кредита не по прямому назначению, отличительной особенностью которого является использование бюджетных средств в противоречии с той целевой программой, на которую они выделены, может осуществляться следующими способами:

- Путем внесения полученных средств на депозит и получения процентов по нему;

- Путем приобретения недвижимости и иных материальных ценностей, не имеющих отношения к целям программы;

- Для погашения других, ранее полученных кредитов;

- Путем передачи полученных средств в виде материальной помощи в филиалы, дочерние и зависимые общества;

- Путем обналичивания кредитных денежных средств и их использования на личные нужды и т.д.

Выявление экономических преступлений включает в себя следующие этапы: поиск первичной информации о фактах и признаках, свидетельствующих о возможности совершения данных преступлений; оперативную проверку первичных сведений; реализацию полученных данных после их проверки.

Процесс выявления преступлений, связанных с незаконным получением кредитных средств, можно разбить на две стадии:

1) стадия предварительного внутреннего выявления, осуществляемая силами собственных служб безопасности банков, заключающаяся в первоначальном анализе и проверке поступающей в банк информации, определенном контроле за поведением заемщиков, наблюдении за деятельностью персонала;

2) стадия внешнего официального выявления, осуществляемая оперативными сотрудниками органов внутренних дел, заключающаяся в получении, систематизации и оценке информации служб безопасности банка о событиях, могущих иметь признаки преступления.

Работа сотрудников подразделений экономической безопасности по выявлению незаконного получения кредита осуществляется по следующим направлениям:

выявление лиц, замышляющих или подготавливающих совершение преступлений в рассматриваемой сфере;

выявление хозяйствующих субъектов, характер деятельности которых указывает на возможное совершение преступления (в данном случае предприятий-кредитополучателей);

выявление фальсифицированных документов (полностью или частично), отражающих хозяйственную или финансовую деятельность субъекта экономических отношений;

выявление фактов, свидетельствующих о подготовке к совершению преступления.

Наиболее важным с точки зрения рассматриваемой проблемы является проведение поисковой работы на таких объектах, как:

предприятия различных сфер экономики и различных форм собственности, получившие банковские или государственные кредитные средства;

подразделения Центрального, Сберегательного, коммерческих банков и других кредитных организаций, выдающих кредитные средства;

министерства, ведомства, структуры органов местного самоуправления, отвечающие за выдачу и распределение государственных целевых кредитов;

криминальные структуры, действующие в сфере выделения государственных целевых и банковских кредитов и их неправомерного использования.

Получение информации в отношении конкретного лица является традиционным основанием для последующего осуществления оперативно-розыскных мероприятий по его проверке. Основными поисковыми признаками такого лица могут являться сведения из его биографии, образа жизни, характере его действий, такие как:

наличие судимости за корыстные преступления;

частая смена работы или сфер деятельности с прерыванием всех связей по ним и негативные характеристики из-за невыполнения обязательств или обманов;

большие задолженности в прошлом при работе в других фирмах, невозврат долгов и кредитов;

быстрое, не связанное с видимыми причинами улучшение материального состояния (например, приобретение квартир, дорогостоящих вещей должностными лицами, ответственными за получение целевых кредитов).

Наиболее точной информацией, указывающей на причастность лица к совершению незаконного получения кредита, является информация о его настоящей деятельности. Это могут быть сведения, например:

о намерении выправить свое финансовое положение любыми способами, в том числе за счет других лиц;

о наличии паспортов и других удостоверяющих личность документов на имя других лиц;

о наличии, приобретении или изготовлении различных поддельных или фальсифицированных штампов, печатей, бланков предприятий и организаций лицами, занимающимися коммерческой деятельностью;

обналичивание или перевод средств за рубеж руководителями предприятий после получения коммерческих или финансовых кредитов;

труднообъяснимое поведение руководителей, в том числе уклонение по различным причинам от личных встреч, телефонных переговоров, оставление без ответа направленных телеграмм;

постоянные требования о пролонгации кредита;

неуплата налогов, таможенных платежей и стремление скрыть такие факты от кредитора;

создание препятствий при проверке залога, договоров по кредитуемой сделке, бухгалтерской отчетности и других данных.

Основными поисковыми признаками незаконного получения предприятием банковского кредита могут быть:

отсутствие сведений о регистрации предприятия, от имени которого совершаются или планируются коммерческие сделки;

открытие банками незарегистрированных в налоговых инспекциях счетов юридических лиц (возможно, и в целях уклонения от уплаты налогов);

несовпадение юридического адреса с фактическим местонахождением фирмы или учреждение фирмы лицами, не имеющими постоянного места жительства в данном регионе (в совокупности с другими данными);

несоответствие заявленной уставной деятельности фактическим возможностям по производству продукции и оказанию услуг из-за отсутствия материальной базы, помещений, необходимой техники, штата работников;

отсутствие собственного имущества и минимальный размер уставного капитала, задержка с перечислением взносов в уставной фонд фирмы ее учредителями и другие данные;

неведение предприятием собственной хозяйственной деятельности в течение длительного времени;

регистрация предприятия непосредственно перед поступлением крупных денег на расчетный счет;

преимущественное получение авансовых платежей и распоряжение ими в краткие сроки;

длительное отсутствие движения денежных средств по счету с периодическим поступлением на него крупных сумм;

переводы поступивших средств на лицевые счета физических лиц и их обналичивание;

наличие в штате только руководящих лиц при отсутствии других работников либо слишком малое их количество; отсутствие в штате фирмы специалистов в декларируемой области коммерческой деятельности, требующей специальных познаний или навыков;

отсутствие специальных разрешений (лицензий), требующихся для занятия заявленным видом деятельности, их подмена различными письмами из органов государственной власти и управления;

получение кредита фирмой-посредником; проведение финансовых операций через несуществующие организации и др.

Необходимая осведомительная информация, содержащая признаки любых экономических преступлений, сосредоточена в документах, отражающих хозяйственную или финансовую деятельность субъекта экономических отношений. Изучение данных документов требует повышенного внимания со стороны как оперативного работника, так и негласных сотрудников, что объясняется их частой фальсификацией или подделкой. Наиболее часто в документах фальсифицируются штампы, печати, а также подписи. Полной или частичной подделке, в том числе путем изготовления фиктивного документа методом ксерокопирования и монтажа, подвергается текст документа. На эти моменты, прежде всего, должно быть обращено внимание источников оперативной информации, работающих с документами.

Наряду со знанием оперативными работниками основных признаков

преступлений, связанных с незаконным получением кредитных средств банков и государства, не менее важное значение имеют вопросы об определении круга необходимой информации о преступлениях в исследуемой сфере и установлении круга источников, с помощью которых эти сведения могут быть добыты.

Первоначальная информация о признаках преступлений, прежде всего, может быть получена из гласных источников, которыми могут быть: материалы государственных органов, учитывающих результаты деятельности объектов народного хозяйства (ЦСУ, специальных государственных инспекций, КРУ Минфина и т.п.); письма и заявления граждан, сообщения должностных лиц и представителей общественных организаций; материалы расследуемых уголовных дел; данные экономико-правового анализа; результаты личного изучения оперативным работником состояния сохранности государственного имущества.

Помимо гласных источников информации, для выявления поисковых признаков рассматриваемых преступлений необходимо использовать и негласные источники. В данном случае к ним можно отнести: бытовое или производственное окружение правонарушителя, в том числе его связи в уголовной среде по линиям других оперативных служб криминальной милиции, коммерческие круги, частные и охранные сыскные агентства, службы безопасности, специалистов в области изготовления печатей, штампов, бланков документов, полиграфии, конкурентов или негативно настроенных работников заемщика-нарушителя, контролирующих организаций и т.д.

Важное значение имеет ознакомление с учредительными документами, как представленными заемщиками в банк, так и поданными в регистрирующие органы (устав предприятия, решение о создании предприятия или договор учредителей), а также с документами, подтверждающими оплату не менее 50 % уставного капитала (фонда) предприятия. При осмотре этих

документов, прежде всего, необходимо выяснить все данные об учредителях (руководителях), чтобы впоследствии установить их и уточнить нужные подробности создания предприятия. В ряде случаев процедуру выяснения данных, характеризующих учредителей, необходимо поручить негласным сотрудникам. При установлении признаков подделки в одних случаях с этих документов целесообразно негласно снять копии, в других - истребовать их в соответствии со ст. 144 УПК РФ. Такие документы для подтверждения или опровержения признаков подделки следует направить на технико-криминалистическое исследование.

В тех случаях, когда получено заявление о незаконном получении кредита путем различных махинаций с документами на залог или заложенное имущество либо другими формами обеспечения возвратности выданных ссуд, оперативному сотруднику необходимо получить данные о том, кому, на какой срок было представлено данное имущество; когда оно было арестовано; кто являлся собственником имущества и давал ли он согласие заемщику на залог своего имущества; какими документами это было оформлено и т.д.

В случаях, когда в качестве залога было представлено недвижимое имущество, для подтверждения данных о неправомерных действиях целесообразно выяснить у держателя единого государственного реестра, осуществляющего государственную регистрацию залога недвижимого имущества, наличие прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ипотека), а также сведения о том, кому, когда и на какой срок было представлено недвижимое имущество в качестве залога.

В случае продажи или растраты заложенного имущества проводятся оперативно-розыскные меры и проверочные мероприятия по установлению факта продажи, незаконного получения залога обратно, поиску лиц, которым продано это имущество, выявляются иные обстоятельства неправомерных действий ссудозаемщика.

Перечисленные выше мероприятия проводятся и в тех случаях, когда в качестве обеспечения возвратности кредита использовались поддельные гарантии банка, фиктивное поручительство и другие документы.

В целом практика ОРД применительно к данному виду преступления свидетельствует о том, что сведения о противоправных действиях клиентов банка поступают в основном из служб безопасности самих кредитных учреждений. Достоинством данного источника является несомненно тот факт, что первоначальную проверку факта незаконного получения кредита проводят компетентные лица служб безопасности, часто имеющие опыт работы в оперативных подразделениях. Такие сведения, как правило, обладают высокой степенью достоверности, документально обоснованы. Оперативная «слабость» других источников информации преимущественно объясняется правовыми

механизмами защиты банковской тайны и недостаточными агентурно-разведывательными позициями оперативных служб в финансово-кредитной системе.

Таким образом, эффективность противодействия кредитному мошенничеству, в частности незаконному получению кредита, во многом определяется качеством оперативно-розыскной деятельности. Незаконное получение кредита по своему механизму, субъектам, способам совершения и сокрытия имеет определенную оперативно-розыскную специфику. Развитие оперативно-розыскных методик противодействия преступлениям в сфере кредитования позволит не только повысить уровень раскрываемости преступлений и их профилактики, но и явится фактором стабилизации негативных тенденций в банковском секторе экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюллетень банковской статистики.- 2010.-№8(207). - С.112-113// www.cbr.ru/publ/BBS/Bbs1008r.pdf
2. Греф Г. Ситуация в банковском секторе стабилизируется// Грани.-2009.-№2.- www.grani.ru/economy/m.149750.html
3. Григорьева Е. Мошенники полюбили кредиты// RBKdaily.- 2009.-№ 24.- www.rbcdaily.ru/2009/08/24/finance/427765
4. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону.- М.: Волтерс Клувер, 2007. – С.212.
5. www.sledkom-rt.ru/4media/news/p5/o642/
6. Ларичев В.Д. Объективная сторона незаконного получения кредита // Законность.- 1997.- № 7.- С. 10-14.

В.Б. Коробов

доктор социологических наук, профессор,
начальник кафедры теории и социологии управления органами
внутренних дел Академии управления МВД России

МЕХАНИЗМ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье дается определение понятия «конфликт интересов», представлены порядок предотвращения и урегулирования конфликта интересов на государственной и муниципальной службе, варианты и формы урегулирования потенциального или реального конфликта, а также принципы системы управления конфликтами интересов.

Конфликт интересов – это понятие, обозначающее противоречие между интересами, которые защищены правом и должны быть удовлетворены действиями другого уполномоченного принципалом лица (поверенного, агента, директора, доверительного управляющего), и личными интересами этого уполномоченного.

Принципалом в данном случае выступают как частные лица, организации, так и общество (государство) в целом.

Формула, описывающая структуру конфликта интересов:

$$КИ = КС + С + И,$$

где КИ – конфликт интересов;

КС - конфликтная ситуация;

С - стороны (субъекты) конфликта;

И - инцидент (прямое столкновение субъектов конфликта).

В соответствии с Законом «О государственной гражданской службе» под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность гражданского служащего влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью гражданского служащего и законными интересами граждан, организаций, общества, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации, способное привести к причинению вреда этим законным интересам граждан, организаций, общества, субъекта

Российской Федерации или Российской Федерации.

Под личной заинтересованностью гражданского служащего, которая влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей, понимается возможность получения гражданским служащим при исполнении должностных обязанностей доходов (неосновательного обогащения) в денежной либо натуральной форме, доходов в виде материальной выгоды непосредственно для гражданского служащего, членов его семьи или лиц, указанных в пункте 5 части 1 статьи 16 настоящего Федерального закона, а также для граждан или организаций, с которыми гражданский служащий связан финансовыми или иными обязательствами.

Конфликт интересов возникает тогда, когда публичные должностные лица принимают решения, руководствуясь, прежде всего, своими личными интересами в ущерб государственным.

Типичный вариант ситуации, которая свидетельствует о явном конфликте интересов с точки зрения сложившихся в законодательстве подходов:

ответственный сотрудник федерального ведомства пытается «протокнуть» решение в пользу предприятия, акционером которого является, через подчиненных сотрудников. Существующий конфликт заключается в том, что сотрудник пытается оказать давление на подчиненных, чтобы «протокнуть» решение, которое может принести ему финансовую выгоду.

Фаворитизм подразумевает назначение услуг или предоставление ресурсов родственникам, знакомым, в соответствии с принадлежностью к определенной партии, роду, религии, секте и другим предпочтительным группировкам.

Кумовство – это форма фаворитизма, когда руководитель предпочитает выдвигать своих родственников на государственные должности.

Наиболее важным из организационных конфликтов является конфликт между требованиями инструкций (административных регламентов) и требованиями достижения плановых показателей (стандартов госуслуг, показателей «управления по результатам» и т.д.).

Разновидность организационного конфликта в разных органах существенно отличается наблюдаемость выполняемых ими действий и конечных результатов деятельности.

1. Неправильный выбор способа контроля создает стимулы для агентов сосредоточиться непосредственно на требованиях отчетности вместо надлежащей организации работы. Пример: многочисленные побочные последствия от применения последовательно меняющихся систем показателей оценки работы органов внутренних дел.

2. Проблема появления «неправовых» или «незаконных поручений» к должностным лицам государства, когда должностное лицо не защищено от неблагоприятных для него последствий в случае невыполнения такого поручения, что создает предпосылки для появления таких поручений и их последующего выполнения.

Личный конфликт интересов возникает в связи с широким набором факторов. Например, в связи с:

- разрешением дел, касающихся близких людей (родственников или друзей);
- разрешением дел, касающихся поддерживаемых политических организаций;
- возможностью получения взятки за определенное принятие решения;

- возможностью трудоустройства после ухода с государственной службы в компанию, которой могут быть выделены государственные заказы или о конкурентах которой за время службы была получена ценная информация;

- интересами, которые возникают в связи с работой по совместительству;

- получением подарков от частных лиц и организаций;

- политическим интересом использовать должностное положение во время предвыборной кампании.

Критерии выявления в правоохранительной деятельности конфликта интересов:

- оценка меры «юридического дозволения» издавать акты и совершать действия или, иными словами, оценка широты дискреционных полномочий;

- анализ соответствия фактически совершенных действий нормативно установленной компетенции правоохранительных органов, их должностных лиц;

- оценка полученных материально-финансовых благ и оказанных услуг для заинтересованных лиц и соответствия их нормативным основаниям;

- оценка соотношения между нормой закона (по видам действий и кругу лиц) с фактическими результатами ее применения;

- анализ соответствия фактического круга партнеров (клиентов) нормативно установленному;

- динамика правонарушений в сфере регулирования законом (законами), статистика соотношения правомерных и неправомерных актов и действий сотрудников правоохранительных органов.

Типичные факторы, способствующие возникновению конфликта интересов:

А. Факторы, связанные с реализацией полномочий правоохранительного органа

1. Широта дискреционных полномочий.
2. Определение компетенции по формуле «вправо».
3. Завышенные требования к лицу, предъявляемые для реализации его права.
4. Злоупотребление правом заявителя.

5. Выборочное изменение объема прав.
6. Чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества.

7. Юридиколо-лингвистическая коррупциогенность.

8. Принятие НПА органа исполнительной власти «сверх компетенции».

9. Заполнение законодательных пробелов при помощи НПА органа исполнительной власти

Б. Факторы, связанные с наличием правовых пробелов

10. Наличие пробела в регулировании.

11. Отсутствие административных процедур.

12. Отсутствие конкурсных (аукционных) процедур.

13. Отсутствие запретов и ограничений для служащих в конкретной сфере деятельности.

14. Отсутствие ответственности служащих.

15. Отсутствие контроля за государственными органами и служащими.

16. Нарушение режима прозрачности информации.

В. Факторы системного характера

17. Ложные цели и приоритеты.

18. Нормативные коллизии.

19. «Навязанная» коррупциогенность.

Г. Проявления конфликта интересов

20. Формально-технический конфликт.

21. Непринятие (своевременное) НПА.

22. Нарушение баланса интересов.

Статья 19 Закона («Урегулирование конфликта интересов на гражданской службе») определяет обязательность урегулирования конфликта, основанного на следующих принципах:

- обязанности гражданского служащего информировать представителя нанимателя о возникшем или потенциальном конфликте интересов, в том числе посредством предоставления сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера;

- обязанности представителя нанимателя принять меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов;

- рассмотрения проблем, связанных с соблюдением государственных служащими требований к служебному поведению и с урегулированием конфликта интересов специально созданными в каждом государственном органе комиссиями;

- участия в работе таких комиссий как гражданских служащих, так и независимых экспертов (не менее 1/4 от общего числа членов комиссии);

- единообразия правил деятельности комиссий, положение о которых утверждается Указом Президента Российской Федерации.

Порядок предотвращения и урегулирования конфликта интересов на государственной и муниципальной службе включает в себя следующие действия:

- Государственный служащий обязан принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов.

- Государственный служащий обязан в письменной форме уведомить своего непосредственного начальника о возникшем конфликте интересов.

- Представитель нанимателя, если ему стало известно о возникновении у государственного служащего личной заинтересованности, обязан принять меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов.

- Предотвращение или урегулирование конфликта интересов может состоять в изменении должностного или служебного положения государственного служащего вплоть до его отстранения от исполнения должностных обязанностей.

- Предотвращение и урегулирование конфликта интересов, стороной которого является государственный служащий, осуществляются путем отвода или самоотвода государственного служащего в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

- В случае если государственный служащий владеет ценными бумагами, акциями (долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах

организаций), он обязан в целях предотвращения конфликта интересов передать принадлежащие ему ценные бумаги, акции (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Под конфликтом интересов следует понимать:

- ситуацию, когда должностное лицо, выполняющее поручения или совершающее определенные действия от имени и в интересах другого лица (принципала), при выполнении определенного поручения имеет конкурирующие профессиональные или личные обязательства, денежную или неденежную заинтересованность, которые затрудняют объективное исполнение поручения.

- При этом личную заинтересованность можно определять через получение любых выгод, как материальных, так и нематериальных.

Под личной заинтересованностью служащего (правоохранительной службы, в частности), которая влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей, следует понимать:

- возможность получения материально-финансовых выгод в виде доходов, денег, ценностей, имущества, услуг имущественного характера, имущественных прав для себя, членов семьи, иных заинтересованных физических и юридических лиц, с которыми служащий связан финансовыми или иными обязательствами;

- получение нематериальных выгод – административных преференций, морально-психологического удовлетворения и т.д., нарушающих законные интересы граждан, общественных организаций и объединений, интересы, подрывающие авторитет государственных учреждений, правоохранительной системы, создающие потенциально криминогенные условия.

Система управления конфликтами интересов должна действовать на основе следующих принципов:

- обязательное раскрытие сведений о реальном или потенциальном конфликте интересов или даже видимости такого конфликта;

- индивидуальное рассмотрение, оценка серьезности рисков для органов внутренних дел каждого конфликта интересов и урегулирование каждого случая конфликта интересов;

- конфиденциальность процесса раскрытия сведений о конфликте интересов и процесса урегулирования (по желанию сотрудника);

- соблюдение баланса интересов органов внутренних дел и сотрудника при урегулировании конфликта интересов;

- защита сотрудника от преследования в связи с конфликтом интересов, который был своевременно раскрыт самим сотрудником.

Варианты и формы урегулирования потенциального или реального конфликта интересов:

- органы внутренних дел после проведения проверки не расценивают как конфликт интересов те ситуации, которые создают или могут создать конфликт с интересами органов внутренних дел:

- ограничение сотруднику органов внутренних дел доступа к конкретной информации, которая может иметь отношение к частным интересам сотрудника;

- добровольный отказ сотрудника органов внутренних дел или его отстранение – постоянно или временно — от участия в обсуждении и процессе принятия решений по вопросам, которые находятся или могут оказаться под влиянием конфликта интересов;

- пересмотр и изменение круга обязанностей и служебных функций сотрудника;

- временное отстранение сотрудника от должности, если его частные интересы входят в противоречие с должностными обязанностями;

- перевод сотрудника на должность, предусматривающую выполнение служебных функций, не связанных с конфликтом интересов;

- увольнение сотрудника из органов внутренних дел по инициативе самого сотрудника;

- увольнение сотрудника по инициативе органов внутренних дел за дисциплинарные проступки при наличии оснований, предусмотренных применимым правом;

- передача имущества, составляющего конфликтный частный (личный) интерес, в доверительное управление;

- отказ сотрудника органов внутренних дел от своего частного (личного) интереса, порождающего конфликт с интересами органов (органа) внутренних дел.

В целях минимизации основных рисков, связанных с реальным или потенциальным конфликтом интересов, органы внутренних дел могут запрещать своим сотрудникам:

- использовать в личных интересах или интересах третьего лица деловые возможности, о которых сотруднику стало известно в связи с работой в органах внутренних дел или использованием имущества и/или информации органов внутренних дел;

- участвовать в целях получения прибыли или иной личной выгоды во взаимоотношениях с организациями, с которыми органы внутренних дел находятся в ситуации взаимоотношения, если такое участие не было сначала одобрено в письменной форме руководством органов внутренних дел в пределах полномочий, делегированных сотруднику самим руководством;

- передавать третьим лицам внутреннюю информацию органов внутренних дел в собственных интересах или в интересах третьих лиц;

- участвовать в любой деятельности вне занятости в органах внутренних дел, которая противоречит требованиям органов внутренних дел к рабочему времени сотрудника или которая влечет использование к выгоде стороннего работодателя возможностей органов внутренних дел, информации, являющейся собственностью государства (органов внутренних дел), полученных во время работы в системе органов внутренних дел.

Материалы научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Казань 2010

Актуальные проблемы права в современной России: материалы итоговой научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов Казанского юридического института МВД России. – Казань, 2010. – 238 с.

Для аспирантов, соискателей, студентов юридических вузов, а также тех, кто изучает проблемы правового регулирования общественных отношений, социально-политического положения личности в современной России, актуальные проблемы преступности.

С.Н. Болдырев

кандидат юридических наук, доцент
начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин
Ростовского юридического института МВД России

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА В СИСТЕМЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ

В статье рассматривается юридическая техника как важный элемент правовой системы, определяется соотношение юридической техники с формой права и правосознанием.

Анализируя категорию: «юридическая техника» (далее по тексту ЮТ) с точки зрения той роли, которую данный феномен играет в правовой системе, целесообразно соотнести ее с другими правовыми явлениями, определить место ЮТ в системе теоретико-правовых категорий. В первую очередь, необходимо установить соотношение ЮТ с самим понятием права. В самом общем виде это соотношение определяется следующим образом: ЮТ – средство, способ формирования права. Действительно, ЮТ и право возникают одновременно и проходят в своем развитии общие стадии: архаичному праву соответствует архаичная, примитивная ЮТ, развитие права предполагает и совершенствование ЮТ [1]. ЮТ на всех этапах выступает в качестве средства придания праву качеств системности и структурированности [2]. Как правило, уровень развития ЮТ служит и показателем уровня развития и степени совершенства права.

Отмеченное не должно трактоваться при этом как отождествление права и ЮТ. Право само по себе в определенном контексте может рассматриваться в качестве своеобразной техники – техники регулирования общественных отношений, техники преодоления, разрешения социальных конфликтов, техники согласования и удовлетворения различных социальных потребностей, техники упорядочения общественной жизни.

Для того чтобы определить соотношение ЮТ и формы права, сделаем несколько вводных замечаний. Право как явление характеризуется не только формальной и

содержательной сторонами, но и наличием статического и динамического аспекта своего существования. Причем эти аспекты могут быть выделены как в содержании права, так и в его форме. Содержание права, выраженное в нормативных актах и других формализованных источниках права, является в целом статичным, т.к. изменения в него вносятся лишь в установленном порядке [3]. Говоря же о процессе правообразования, постепенного складывания правил поведения в ходе развития общественных отношений [4], мы рассматриваем содержание права как меняющуюся, динамичную субстанцию.

Формальная сторона права также может рассматриваться на нескольких уровнях. Статичность, неизменность, фиксированность внешней формы права подразумевается самим термином «форма». Однако процесс оформления права, придания ему соответствующей формы не является одномоментным. В динамическом аспекте этот процесс охватывается понятием «ЮТ». Исторически совершенствуется не только содержание, но и форма права. Это постоянное развитие содержания правовых норм и способов их оформления, закрепления и представляет собой процесс становления права как социального феномена. Формализованные источники правовых норм представляют собой, таким образом, не конечный итог процесса создания права (см.: «правотворчество – завершающий этап процесса правообразования»), а определенный

момент существования застывшей правовой материи.

Таким образом, ЮТ – это средство, с помощью которого из потока постоянно развивающейся и меняющейся правовой субстанции (содержания права) «вырываются», выкристаллизовываются и фиксируются частицы правовой материи. ЮТ – средство материализации права, средство придания ему определенной устойчивой формы.

Уместно в этой связи определить взаимосвязь ЮТ и с содержанием права. Вопрос о предмете ЮТ, т.е. о том, на что (на совершенствование формы или содержания права) направлены технико-юридические средства и приемы, как было показано выше, является дискуссионным. Чаще всего понятие ЮТ связывается, в первую очередь, с формальной, внешней стороной права. Однако форма не может быть совершенной сама по себе. Качество формы оценивается исключительно в связи с тем, насколько адекватно она отражает содержание, насколько соответствует ему.

Кроме того, развитие формы часто обуславливает развитие содержания. Особенное значение это имеет в развитии права, например, содержание нормативно-правового акта меняется, развивается в основном по мере внесения изменений в его форму, т.е. с помощью ЮТ. Существуют, конечно, и нетехнико-юридические пути изменения содержания права, например, устаревание, «отмирание» норм, установленных нормативными актами, но фактически не реализуемых. Но наличие подобных норм всегда является наглядным свидетельством несовершенства ЮТ, того, что ее средства не справляются со своим главным предназначением – обеспечением соответствия формы права его содержанию. Следовательно, ЮТ может рассматриваться в качестве средства совершенствования не только формы, но и содержания права.

Проблемы формы и содержания права неразрывно связаны с такими правовыми категориями, как система права и система законодательства. Традиционно эти две системы рассматриваются как две стороны

– внутренняя и внешняя – одного и того же феномена – права. При этом указывается, что развитие этих систем должно идти по линии их сближения и достижения максимального соответствия между ними [5]. Инструментальное значение ЮТ как раз и состоит в том, что она выступает в качестве средства формирования, совершенствования системы законодательства, средства, с помощью которого форма права приводится в соответствие с его содержанием. С другой стороны, создавать и совершенствовать форму в отрыве от содержания невозможно. Следовательно, через систему законодательства ЮТ выступает и средством формирования системы права.

Для советской юридической науки традиционным был вопрос о соотношении юридической техники и классовых интересов. Первоначально была распространена точка зрения, согласно которой ЮТ имеет классовое содержание, определяемое сущностью соответствующего типа государства и права [6]. В противоположность этой позиции обосновывалась мысль о том, что средства и приемы ЮТ сами по себе не имеют классовой направленности и безразличны к общественным классам [7]. Именно этот взгляд получил наибольшее признание отечественных ученых [8], которые, тем самым, связывали ЮТ с внешней, формальной стороной права. В целом, такая позиция представляется обоснованной, хотя, как отмечает Л.Д.Воеводин, рассматривать средства ЮТ в полном отрыве от того, кто использует эти средства, от избранной им методологии, от существующей юридической практики и от самого действующего права, невозможно [9].

В то же время сама постановка вопроса, вероятно, была обусловлена необходимостью объяснить наличие сходства между правом капиталистических стран и советским правом, которые, согласно официальной доктрине, не могли иметь между собой ничего общего. На сегодняшний день решение вопроса о соотношении ЮТ и классовых интересов не представляется

особенно актуальным ввиду того, что и само право не сводится уже к воле господствующего класса.

Возможно, уместно поставить вопрос несколько шире: каково соотношение ЮТ и государственных интересов? Или еще шире: каково соотношение ЮТ и различных правообразующих интересов (интересов государственных, общества в целом, различных социальных групп, групп давления [10]) как факторов, которые влияют на содержание права?

ЮТ – средство создания права. В той мере, в которой государственные либо общественные интересы определяют содержание права (а этот вопрос должен решаться в зависимости от принятой исследователем концепции правопонимания), они воздействуют и на ЮТ. От ЮТ (не только от нее, но во многом и от нее тоже) зависит то, как учесть, совместить все противоречивые интересы и факторы. Чем согласованнее содержание нормативно-правового акта, тем, следовательно, совершеннее приемы ЮТ, использованные при его создании.

Между ЮТ и правообразующими интересами есть и иная, косвенная взаимосвязь, не сводимая к причинно-следственной. Чем противоречивее интересы, пересекающиеся в сфере разработки нормативно-правового акта, тем чаще на практике игнорируются правила ЮТ. Отстаивая собственное видение целей нормативного акта и способов их достижения, противоборствующие политические силы заботятся не столько о его техническом качестве, сколько о содержании его правил. В результате элементарные требования ЮТ жертвуются в угоду политическим интересам.

Помимо нормативного уровня существования права, который выражается рассмотренными выше категориями системы права и системы законодательства, чрезвычайно важную роль играет социологический его уровень, который в наиболее общем виде охватывается понятием «юридическая практика». Следует согласиться с В.Н.Карташовым в том, что ЮТ

представляет собой инструментальную часть любой юридической практики [11]. Действительно, любая юридическая деятельность (властная и невластная, требующая и не требующая документального оформления) всегда осуществляется с использованием специальных знаний, приемов и навыков. Юридическая деятельность – это профессиональная деятельность. Успешная ее реализация невозможна без овладения тем инструментарием, который в совокупности образует профессиональное мастерство, искусство юриста.

Принято считать, что юридический процесс, т.е. процедурные (процессуальные) действия и операции, связанные с использованием технических средств и приемов, не относятся к ЮТ [12]. ЮТ и юридический процесс соотносятся при этом как содержание и форма: процессуальная форма характеризует внешнюю сторону юридической деятельности, называет основные этапы, стадии, которые эта деятельность должна пройти, нормативно закрепляет перечень и формы документов, подлежащих изданию. ЮТ разрабатывает приемы и правила осуществления самой деятельности, она отвечает за содержание, качество тех действий и актов, внешнюю характеристику которых дает процессуальная форма.

С другой стороны, Т.В.Кашанина, наоборот, включает процедурные, процессуальные правила в систему правил ЮТ [13], подразумевая, что профессиональное мастерство юриста предполагает, в том числе, и умение достичь целей своей деятельности, соблюдая и эффективно используя соответствующие правовые процедуры.

Вероятно, речь идет о юридическом процессе в различных его значениях. В первом случае под ним понимается процессуальное право как совокупность отраслей, как подсистема в системе права. При такой трактовке ЮТ – это средство реализации процессуально-правовых норм. Во второй ситуации подразумеваются установленные процессуальными нормами

юридические процедуры, составляющие важную часть технико-юридического инструментария.

Обращаясь к идеологическому уровню правовой системы, необходимо, в первую очередь, затронуть категорию правосознания. Соотношение ЮТ и правосознания выражается в следующих моментах.

Во-первых, ЮТ выступает неотъемлемым элементом профессионального правосознания. В социальном плане сущность юридической профессии, труда юристов заключается в обеспечении функционирования механизма правового регулирования [14]. Выполнение данной функции немислимо без таких характеристик правосознания, как его экспертный уровень, наличие специальных знаний, опыта осуществления профессиональной деятельности и т.п. Все это подразумевает, в том числе, и владение ЮТ.

Во-вторых, ЮТ зависит от правосознания. Уровень и качество правосознания общества в целом, как правило, определяет и уровень развития ЮТ, степень совершенства ее средств и приемов. Разумеется, прежде всего, это относится к профессиональному правосознанию. Однако и правосознание обычных граждан играет здесь важную роль. Чем выше уровень правосознания общества, чем больше правовых знаний доступно населению, тем большее количество элементарных приемов ЮТ используется гражданами самостоятельно, без обращения к юристу. Написать исковое заявление, отстоять свои права в суде, подготовить документы, необходимые для регистрации права, составить текст договора – эти действия при определенном уровне правосознания и правовой культуры могут осуществляться людьми и без профессиональной юридической помощи.

В-третьих, ЮТ влияет на правосознание общества. Являясь формой отражения права, правосознание во многом зависит от качества самого права, его развитости, эффективности. В такой трактовке ЮТ выступает и средством повышения уровня

правовой культуры. Действительно, и уровень правосознания граждан, и качество правомерного поведения зависят от того, насколько совершенны нормативно-правовые акты, отлажены юридические процедуры, эффективны различные правовые механизмы. Совершенствование системы права, законодательства, правовой системы в целом является, таким образом, средством повышения уровня правосознания и правовой культуры общества.

Соотношение ЮТ и правовой культуры иначе выглядит с позиций широкого (цивилизационного) подхода к последней. Если узкий (оценочный) подход к правовой культуре предполагает рассмотрение ее как качественного уровня правосознания и, следовательно, ЮТ – как средства повышения этого уровня; то при широком подходе к понятию правовой культуры [15] ЮТ должна рассматриваться как составной элемент, важное достижение и показатель качества правовой культуры. Действительно, в контексте этого подхода право в целом предстает как неотъемлемая часть правовой культуры, а та, в свою очередь, – как элемент культуры общества [16]. В ряду правовых ценностей, созданных человечеством и образующих правовую культуру в самом широком ее понимании, ЮТ занимает важное место. Чем выше уровень развития цивилизации, чем значительнее накопленное ею правовое наследие, тем совершеннее технические приемы и средства, используемые в своей профессиональной деятельности юристами.

Межкультурное взаимодействие и являющаяся его следствием правовая рецепция неизбежно влекут за собой заимствования не только на идеологическом и нормативном уровнях, но и на сугубо практическом, инструментальном. При этом пределы возможного заимствования [17] задаются степенью совместимости взаимодействующих правовых культур, в том числе и степенью совместимости их национальных ЮТ [18].

В рамках проблемы соотношения ЮТ и правовой науки, в первую очередь, заслуживает внимания вопрос о том,

является ли наукой сама ЮТ? Вероятно, в качестве науки (самостоятельной либо ее раздела) следует рассматривать не саму ЮТ, а теорию ЮТ, т.е. комплекс научных представлений о закономерностях создания и эффективной реализации права. Сама же ЮТ как система средств, приемов, способов, как научно-разработанная методика создания и реализации права, представляет собой не теорию, а выработанный этой теорией практический метод действия.

Соотношение теории ЮТ с общей теорией права во многом определяется концепцией правопонимания, лежащей в основе взглядов того или иного исследователя. Безусловно, технико-юридический элемент присутствует в любой правовой доктрине [19], т.к. ЮТ – это внутреннее, «встроенное в правовую систему», выработанное ею самое средство создания права. Ограничивая свой взгляд позитивистским видением права, т.е. изучая «чистое» право само по себе, мы видим лишь собственно юридические средства и способы его формирования, т.е. ЮТ. Юридическая наука, исследуя вопрос о том, откуда берется, как формируется право, может при этом почти полностью быть сведена к теории ЮТ. Расширяя угол зрения, включая в круг исследуемых «внешние» по отношению к праву факторы – социологические, психологические,

нравственные и т.д., мы неизбежно отходим от отождествления теории права с теорией ЮТ, рассматривая последнюю лишь как часть правовой науки. К примеру, Т.В.Кашанина, рассматривая ЮТ как часть теории права [20], относит к предмету ЮТ такие проблемы, как правотворчество, систематизацию, толкование, действие права и т.д. Помимо ЮТ, автор включает в структуру правовой науки антропологию, социологию, конфликтологию, аксиологию права и другие разделы.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что ЮТ является важным элементом правовой системы и проявляет себя на всех ее уровнях. Кроме того, пронизывая всю правовую систему, ЮТ оказывается взаимообусловленной ее спецификой. Действительно, ЮТ представляет собой средство создания, оформления права. Тот факт, что в различных правовых системах право формируется разными способами, определяет и соответствующие особенности ЮТ. В отличие от правовой политики, которая является «внешним», неюридическим фактором, определяющим стратегические направления формирования правовой системы, ЮТ представляет собой «внутренний» собственно юридический инструментальный, позволяющий совершенствовать правовую систему и поддерживать ее «в рабочем состоянии».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы. - М., 1999. - С. 218.
2. Муромцев Г.И. Юридическая техника. - М., 2005. - С. 10.
3. Речь при этом необязательно должна идти о правотворчестве как способе формирования права. Аналогичным образом можно рассуждать о материализации права в форме правоотношений, правовых идей и т.д. Однако пример нормативно-правовых актов наиболее наглядно иллюстрирует в данном случае нашу мысль.
4. Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. - Саратов, 2009. - С. 56-58.
5. Бобылев А.И. Современное толкование системы права и системы законодательства // Государство и право. - 1998.- № 2.- С. 27.
6. Дембо Л.И. Проблема кодификации советского права // Вестник ЛГУ.- 1947. - № 4.- С. 47; Явич Л.С. Советское право регулятор общественных отношений в СССР. -Сталинабад, 1957. - С. 158-159.
7. Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права // Учен. труды Свердловск. юрид. ин-та: Т. 4. Сер. «Гражданское право». - Свердловск, 1961. - С. 121.
8. Алексеев С.С. Общая теория права. - М., 1981. - Т. 2. - С. 270; Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов (Организация и методика). - М., 1968.- С. 7.

9. Воеводин Л.Д. Юридическая техника в конституционном праве // Вестник МГУ. - Сер. 11 «Право». - 1997. - № 3. - С. 4.
10. Подробный анализ разновидностей интересов, влияющих на содержание права и характера взаимосвязи права и интересов, проведен В.В. Субочевым. См.: Субочев В.В. Законные интересы / под ред. А.В.Малько. - М., 2008. - С. 23-43.
11. Карташов В.Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники.- М., 2001. - С. 18.
12. Алексеев С.С. Общая теория права. - Т. 2. - С. 272.
13. Кашанина Т.В. Юридическая техника.- М., 2003.- С. 127-133.
14. Соколов Н.Я. Юридическая профессия: понятие, сущность, содержание // Государство и право. - 2004. - № 9.- С. 23.
15. Правовая культура при таком подходе – это сфера человеческой практики, представляющая собой «совокупность норм, ценностей, юридических институтов, процессов и форм, выполняющих функцию социоправовой ориентации людей в конкретном обществе (цивилизации)»: Синюкова Т.В. Правовая культура // Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. - Саратов, 1995. - С. 473; «Правовая культура общества – это вся сфера материального и духовного воспроизводства права, юридическая практика народа в конкретный исторический период»: Иванников И.А. Концепция правовой культуры // Правоведение.- 1998.-№ 3.- С. 15.
16. Зинковский С.Б. Право как явление культуры: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. -М., 2006. -С. 7.
17. Зинковский С.Б. Указ. соч.-С. 16-19; Курышев Е.Ю. Рецепция в российском праве. автореф. дисс. ... канд. юрид. наук.- Саратов, 2005.- С.24-25.
18. Яркой иллюстрацией сказанного является традиционная дискуссия о возможности использования прецедента как источника российского права. Не вызывает сомнений тот факт, что функционирование прецедента в его классическом виде предполагает владение особой техникой правоприменения, которой у отечественных судей нет в силу их принадлежности к иной правовой культуре. (Отсюда и плюрализм в понимании прецедента в различных правовых системах: Гук П.А. Судебный прецедент: теория и практика. - М., 2009. - С. 5-39; он же Судебное нормотворчество: теория и практика. -Пенза, 2009. - С. 6-42; Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право.- М., 2008.- С. 126-127.)
19. Муромцев Г.И. Юридическая техника.-С. 19.
20. Кашанина Т.В.Указ соч. - С. 24.

**К. Амиров,
В. Габдулхаков,
Г. Чанышева**

**ФОРМИРОВАНИЕ
ОРАТОРСКОГО
МАСТЕРСТВА
У ЮРИСТОВ**

Казань 2010

Амиров К., Габдулхаков В., Чанышева Г.
Формирование ораторского мастерства у юристов: учебное пособие для юридических вузов/. – Казань: КЮИ МВД России, 2010. – 367 с.

Подготовлена в соответствии с новой концепцией МВД по Республике Татарстан «Через понимание – к сотрудничеству», согласно которой сотрудники органов внутренних дел, прокуратуры должны уметь правильно и точно выражать свои мысли, отвечать на неожиданные вопросы, а также выступать с речью и убеждать оппонентов. Книга отвечает пожеланиям курсантов и выпускников Казанского юридического института (высказанным во время встреч с министром внутренних дел по РТ генерал-лейтенантом милиции А.А. Сафаровым) о необходимости включения в программу обучения в юридическом вузе курса ораторского искусства (риторики).

Адресовано ученым-юристам, преподавателям юридических вузов в качестве дидактического материала для планирования лекций и семинаров; работникам прокуратуры, адвокатам, практическим работникам ОВД в качестве справочного материала по культуре юридической речи, слушателям курсов повышения

квалификации и профессиональной переподготовки.

Ф.Ф. Фаткуллин

кандидат философских наук, доцент,
начальник кафедры государственно-
правовых дисциплин КЮИ МВД России

А.И. Кашапова

аспирант КГТУ им. Кирова.

КОРРУПЦИЯ:

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

В статье, посвященной взгляду на коррупцию как на социально-экономический феномен, представлен широкий спектр встречающихся определений коррупции как в теоретическом плане, так и на законодательном уровне.

На сегодняшний день коррупция воспринимается как данность во многих странах. Укоренившись в современном обществе, коррупция ведет к разрушению государственного механизма, снижению доверия граждан к государству и праву, деградации общественной морали, обострению многих социальных проблем.

Для эффективной борьбы с коррупцией необходимо прежде всего понимание ее природы, коренящейся в диалектике исторически воспроизводимых как объективных, так и субъективных факторов, что, по-видимому, служит причиной отсутствия до сих пор четкого юридического опосредования понятия коррупции. Безусловно, коррупция, как социальный феномен, выходит далеко за границы юридического осмысления, теоретико-правового и криминологического понимания. Термин коррупция является сложным синтетическим социально-философским и криминологическим понятием [1]. Как отмечает Г.К. Мишин, «анализ правовых положений не позволяет раскрыть все содержание данного понятия, получившего в науке множество интерпретаций» [2].

Как у всякого сложного социального явления, у коррупции не существует единственного канонического определения, что обуславливает многообразие подходов к её толкованию.

Употребление термина «коррупция» применительно к политике восходит еще к Аристотелю [3], который определял тиранию как неправильную, испорченную, то есть коррумпированную форму монархии [4]. В римском праве этим термином обозначалась деятельность нескольких лиц, направленная на нарушение нормального хода судебного процесса или порядка управления.

Термин «**коррупция**» происходит от латинского *corruptio* «совращение, подкуп», *corruptus* «испорченный», от *corrumpere* «портить, повреждать»; далее из *cor-* «с, вместе» и *rumpere* «рвать, разбивать». Синонимы коррупции – продажность, подкупность [5]. Однако было бы ошибкой сводить суть коррупции к подкупу, продажности публичных и иных служащих. Её сущность заключается в нарушении (дезинтеграции, разложении, распаде) той или иной социальной системы, в том числе системы государственной власти [6]. Суть коррупции как социального явления

заключается в разложении структуры власти, перераспределении ресурсов в пользу тех или иных групп, в использовании механизмов институциализации групповых (клановых) и личных интересов. Коррупцированная власть разлагает все общество, выступает локомотивом социальных деформаций, которые с вершины пирамиды с ускорением продвигаются к ее основанию [7].

Говоря о социальной природе коррупции, необходимо отметить, что в рамках общественной мысли сложилось несколько отличных направлений, обособленных, порою диаметрально противоположных подходов к изучению вопросов, связанных с коррупцией.

Первые исследования коррупции (в первой половине XX в.) были связаны в основном с анализом функционирования государственного аппарата. Назовем данное направление исследовательских школ *функциональным подходом*. С точки зрения Макса Вебера [8] коррупция функциональна и приемлема при условии, что она усиливает позиции элит, гарантирующих ускорение происходящих в обществе изменений. Функции коррупции в обществе заключаются в стимулировании инвестиций и предпринимательства за счет устранения или снижения бюрократических препятствий. Выполнив свои политические и экономические функции, коррупция исчезает.

Однако далеко не все приверженцы данного подхода разделяли подобную точку зрения. Так, Гуннар Мюрдаль [9], наоборот признавал негативную сторону коррупции. По его мнению, она является препятствием для модернизации общества и его развития [10].

Представление о коррупции как о негативном явлении развивалось и в рамках *структуралистского подхода*. В частности, Р. Мертон [11] говорит о структурном контексте исследования коррупции, основным элементом которого он считает диффузию и фрагментацию власти и ответственности. Ставшая впоследствии классической, данная модель явилась исходным пунктом для многих

исследователей коррупции, хотя историческая реальность, послужившая материалом для ее создания, существенно изменилась. [12]

На сегодняшний день можно выделить несколько устоявшихся подходов в исследовании коррупции. Первый — это *традиционный* или *«идеалистически-философский»*, известный также как *«морализаторский»* и *«конвенциональный»*. Вероятно, наиболее известным представителем данного направления был Карл Иоахим Фридрих [13]. Он рассматривал коррупцию как поведение, отклоняющееся от преобладающих в политической сфере норм и обусловленное мотивацией получения личной выгоды за общественный счет. Хотя исследователь признавал её функциональность до определенного предела, но в целом для него она является показателем *«патологии политики»*, при которой *«порча»* затрагивает и государственных чиновников, и властные институты. Автор рассматривал коррупцию в качестве одного из неперенных спутников политики, и окончательная победа над коррупцией для него мыслилась как задача утопическая. Тем не менее, ей нужно давать энергичный отпор, чтобы болезнетворные зародыши не распространялись и не разрушали политическую систему [14]. Подобные взгляды мы находим у Дэвида Р., Саймона Г. [15], Стенли Эйтцена, которые рассматривали коррупцию как девиацию элит. В соответствии с их точкой зрения, среди наиболее важных из факторов коррупции в американском обществе является властная структура как таковая [16].

Представители так называемой *«ревизионистской»* школы анализа коррупции Хосе Абуэва, Дэвид Бэйли, Натаниэль Лефф, Колин Лейес выступали против односторонне-негативистского подхода к коррупции как общественной патологии и утверждали, что коррупция может выполнять позитивные функции в плане интеграции, развития и модернизации обществ «третьего мира». В

обществах, форсирующих модернизацию, а также в тех, где состояние переходности по различным причинам приобретает характер «зависимого развития» и исторически сильны государственные начала в общественной жизни, затруднено формирование институтов, свойственных модернизированным обществам, или их существование дисфункционально, поэтому проявление коррупционных процессов здесь вполне вероятно [17].

Близки к подобным воззрениям и сторонники *институционального подхода* (С. Хантингтон, Я. Тарковки), которые видят в коррупции единственное средство постепенного создания институтов, необходимых для демократического развития общества. Хантингтон [18] предполагает, что коррупция является не результатом отклонения поведения от норм (девиацией), а показателем несоответствия существующих моделей поведения и действующих норм [19].

Экономические (рыночно-центристские) подходы к изучению коррупции рассматривают ее как форму социального обмена, а коррупционные платежи — как часть транзакционных издержек. Среди исследователей, работающих в этом русле, чаще всего называют С. Роуз-Аккерман. В данном случае коррупция связывается с чрезмерным вмешательством государства в экономические процессы. Коррупция может быть вполне функциональна, поскольку является противовесом излишней бюрократизации. Она выступает средством ускорения процессов принятия управленческих решений и способствует эффективному хозяйствованию. Анализируя коррупцию в развитых странах с рыночной экономикой, исследователи выступали против расширяющегося государственного участия [20].

Подобные соображения получили отражение в *теории коллективных благ* М. Олсона. По его мнению, одна из причин, по которым многие общества серьезно поражены коррупцией госаппарата, заключается в том, что почти все частные предприниматели имеют побудительные мотивы к нарушению закона, при этом

почти ни у кого не возникает стимула сообщать о таких нарушениях властям.

К определениям, ориентированным на специфику рыночного механизма, относится формулировка, данная Клавереном: *«Коррумпированный чиновник рассматривает свою службу как частное предприятие, прибыльность которого следует максимально повысить. Должность становится, таким образом, орудием извлечения максимальной прибыли»* [21].

Как видно, взгляд на коррупцию как на социально-экономический феномен широко распространен в последнее время. Данный подход отстаивается и отечественными экспертами [22]. Они развивают описанную К.Э. Бэнфилдом так называемую *«агентскую модель коррупции»* применительно к российскому обществу. Полагая, что в характеристике коррупции центральным является должностной момент, они приходят к выводу, что «корень» коррупции в наличии «места», положения, из которого извлекается прибыль [23]. Так, предлагается выделение трех типов экономических агентов: уполномоченный, уполномочивающий и третье лицо (клиент), доходы и потери которого зависят от уполномоченного. Уполномоченный подвержен коррупции в той мере, в какой он может скрыть коррупцию от уполномочивающего. Таким образом, коррупция существует постольку, поскольку должностное лицо может распоряжаться не принадлежащими ему ресурсами. Должностное лицо обязано принимать решения, исходя из целей, установленных правом (конституцией, законами и другими нормативными актами) и общественно одобряемых культурными и моральными нормами. Коррупция начинается тогда, когда эти цели подменяются корыстными интересами должностного лица, воплощенными в конкретных действиях [24].

Определения коррупции, базирующиеся на схеме *«шеф-агент-клиент»*, дают ей косвенное толкование через анализ внутренних взаимодействий

бюрократического аппарата. Здесь чиновник, исполнитель оперативных функций (агент), фигурирует не сам по себе, а в системе рабочих отношений между лицом, облеченным властными полномочиями (шерифом), и частным лицом (клиентом).

На наш взгляд, определения, опирающиеся на эту модель, не описывают должным образом отношения, выходящие за рамки чисто бюрократических (отношения «блата», неформальных личных связей).

Однако в российской научной литературе содержательная сторона коррупции чаще всего рассматривается как система коррупционных сделок, которая формирует «теневой рынок» частных решений. [25]

В политике «коррупция» используется для характеристики морального состояния общества в целом. В этом контексте коррупция рассматривается как социальная болезнь, преграда на пути экономического роста, угроза легитимной политике, обусловленная разделом власти между различными группами элит и доступом к власти преступных элементов.

Н. Макиавелли [26] рассматривал коррупцию как свидетельство общего заболевания государства, разрушающего гражданскую добродетель, Ш. Монтескье [27] характеризовал ее как дисфункциональный процесс, в результате которого хороший политический порядок или система превращаются в негодные, монархия вырождается в деспотизм. В более позднее время акцент в определении коррупции переносится с социально-политического аспекта на криминологическую, уголовно-правовую сторону. Как отмечал Т. Гоббс [28], *«одно и то же противозаконное действие является большим социальным злом, если имеет место коррупция»*. [29]

Коррупция оказывает разрушительное воздействие на все правовые институты, в результате чего установленные нормы права заменяются правилами, продиктованными личными интересами тех, кто способен оказать влияние на процесс выработки решений на всех

уровнях государственной власти. Приобретает исключительное значение проблема вторжения коррупции в сферу юриспруденции, т.к. это неизбежно приведет к деформированию общей практики правоприменения.

Потому не случайно значительное внимание коррупции и коррупционным правонарушениям уделяется в рамках юриспруденции. Соответствующие отношения рассматриваются как отклоняющееся поведение от обязывающих правовых норм, допускается произвол в осуществлении возложенных законом полномочий либо неправомерное использование возможностей управления государственными ресурсами.

Большинство исследователей-правоведов сводят определение коррупции к взятке и злоупотреблению служебным положением. В этом же ключе определяют коррупцию и международные организации.

Международно-правовое определение коррупции, использующееся в документах ООН и Совета Европы, устанавливает, что *«коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях или в целях третьих лиц»* [30].

Отметим, однако, что в основополагающих международно-правовых документах по противодействию коррупции нет как такового единого определения коррупции. Раскрываются характерные её признаки, формы проявления коррупционных правонарушений. Так, например, Генеральная Ассамблея ООН 1979 г. и межрегиональный семинар по проблемам коррупции (Гавана 1990 г.) предложили следующее определение, зафиксированное в Кодексе поведения должностного лица по поддержанию правопорядка [31]: *«Коррупция – это злоупотребление служебным положением для достижения личной или групповой выгоды, а также незаконное получение государственными служащими выгоды в связи с занимаемым служебным положением»*. Как видно, речь идет не только о материальной выгоде, что присуще только взяточничеству.

Конгресс ООН (Гавана 1990 г.) предложил следующие признаки коррупции:

а) противозаконный характер использования своего служебного положения субъектом коррупционного правонарушения;

б) многоотраслевой характер коррупционных правонарушений (дисциплинарные, административные и уголовные правонарушения);

в) ограничение круга субъектов коррупционных преступлений государственными должностными лицами;

г) деление наиболее опасных проявлений коррупции на два больших вида:

- коррупционные хищения государственного или общественного имущества;

- злоупотребление государственными служащими своим служебным положением в целях незаконного получения каких-либо преимуществ, при отсутствии признаков хищения [32].

Междисциплинарная группа Совета Европы по проблемам коррупции (Страсбург, 1995 г.) дает несколько отличное определение коррупции. Коррупция – это «подкуп» (взятка), а равно любое иное поведение в отношении лиц, наделенных полномочиями в государственном или частном секторе, которое нарушает обязанности, вытекающие из этого статуса должностного лица, лица, работающего в частном секторе, независимого агента, либо других отношений такого рода, и имеющего целью получение каких бы то ни было ненадлежащих преимуществ для себя или иных лиц. [33]

Как видно из данного определения, произошло расширение понятия коррупции. К числу субъектов коррупционных деяний отнесены не только государственные должностные лица, но и лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих организациях.

Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999г. [34]

также использует понятие коррупции в широком смысле.

В отечественном законодательстве неоднократно предпринимались попытки законодательно определить коррупцию и меры наказания за совершение коррупционных действий. Однако законодательное определение этого понятия появилось сравнительно недавно.

Так согласно статьи 1 Федерального закона Российской Федерации «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года под коррупцией понимается:

«а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица».[35]

Ряд исследователей полагает, что данное определение все цело отражает сложившиеся современные реалии и в настоящее время может активно использоваться для противодействия коррупции во всех эшелонах власти с целью защиты интересов общества и государства [36].

Другие наоборот, полагают, что коррупция не сводится к примитивному взяточничеству и злоупотреблению должностными полномочиями, особенно в условиях рыночной экономики. Лоббизм, фаворитизм, протекционизм, взносы на политические цели, традиции перехода политических лидеров и государственных чиновников на руководящие должности в частном секторе, торговля служебной информацией, использование неформальных личных связей и многое

другое. Закон на их взгляд не способствует раскрытию причин коррупции, а лишь усложняет процедуру контроля за деятельностью государственных и муниципальных служащих, перегружает систему органов, ответственных за противодействие коррупции. Потому борьба ведется не с целью искоренить данное явление, а лишь показательно сократить его последствия [37].

В заключение следует констатировать, что подобный широкий спектр встречающихся определений коррупции как в теоретическом плане, так и на законодательном уровне, свидетельствует, что:

➤ коррупция является атрибутом любой политико-государственной формы бытия социума;

➤ природа коррупции связана с исторически складывающимся общественным разделением труда (формированием, существованием и эволюцией института социального управления, предполагающего диалектику управляющей и управляемой подсистем как противоречивой и взаимообуславливающей целостности);

➤ коррупция, как социальный феномен, играет не только разрушающую, но и «реанимирующую» функцию, свидетельствуя, с одной стороны, о нарастании противоречий между

потребностями социума как объекта управления и отживающими формами управления им (политико-государственной надстройкой); с другой – позволяя эффективно, но латентно разрешать возникающие в социуме потребности; здесь, по-видимому, возможны два исхода для национально-государственной системы: либо радикальная реформа государственного механизма (реформаторский путь), либо – национально-государственный кризис – революционный исход;

➤ формы проявления коррупции крайне многообразны и находятся в постоянном развитии; что зависит не только от объективно развивающихся общественных отношений, но и субъективного их отражения в массовом и социально-групповом (элитарном) сознании, представлений о должном, справедливом, законном и напротив, недозволенном, девиантном, противоправном;

➤ противодействие коррупции должно носить комплексный характер: наряду с юридической ответственностью следует правовыми средствами способствовать развитию правовой саморегуляции, минимизируя функции управляющей подсистемы, переподчиняя ее бытие, мотивацию деятельности интересам социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьмин Н.А. К вопросу о понятии и природе коррупции // Российский следователь. -2009. -№24. - С.23.
2. Мишин Г.К. О теоретической разработке проблемы коррупции // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы/ под ред. В.В. Лунеева. – М., 2001.- С. 264.
3. Аристотель (384-322 до н.э.) - древнегреческий ученый, философ - URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse>
4. См. Гилинский Я.И. Девиантология: учебник.– М., 2007.- С 324.
5. См. Большая советская энциклопедия: 3-е издание. – URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse>
6. Кузьмин Н.А. К вопросу о понятии и природе коррупции...С. 24.
7. Кравченко А.И. Социология девиантности. – М., 2003. С. 235.
8. Вебер, Максимилиан Карл Эмиль (1864-1920) - немецкий социолог, историк, экономист и юрист
9. Мюрдаль, Гуннар Карл (1898-1987) - шведский экономист. Автор сочинений по вопросам международных экономических отношений, экономики развивающихся стран. Нобелевская премия (1974, совместно с Р. Хайеком) (Большая советская энциклопедия: 3-е издание. - URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse>).
10. См.: Аленкин С.В. Механизм противодействия коррупции (теоретико-правовое исследование). – М., 2008. С. 20.

11. Мертон, Роберт Кинг (1910-2003) - американский социолог, представитель структурно-функционального анализа (Большая советская энциклопедия: 3-е издание. - URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse>).
12. См. Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. - М., 2009. - С. 391.
13. Фридрих, Карл Иоахим (1901-1984)- доктор политических наук, один из лидирующих американских политических теоретиков послевоенного периода.
14. Киселев И.Ю. Политическая элита: Ее сущность и психология (по материалам исследований американских ученых). – Ярославль. 1995. С. 35.
15. Саймон Герберт (1916- 2001) - американский экономист и социолог. Исследования в области теории управления, моделирования социальных процессов. Нобелевская премия (1978) (БЭ КиМ – электронная версия 2009).
16. См. Быстрова А.С., Сильвестрос М.В. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы // Журнал социологии и социальной антропологии. -2000. -Том 3.- №1. -С.89.
17. Там же.
18. Хантингтон Сэмюэл (1927-2008), американский политолог и социолог, автор книги «Столкновение цивилизаций» (1996), в которой высказал концепцию этнокультурного разделения человеческих цивилизаций.
19. См.: Аленкин С.В. Механизм противодействия коррупции ... С. 21
20. Роуз-Аккерман, Сюзан Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. -М.: Логос, 2003.
21. Кузьмин Н.А. К вопросу о понятии и природе коррупции...С. 25
22. См. Куракин А.В. Государственная служба и национальный план противодействия коррупции // Следователь. -2008. -№10; Головщинский К.И. Коррупциогенность правовых норм. - М.: 2001; Антикоррупционная политика / под ред. Г.А.Сатарова - М., 2004.
23. Левин М.И.. Сатаров Г.А. Явление коррупции России // Независимая газета.- 1997. (<http://indem.ru>).
24. Антикоррупционная политика / под ред. Г.А.Сатарова - М., 2004. - С.68.
25. Тимофеев Л.М. Институциональная коррупция. - М., 2000. - С. 51.
26. Макиавелли Никколо (1469—1527) - итальянский политический мыслитель, историк, писатель, поэт эпохи Возрождения (Большая советская энциклопедия // URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse>).
27. Монтескье Шарль Луи Секонда, барон де Ла Бред (1689—1755) - французский мыслитель эпохи Просвещения, правовед; его теория «разделения властей» оказала большое влияние на развитие конституционной мысли XVIII-XX вв. (Большая советская энциклопедия // URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse>).
28. Гоббс Томас (1588-1679) - английский философ (Большая советская энциклопедия // URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse>).
29. Охотский Е.В. Коррупция: сущность, меры противодействия // Социс. -2009. -№9.- С 25.
30. См. Цирин А.М. Формирование институциональной основы противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти // Журнал российского права. -2009. -№2. -С. 29.
31. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят 17 декабря 1979 г. Резолюцией 34/169 на 106-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // URL: http://www.un.org/russian/documents/instruments/docs_ru.asp?year=1970
32. Цит. по: Васильева Л.Н. Транснациональные преступления как угроза национальной безопасности России (конвенционные механизмы противодействия). // Журнал российского права.- 2005.- №10. -С. 37.
33. Цит. по: Васильева Л.Н. Транснациональные преступления как угроза национальной безопасности России (конвенционные механизмы противодействия)...С. 38.
34. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (принята 27 января 1999 г. Советом Европы). Ратифицирована Федеральным законом РФ от 25 июля 2006 г. N 125-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - N 31 (часть I).- Ст. 3424.
35. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. - N 52 (часть I). - Ст. 6228.
36. См.: Аленкин С.В. Указ.раб.; Кузьмин Н.А. Указ.раб.; Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. -2009. -№11.
37. См.: Цирин А.М. Указ.раб.; Сторчилова Н.В. Современное российское законодательство в сфере борьбы с коррупцией // Российский следователь.- 2009. - №8.

Е.Г. Клетнева

кандидат юридических наук,
начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин
КЮИ МВД России

НАГРАДНОЕ ОРУЖИЕ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Известно, что оружие является предметом, ограниченным в гражданском обороте. В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с историей наградного оружия, а также особенностями права владения, пользования и распоряжения наградным данным объектом гражданско-правовых отношений.

Издrevле к оружию существовало особое отношение. Оружие для охоты помогло первобытному человеку выжить в природе, создание военного оружия помогло человеку защитить себя от недругов, поработителей, захватчиков. С помощью оружия решались многие конфликты, восстанавливалась справедливость и т.п. (Оговоримся, что в настоящей статье автор не затрагивает аспект причинения негативных последствий кому-либо применением, созданием или испытанием оружия. Прим. автора).

В современном мире люди тоже хотят иметь оружие. Одни как средство самообороны, другие как дань национальным традициям в качестве элемента национального костюма, третьи коллекционируют его. Так или иначе оружие в современном гражданском обороте занимает свое место как объект гражданских прав.

Законодатель понимает под оружием устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов [1]. Учитывая степень общественной опасности оружия, законодатель, разрешая его обращение в гражданском обороте, тем не менее, ограничивает его оборотоспособность. Поэтому цивилисты относят оружие к вещам, ограниченным в гражданском обороте.

Право на приобретение оружия на территории Российской Федерации в соответствии с законом [2] имеют: государственные военизированные

организации; юридические лица с особыми уставными задачами; юридические лица - поставщики; юридические и физические лица, занимающиеся коллекционированием или экспонированием оружия; физкультурно-спортивные организации и (или) спортивные клубы, осуществляющие свою деятельность в соответствующих виде или видах спорта, связанных с использованием оружия (спортивные организации), и организации, ведущие охотничье хозяйство; организации, занимающиеся оленеводством и коневодством, подразделения Российской академии наук, проводящие полевые работы, связанные с геологоразведкой, охраной природы и природных ресурсов в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие рыболовство в отношении морских млекопитающих, а также специализированное предприятие, осуществляющее гидрографическое обеспечение судоходства на трассах Северного морского пути; образовательные учреждения; граждане Российской Федерации; иностранные граждане. Таким образом, круг субъектов, имеющих возможность обладать оружием, чрезвычайно широк.

Приобретение оружия указанными субъектами возможно на основании различного рода гражданско-правовых сделок, в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации. Одним из правовых оснований

приобретения оружия гражданами является получение его в качестве награды.

Именно на этом аспекте оборотоспособности оружия предлагает остановиться автор настоящей статьи.

Вручение военнослужащему оружия в качестве награды уже больше двух столетий считается одним из самых почетных поощрений. Причем эта награда, как замечается в литературе, исключительно русская, не имеющая аналогов в мировой практике, ни в одной армии мира [3].

Ею удостаивали только офицеров, генералов и адмиралов. При этом изначально вручалось лишь холодное оружие. Первоначально (в XVIII в.) наградой была шпага, с начала XIX в. – сабля, а для кавалергардов и кирасир тяжелой кавалерии – палаш – узкий длинный меч. С 1826г. часто вручались полусабли, несколько позже – шашки. Моряки часто получали не один, а сразу два вида оружия: помимо наградной шпаги или морской сабли, им вручался еще и наградной кортик.

Награждение оружием практиковалось с ранних времен, еще до династии Романовых, но это были единичные, можно сказать, незаконные случаи. Самые ранние награды датируются XVII веком. В Государственном музее-заповеднике «Царское Село» хранится сабля, на клинке которой золотом наведена надпись: «Государь Царь и Великий князь Михаил Федорович всея Руси пожаловал сею саблею Стольника [Богдана Матвеева Хитрово](#)». Однако, за какие именно заслуги [стольник](#) Богдан Матвеевич получил дарственную саблю — неизвестно, поэтому отсчёт истории Золотого оружия как исключительно военной награды ведётся с [Петровских](#) времён.

Первое награждение золотым оружием, как наградой за военные подвиги, было произведено 27 июля [1720 года](#). В этот день князю [Михаилу Голицыну](#) за [разгром шведской эскадры при острове Гренгам](#) «в знак воинского его труда послана шпага золотая с богатыми украшениями алмазами». В этом сражении [галерная флотилия генерал-аншефа](#) Голицына взяла на абордаж шведский линейный корабль и четыре фрегата.

В дальнейшем известно множество награждений золотым оружием с бриллиантами для генералов и без бриллиантов для офицеров с различными почётными надписями («За храбрость», «За мужество» или с указанием конкретных заслуг награждённого).

Наградное оружие принято делить на три группы: Золотое оружие (Георгиевское оружие, начиная с 1913г.); Золотое оружие с алмазами или лаврами и алмазами (бриллиантовое оружие, с 1913г.); оружие со знаками ордена Св.Анны III (с 1815г. IV) степени с надписью «За храбрость». Шпаги с бриллиантами представляли собой образцы ювелирного искусства, которые дорого обходились казне, поскольку стоили немислимых денег. Согласно архивным документам, шпага Румянцева стоила 10 787 рублей, шпага Голицына – 8 000 рублей, шпага Орлова – 6 088 рублей. Обладателем самой дорогой шпаги, украшенной алмазами и лавровыми венками из изумрудов, стал Кутузов. Она обошлась казне в 25 125 рублей. Для сравнения: годовое жалование

солдата пехоты составляло 10 рублей.

Наградное оружие – олицетворение офицерской чести и доблести. Однако если изначально оно давалось в качестве награды только лицам, состоявшим на военной службе, а указы о вручении наградного оружия подписывал лично император и ценность его была велика, то с течением времени оружие стало вручаться не только за подвиги на поле боя, но и за выслугу лет и за безупречную службу и т.д., право награждать было отдано также министрам и военачальникам различного уровня.

Современное законодательство определяет, что награждают оружием за заслуги перед государством, воинскую доблесть, достижения в области обеспечения законности, правопорядка, общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Субъектами, обладающими наградным оружием, могут быть граждане Российской Федерации, в том числе военнослужащие и сотрудники государственных военизированных организаций. Обладателями наградных пистолетов, например, являются президенты Муртаза Рахимов и Минтимер Шаймиев.

В разные периоды истории менялся и размах, с которым в качестве награды жаловали оружие. Всплески в статистике награждений приходятся на войны, которые вела Россия с внешними врагами. Так, например, Екатерина II отметила золотым оружием 117 человек. Её сын, император Павел I, борющийся с традициями матери, награждения оружием не производил, возобновил его император Александр I в 1806 году. В [Отечественную войну 1812 года](#) наградного оружия удостоены 241 человек, в это же время император передал право награждения Золотым оружием главнокомандующим армиями, что тоже сказалося на резком

увеличении числа наград. Так, в Заграничном походе русской армии 1813-1814 годов было вручено ещё 685 единиц наградного оружия. С 1826 по 1831 год, когда Россия часто воевала, число награждений достигло 800 (почти столько же, как за Отечественную войну 1812 года и Заграничный поход!). В период [Русско-турецкой войны 1877-1878 годов](#) кавалерами Золотого оружия стали около 500 офицеров. За русско-японскую войну 1904-1905 гг. Золотое оружие «За храбрость», украшенное бриллиантами, было вручено четырём генералам, без украшений - 406 офицерам. Как отмечают некоторые специалисты, тем самым был снижен авторитет этих наград.

Что касается современной истории, то статья 20 закона «Об оружии», которая позволяет награждать им граждан, не только состоящих на военной службе, в свое время вызвала резонанс со стороны различных политиков и руководителей ведомств. Одна из точек зрения сводилась к тому, что сегодня уже существует практика получения наградного оружия в виде исключения, за особые заслуги. Вручение его широкому кругу лиц будет означать то же, что и вручение почетной грамоты, ломает исключительность и статус наградного оружия. Для того чтобы оценить граждан за успехи в народном хозяйстве и т.п. сферах, уже существует набор государственных наград и знаков отличия. Приверженцами данной позиции были тогда депутаты Виктор Коломейцев и Анатолий Куликов.

Например, генерал армии А.Куликов, будучи министром внутренних дел, твердо стоял на позиции нераспространения наградного оружия и за период пребывания на посту министра вручил в качестве награды не более десяти пистолетов. А вот бывший министр обороны Павел Грачев только в период с января 1995г. по июнь 1996г., по

некоторым данным, вручил более шестисот именных пистолетов.

Отношение должностных лиц в истории к системе поощрений наградным оружием тоже различалось. Так, например, командующий Кавказской армией А.П. Ермолов редко отмечал подвиги своих подчиненных Золотым оружием. Для повышения авторитета награды император Николай I в 1846 году установил право награждения Золотым оружием лишь за "блистательные подвиги на поле сражения", а император Александр II в 1855 году присвоил ему Георгиевскую ленту с серебряным комполом на эфес (так называемый темляк). А в 1890 году награждение Золотым оружием стало возможным также "за другие отличия", поставив его в общий ряд наград.

В 1913 году при утверждении нового статута ордена Св. Георгия Золотое оружие было "сопричислено" к нему и переименовано в Георгиевское и украшено изображением ордена Св. Георгия. Награждение стало возможным за определенные подвиги, перечисленные в статуте, согласно постановлению Дум, состоящих из кавалеров Золотого оружия. При этом награжденные им получали право лишь носить военную форму, находясь в отставке. Статут 1913 года гласил, что Георгиевское оружие никоим образом не может быть жалуемо в качестве очередной боевой награды или же за участие в определенных периодах кампаний или боях, без наличия несомненного подвига. А оружие стало отпускаться «из кабинета его императорского величества».

Данная мера значительно укрепила престиж наградного оружия, резко уменьшив число пожалований. В годы первой

мировой войны Золотое (Георгиевское) оружие стало вновь высокой и редкой наградой. Георгиевское оружие с бриллиантами за все время Первой мировой войны получили только восемь человек: Великий Князь Николай Николаевич, Владимир Александрович Ирманов, Самедбек Садыхбек оглы Мехмандаров, Сергей Фёдорович Добротин, Платон Алексеевич Лечицкий, Петр Петрович Калитин, Алексей Алексеевич Брусиллов и Антон Иванович Деникин.

Как уже было отмечено, сами виды наградного оружия тоже менялись. Так, например, под Георгиевским оружием «разумеются: шпаги, сабли, палаши, пашки и кортики существующих образцов, но с эфесами, сплошь позолоченными, с лавровыми украшениями на кольцах и наконечниках ножен; на эфесе изображена надпись «за храбрость» и помещается крест ордена Св. Георгия уменьшенного размера из финифти; темляк к оружию - на Георгиевской ленте. Эфес и приборные металлические части ножен разрешается изготовлять из золота».

Наградное оружие современной России – это гражданское, боевое короткоствольное ручное стрелковое и холодное оружие.

Оружие вообще, и наградное в частности, является ограниченно оборотоспособной вещью. Наградное оружие может принадлежать только определенному кругу лиц, а его гражданский оборот подчинен определенным правилам.

Так, оружие может быть получено гражданами Российской Федерации в качестве награды на основании указа

Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, наградных документов глав иностранных государств и глав правительств иностранных государств, а также на основании приказов руководителей государственных военизированных организаций.

Основания для получения наградного оружия предусмотрены федеральным законом «Об оружии». К ним относятся: приказ руководителя военизированной организации; указ Президента Российской Федерации; постановление Правительства Российской Федерации, наградной документ главы иностранного государства и главы правительства иностранного государства.

Граждане, награжденные оружием, вправе хранить, носить и использовать наградное оружие после оформления в установленном порядке в органах внутренних дел по месту жительства разрешений на хранение и ношение наградного оружия [4].

Лица, получившие наградное оружие, обязаны в двухнедельный срок представить в органы внутренних дел по месту жительства оружие, заявление и наградные документы для регистрации оружия в порядке, установленном Министерством внутренних дел Российской Федерации. Одновременно с документами для регистрации в органы внутренних дел для осмотра представляется полученное оружие. Осмотр производится сотрудником лицензионно-разрешительного отдела на основании требований к техническому состоянию оружия и патронов, обеспечивающему их безопасное использование. При этом проверяется соответствие номерных данных оружия сведениям, указанным в документах [5].

Разрешения на хранение и ношение оружия, полученного на основании наградных документов глав иностранных государств, выдаются органами внутренних дел по месту жительства награжденных лиц при предоставлении указанных документов и их переводов на русский язык, заверенных руководителями

дипломатических представительств Российской Федерации в соответствующих иностранных государствах. Оригиналы наградных документов хранятся у лиц, награжденных оружием [6].

Возможность совершения гражданско-правовых сделок с наградным оружием напрямую зависит от его вида.

Так, согласно закону «Об оружии», не допускается продажа, дарение и наследование боевого короткоствольного ручного стрелкового наградного оружия. Данное положение также дублируется следующей нормой. Боевое короткоствольное ручное стрелковое оружие, а также патроны к нему, врученные гражданам Российской Федерации в качестве награды, не могут быть объектом продажи, мены, залога, дарения и наследования. Хранение, ношение, передача и транспортирование указанного оружия осуществляются с соблюдением правил, установленных в отношении гражданского короткоствольного оружия самообороны [7].

Другие виды оружия, находящееся у граждан Российской Федерации на законных основаниях на праве личной собственности, могут продаваться юридическим лицам, имеющим лицензию на торговлю гражданским и служебным оружием или на коллекционирование или экспонирование оружия, либо государственным военизированным организациям с предварительным уведомлением органов внутренних дел, выдавших им разрешение на хранение и ношение оружия, а также гражданам, имеющим лицензии на приобретение оружия, его коллекционирование или экспонирование, после перерегистрации оружия в органах внутренних дел по месту учета указанного оружия.

Дарение и наследование гражданского оружия, зарегистрированного в органах внутренних дел, производятся в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации, при наличии у наследника или лица, в пользу которого осуществляется дарение, лицензии на приобретение гражданского оружия.

Правила наследования наградного оружия регламентированы ст.1180 ГК РФ. Введение этой статьи явилось новеллой современного российского законодательства. Согласно гражданскому законодательству, принадлежавшее наследодателю оружие, являясь ограниченно оборотоспособной вещью, входит в состав наследства и наследуется на общих основаниях. Т.е. на принятие наследства, в состав которого входит оружие, не требуется специального разрешения. Следовательно, по общему правилу, право собственности на оружие может быть приобретено в порядке наследования. Но общие основания наследования оружия при этом не лишены некоторых особенностей, касающихся особенностей объекта наследования.

В случае смерти собственника гражданского оружия до решения вопроса о наследовании имущества и получения лицензии на приобретение гражданского оружия указанное оружие незамедлительно изымается для ответственного хранения органами внутренних дел, его зарегистрировавшими.

При этом если наследование боевого короткоствольного ручного стрелкового наградного оружия прямо запрещено действующим законодательством, то запрета на наследование наградного холодного оружия нет. Поэтому полагаем, что оно может быть унаследовано.

Юридические лица и граждане Российской Федерации при получении ими гражданского оружия и патронов в дар либо по наследству обязаны: представить в органы внутренних дел по месту учета этого оружия заявление по форме, установленной Министерством внутренних дел Российской Федерации;

иметь лицензию на приобретение соответствующего оружия, его коллекционирование или экспонирование либо разрешение на хранение или хранение и ношение такого оружия.

Регистрация (перерегистрация) оружия, полученного в дар либо по наследству, производится органами внутренних дел в соответствии с федеральным законодательством на основании документов, подтверждающих законность дарения или вступления в наследство[8].

Итак, проанализировав основные положения закона «Об оружии» и Гражданского кодекса Российской Федерации, можно заключить следующее.

Хождение наградного оружия в гражданском обороте имеет тенденцию к увеличению. Чему во многом способствует такая ситуация, что в последнее время добрая русская традиция награждения оружием как знаком доблести и чести несколько трансформировалась и из знака почета наградное оружие превратилось в VIP – подарок.

Гражданский оборот наградного оружия напрямую зависит от его вида. Боевое короткоствольное ручное стрелковое наградное оружие ни при каких обстоятельствах не может быть продано, подарено или унаследовано. То есть боевое короткоствольное ручное стрелковое наградное оружие может принадлежать на праве собственности исключительно награжденному лицу.

Гражданское наградное оружие и холодное наградное оружие, являясь ограниченно оборотоспособной вещью, может входить в наследственную массу, передаваться в дар или быть продано в порядке, установленном гражданским законодательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об оружии: Федеральный закон Российской Федерации от 13.12.1996г. № 150 (в ред. Федеральных законов от 21.07.1998 N 117-ФЗ, от 31.07.1998 N 156-ФЗ, от 17.12.1998 N 187-ФЗ, от 19.11.1999 N 194-ФЗ, от 10.04.2000 N 52-ФЗ, от 26.07.2001 N 103-ФЗ, от 08.08.2001 N 133-ФЗ, от 27.11.2001 N 152-ФЗ, от 25.06.2002 N 70-ФЗ, от 25.07.2002 N 112-ФЗ, от 10.01.2003 N 15-ФЗ, от 30.06.2003 N 86-ФЗ, от 08.12.2003 N 170-ФЗ, от 26.04.2004 N 25-ФЗ, от 29.06.2004 N 58-ФЗ, от 18.07.2006 N 121-ФЗ, от 29.12.2006 N 258-ФЗ, от 24.07.2007 N 222-ФЗ, от 04.03.2008 N 25-ФЗ, от 22.12.2008 N 272-ФЗ, от

30.12.2008 N 309-ФЗ, от 09.02.2009 N 2-ФЗ, от 14.03.2009 N 32-ФЗ, от 24.07.2009 N 209-ФЗ, от 29.03.2010 N 34-ФЗ, от 29.03.2010 N 35-ФЗ, от 31.05.2010 N 111-ФЗ).

2. Там же.

3. Исторические факты и данные в настоящей статье приводятся по материалам сайтов: [http://ru.wikipedia.org.](http://ru.wikipedia.org;); [http://www.gumer.info/bibliotek_Buks](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks;); <http://www.bmstu.ru.;> <http://www.rg.ru/2008/09/04/orugie-nagrady.html>

4. Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации (в ред. постановлений Правительства РФ от 05.06.2000 N 438, от 11.03.2002 N 146, от 06.02.2004 N 51, от 17.11.2004 N 648, от 04.04.2005 N 179, от 05.12.2005 N 718, от 30.12.2005 N 847, от 26.07.2006 N 459, от 30.01.2007 N 56, от 19.05.2007 N 301, от 10.03.2009 N 219, от 04.03.2010 N 124), утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. N 814.

5. Там же.

6. Там же.

7. Правила награждения граждан Российской Федерации гражданским, боевым короткоствольным ручным стрелковым и холодным оружием, утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2005 г. N 718.

8. Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации (в ред. постановлений Правительства РФ от 05.06.2000 N 438, от 11.03.2002 N 146, от 06.02.2004 N 51, от 17.11.2004 N 648, от 04.04.2005 N 179, от 05.12.2005 N 718, от 30.12.2005 N 847, от 26.07.2006 N 459, от 30.01.2007 N 56, от 19.05.2007 N 301, от 10.03.2009 N 219, от 04.03.2010 N 124), утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. N 814.

С.Я. Казанцев

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный юрист России,
начальник кафедры криминалистики
КЮИ МВД России

Л.А. Казанцева

доктор педагогических наук,
профессор, зав.кафедрой педагогики
Казанского (Приволжского)
федерального университета

СТРАТЕГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

В статье рассматриваются возможности и особенности учебно-исследовательской деятельности в контексте современных стратегий совершенствования качества общенаучной и профессиональной подготовки студентов в вузе. Представлены: целостная модель исследовательского метода; личностные барьеры в овладении студентами культурой учебно-исследовательской деятельности, а также педагогические условия, обеспечивающие его эффективность.

Переход вузов в образовательное пространство, обеспечивающее компетентностное, творческое развитие будущих профессионалов, может быть обеспечен только в условиях глубоких

преобразований учебного познания на личностном, деятельностном, коммуникативном уровнях. В соответствии с перспективами глобализации мирового образовательного

пространства особое внимание уделяется развитию творческих, исследовательских способностей студентов, способностей к интеллектуальным коммуникациям, а также развитию процессов «самости» (самоактуализация, саморазвитие, самокоррекция)

Особое значение в контексте этих преобразований приобретает учебно-исследовательская, творческая познавательная деятельность студентов. Студенты должны не только овладеть содержанием и логикой этой деятельности, но и ее культурой. Безусловно, понятия: «личность», «культура», «исследование», «творчество», «диалог» – не новы, но в рамках современных образовательных концепций, разработанных на философском, психологическом, педагогическом уровнях, они приобретают особый смысл и значение.

Понятие «культура» в современной педагогической науке получило многомерную интерпретацию с учетом самых разнообразных личностных проявлений и стратегий их развития. На наш взгляд, «культура» в целом – это создаваемое личностью пространство самореализации и саморазвития с учетом накопленного опыта общечеловеческой и индивидуальной культуры.

В процессе многолетних теоретико-экспериментальных исследований мы пришли к убеждению, что фундаментальной основой и показателем культуры учебно-исследовательской деятельности является владение студентами исследовательским методом. Исследовательский метод составляет основу творческой самореализации студентов в учебно-исследовательской деятельности и творческого саморазвития в ней. Поскольку мы считаем, что метод – это не только процессуальная, но и личностная характеристика, в центре модели – личность студента, обладающая методологической культурой. В качестве структурных личностных компонентов исследовательского метода представлена система ценностных ориентаций на творческую самореализацию и саморазвитие, система общенаучного и методологического знания.

Поэлементный анализ множественности структур и содержания учебно-исследовательской деятельности позволил констатировать, что исследовательский метод как одномерный феномен не существует и, поэтому, не

может быть сведен лишь к методам наблюдения, эксперимента и др. Исследовательский метод многомерен. Личностно-деятельностное *пространство исследовательского метода* является трехмерным и включает оптимальное и рациональное для каждой исследовательской ситуации сочетание эмпирических, логических и эвристических методов. Степень овладения студентами этими методами и исследовательским методом в целом в значительной степени определяет уровень овладения культурой учебно-исследовательской деятельности. В свою очередь, уровень овладения культурой учебно-исследовательской деятельности позволяет студентам в наибольшей или наименьшей степени осуществлять творческую самореализацию и саморазвитие.

С учетом исследований А.В.Хуторского для развития культуры мышления в учебно-исследовательской деятельности целесообразно использовать:

- метод придумывания;
- метод образной картины;
- метод гиперболизации;
- метод агглюцинации.

В условиях ценностного самоопределения, истинной свободы творчества на основе исследовательского метода становится реальным переход от «запрограммированной» репродуктивной к конструктивной творческой активности. Эффективность этого перехода обеспечивается системой ценностных ориентаций студентов на самоактуализацию интеллектуального, креативного и коммуникативного потенциала в учебно-исследовательской деятельности, составляющих основу развития их субъектности в познании.

Особую значимость в осмыслении культуры учебно-исследовательской деятельности приобретают понятия «методологическая культура», «интеллектуальная культура», «креативная культура», «информационная культура». Они являются показателями *качества* учебно-исследовательской деятельности студентов.

Методологическая культура является научным фундаментом учебно-исследовательской деятельности. С точки зрения классического философского понимания, методология – это знание о знании, знание о познании. Мы полагаем, что с точки зрения рассматриваемого и реализуемого в учебно-исследовательской деятельности личностно-развивающего подхода методология непременно должна включать знание о самопознании и саморазвитии. Владение студентами методологической культурой предполагает переход на надситуативный личностно-деятельностный уровень. Методологическая культура проявляется в особенностях мышления, основными личностными характеристиками которого являются: системность, критичность, проблемность; ассоциативность; вариативность, дополнительность, рефлексивность, эмпатийность; нестандартность и др. Важным компонентом методологической культуры студентов является владение ими методами познания, такими как: анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция, гипотеза, абстрагирование, классификация.

Особый смысл приобретает сегодня переход от культуры монологической к «диалогу культур», философские основы которого заложены В.С. Библером. Он рассматривал процессы коммуникации как «со-деятельность», «со-творчество». В процессе культуротворческого диалога («студент-студент», «студент-педагог») создается особое информационное и интеллектуальное учебно-исследовательское пространство, в котором весьма эффективно рождаются не только новые научные идеи, но и новые ценности и смыслы деятельности, общения. В процессе культуротворческого исследовательского познавательного диалога происходит стремление личности к вечным, непреходящим ценностям познания – истине, творчеству, культуре и др.

В процессе экспериментального исследования были обнаружены возможные уровни самореализации

студентов в учебно-исследовательской деятельности.

Репродуктивно-стереотипный – самореализация студентов в учебно-исследовательских ситуациях осуществляется в соответствии с ранее освоенными алгоритмами деятельности и общения. Студенты постоянно обращаются к преподавателю за подробным разъяснением условий исследовательской задачи, алгоритма деятельности, стремятся к получению «быстрого результата» с наименьшими интеллектуальными затратами. Студенты не стремятся к овладению культурой учебного исследования, а следовательно, к совершенствованию личностной культуры в целом.

Адаптационный – студенты выполняют учебное исследование на основе разработанного преподавателем алгоритма. Этот уровень также предполагает отсутствие у студентов устойчивого стремления к личностно-ценностному самоопределению, самореализации и саморазвитию в учебно-исследовательской деятельности, заинтересованному освоению ее культурологических аспектов.

Творчески-рефлексивный - студенты, актуализируя свой личностно-ценностный, информационный, интеллектуальный креативный потенциал стремятся к ценностно-смысловому самоопределению и самоактуализации в учебно-исследовательской ситуации, моделируют ее научное и индивидуально-личностное смысловое пространство, а также вариативные способы ее разрешения. После завершения учебно-исследовательской деятельности студенты на основе рефлексии осуществляют ее анализ, осмысливают барьеры и возможные перспективы личностного развития.

Наиболее часто встречающимися барьерами в овладении студентами культурой учебно-исследовательской деятельности (в соответствии с рейтинговой самооценкой студентов и оценкой педагогов) является отсутствие у них:

- устойчивой личностно- смысловой системы ценностных ориентаций на творческую самореализацию и саморазвитие в учебно-познавательной деятельности в целом и учебно-исследовательской деятельности в частности;

- системы общенаучных и методологических знаний о культурологическом и содержательно-процессуальном потенциале исследовательского метода и учебно-исследовательской деятельности; процессов творческой самореализации и саморазвития личности;

- чувствительности к противоречиям, ощущение их внешней «заданности» условием учебно-исследовательской задачи и способности мыслить противоречиями;

- стереотипность мышления, учебно-познавательной деятельности, общения;

- интеллектуальной активности и продуктивности, инициативы на всех логических этапах учебно-исследовательской деятельности; стереотипность личностно значимых целей учебно-исследовательской деятельности;

- достаточного уровня общей и познавательной культуры.

В процессе вариативных дидактических экспериментов были выявлены уровни осмысления и преодоления вычлененных барьеров:

- пассивный уровень – барьеры осмысливаются лишь с помощью педагога применительно к конкретной учебно-исследовательской ситуации или задаче;

- экстенсивно-продуктивный – студенты способны к самостоятельному обнаружению барьеров применительно к конкретной учебно-исследовательской ситуации, но они не способны к систематизации их в личном опыте творческой учебно-исследовательской деятельности;

- интенсивно-продуктивный (креативный) – студенты способны видеть не только внешние, но и внутренние (личностные) барьеры творческой самореализации в учебно-исследовательской деятельности.

Таким образом, основными компонентами учебно-исследовательской деятельности являются:

- ценностно-смысловой;
- адаптивный;
- продуктивно-деятельностный;
- коммуникативный;
- рефлексивный;
- креативный.

Результаты учебно-исследовательской деятельности могут быть представлены студентами в соответствии с разработанными научными стандартами:

- тезисы;
- научная статья;
- популярная статья;
- устный доклад;
- реферат;
- творческий проект;
- творческое сочинение (эссе).

Для успешного поэтапного овладения студентами особенностями учебно-исследовательской деятельности в процессе аудиторной и самостоятельной работы могут быть использованы:

- система учебно-исследовательских задач и заданий, предполагающих самостоятельную формулировку студентами учебной проблемы, моделирование проблемного, исследовательского пространства с учетом накопленного индивидуального опыта творческой, исследовательской деятельности и личностных представлений о перспективах его развития;

- система проблемных ситуаций и исследовательских задач для проведения микроисследований в образовательных модулях учебной программы;

- исследовательские проекты, разрабатываемые студентами.

Перечисленные педагогические условия гарантированно обеспечивают овладение студентами культурой учебно-исследовательской деятельности и ценностное осмысление ими перспектив развития и саморазвития личностного интеллектуального, коммуникативного, креативного потенциала.

Е.Э. Турутина
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель КЮИ МВД России

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ОСНОВ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена актуальным вопросам интенсификации информационной подготовки будущих юристов, целесообразности обучения специалистов приемам и способам работы с компьютерной техникой.

Информация стала стратегическим продуктом, а использование средств ее обработки, важнейшим из которых является компьютерная техника, сделалось жизненно важной потребностью при решении задач. Общество, которое не сумеет решить задачи интенсификации информационного обеспечения, рискует безнадежно отстать от развитых стран.

Успешное решение задачи интенсификации информационного обеспечения требует коренного улучшения информационной подготовки будущих юристов. Только глубокие специальные знания могут обеспечить высокий уровень информационной культуры. Следует отметить, что компьютерная техника – очень серьезный помощник любого работника, выполняющего операции над информационными процессами, но она является только инструментом, повышающим и расширяющим возможности самого специалиста. Поэтому без качественного изменения подхода к содержанию, методам и способам обучения специалиста только от включения в процесс обучения компьютерной техники нельзя ожидать существенного скачка в области подготовки специалистов.

Кроме того, определяя формы и направления использования компьютерной техники в юридических вузах, необходимо обязательно учитывать сложившиеся и перспективные пути использования компьютеров и автоматизированных систем в практической юридической деятельности. Отечественный и

зарубежный опыт показывает, что электронно-вычислительная техника используется юристами для решения широкого круга задач, в частности, для подготовки, обработки и редактирования правовых документов; в качестве системы, обеспечивающей связь работника с удаленными абонентами вычислительных и информационных сетей; для выполнения математических операций при производстве различного рода расчетов; для ведения справочников и картотек; для ведения информационно-аналитической деятельности как по личным, так и по удаленным базам данных; ведения делопроизводства, осуществления контроля исполнения за сроками и деятельностью и др.

Как видно из сказанного, спектр сфер применения компьютерной техники в работе юристов достаточно широк. Уже одно это свидетельствует об актуальности и необходимости при обучении специалистов приемам и способам работы с компьютерной техникой.

Вузовская подготовка будущих юристов к использованию компьютерной техники должна осуществляться дифференцированно и, как правило, начинается с первой стадии подготовки – исправление пробелов школьного образования и обучение навыкам, соответствующим понятию грамотного пользователя. Говоря о дефектах школьного образования, следует иметь в виду, что школьные курсы основ информатики и вычислительной техники мало где читаются на должном уровне,

обычно не обеспечены в полной мере соответствующими средствами вычислительной техники. [1]

В понятие «грамотный пользователь» следует включать наличие у специалиста знаний о возможностях применения компьютерной техники в своей и смежных специальностях, навыков работы с различными стандартными комплектами технических средств и наиболее употребительными в его предметной области программными средствами.

Совершенно очевидно, что общие принципы и цели информационного обеспечения должны быть конкретизированы с учетом характера подготавливаемых специалистов и тех задач, которые они должны решать в своей практической деятельности. [3]. Этот аспект интенсификации информационного обеспечения должен находить свое отражение в учебных программах соответствующих учебных курсов. Одним из основных направлений следует считать корректировку учебных программ и тематических планов учебных заведений с внесением в них проблем интенсификации информационного обеспечения.

В настоящее время разработаны и приняты квалификационные требования к выпускнику юридического вуза, касающиеся овладения навыками и умениями использования компьютеров в профессиональной деятельности. Для реализации этой задачи в учебных планах подготовки студентов предусматривается определенный минимум компьютерного времени.

При этом предполагается, что выпускник юридического вуза должен знать: общее устройство и основные принципы работы компьютера; основы программного обеспечения; понятие, принципы построения и функционирования баз данных; сущность и содержание автоматизации процессов обработки правовой информации; задачи и структуру автоматизированных информационно-поисковых систем, особенности их создания и использования в сфере юридической деятельности; виды и назначение автоматизированных

экспертных систем; правовые основы использования компьютеров, автоматизированных информационных систем в социально-экономической и юридической областях; способы и методы борьбы с компьютерными правонарушениями.

К следующему шагу стадии подготовки специалиста можно отнести углубленные знания о комплектации, в том числе и нестандартными устройствами, компьютерной техники, о методах их эксплуатации для решения нестандартных задач в данной предметной области. Специалист, прошедший эту стадию подготовки, должен владеть методами разработки алгоритмов решения правовых задач, постановки задач для программирования в объеме, необходимом для практической работы в данной предметной области [4]. Полученные знания должны обеспечивать возможность специалисту самостоятельно при наличии необходимости изучить инструментальные средства, имеющиеся в применяемых им пакетах прикладных программ.

Завершающая стадия подготовки юристов должна обеспечивать его подготовку в качестве специалиста, занимающегося научной и исследовательской деятельностью в узких предметных областях.

Таким образом, основным направлением обучения студентов юридических вузов в области применения вычислительной техники является выработка навыков работы в условиях широкой информатизации общества с применением компьютеров, установленных на рабочих местах пользователей.

Вычислительная техника может быть широко использована (и используется) для обеспечения учебного процесса, активного обмена знаниями и данными в научной и исследовательской работе и других целей.

О применении компьютерной техники в научных исследованиях в юридических вузах следует говорить в связи с возможностью обработки с помощью компьютеров значительных объемов

статистической информации при проведении социально-правовых исследований. Быстрая обработка статистически значимых массивов данных непосредственно на рабочем месте исследователя-юриста без привлечения специалистов в области программирования, математиков, с помощью уже имеющегося программного обеспечения, безусловно, реальна. Подобные исследования могут проводиться с использованием персональных компьютеров в гораздо более широких масштабах криминологами, криминалистами и учеными других юридических специальностей.

В целом, видение одной из задач исследовательской работы студентов состоит в симбиозе решения задач по дисциплине и компьютерной обработке результатов аналитических и проектных действий. В качестве программных приложений используются программное обеспечение для оперативного и календарного планирования, компьютерные библиотеки, программное обеспечение для поиска и преобразования текстовой, графической и звуковой информации, системы управления базами данных и т.п.

Наличие персональных компьютеров может значительно повысить возможности кафедр вузов, которые, как правило, постоянно поддерживают в актуальном состоянии и пополняют собственные информационные фонды, содержащие большой объем специальных знаний, студенческих работ, дипломных проектов, рефератов и др.

Внедрение средств вычислительной техники в учебный процесс кафедр позволяет по-новому организовать систему межвузовских связей. Конкретными формами проявления таких связей может быть совместная разработка обучающих программ, форм и методов их использования в учебном процессе.

Соединение вузовских библиотек с фондами кафедр в локальные сети может обеспечить более высокое качество научных разработок, широкий и бесперебойный обмен научной информацией. Важным направлением внедрения вычислительной техники в юридических вузах является образование и поддержание в актуальном состоянии данных о текущем законодательстве. Информационно-поисковые системы имеют своей задачей быстрое получение справочной информации о действующих нормативных актах и у нас, и в других странах. Их использование не только обеспечит возможность студентам и профессорско-преподавательскому составу быстрый доступ к текущему законодательству для получения сведений справочного характера, но и даст возможность проведения научно-исследовательских работ.

Таким образом, высокий уровень информационной культуры и компьютерной грамотности участников образовательного процесса являются одним из основных условий совершенствования системы образования на базе новых информационных технологий, информатика превращается в элемент общей культуры, приобретения специалистами навыков в области информационной технологии для лучшей подготовки к жизни в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапчик М.П., Семакин И.Г., Хеннер Е.К. Методика преподавания информатики: учебное пособие. – М.: Академия, 2003.
2. Софронова Н.В. Теория и методика обучения информатике. – М.: Высшая школа, 2004.
3. Женило В.Р. Информатика и вычислительная техника в деятельности органов внутренних дел: учебное пособие / под ред. В.А. Минаева. - М.: ГУК МВД РФ, 1996.
4. Информатика в деятельности органов внутренних дел: учебник/ под ред. Г.И. Королева, А.Г. Куличенко.- Рязань: Рязанский институт права и экономики. 1997.

А.Ш. Кабирова

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

Э.З. Багманова

кандидат исторических наук,
научный сотрудник
КЮИ МВД России

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ОХРАНЕ ДЕТСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ТАТАРСТАНА)

Статья посвящена вопросам социальной политики в отношении детей и подростков в Татарстане в годы Великой Отечественной войны. Анализ архивных источников позволяет представить более целостную и объективную картину об основных направлениях социальной защиты подрастающего поколения в военный период.

Годы Великой Отечественной войны стали серьезным испытанием для всего советского общества. Жизнь многих миллионов людей в одночасье переменялась. Новые суровые военные реалии, связанные с такими явлениями, как мобилизация, эвакуация, резкое снижение уровня благосостояния граждан, коренным образом повлияли не только на взрослое население нашей страны, но в еще большей степени отразились на положении подрастающего поколения. Дети и подростки лишились привычной семейной атмосферы тепла, заботы и уюта, необходимой для формирования их физического и психологического здоровья.

В связи с новыми жизненными обстоятельствами государственные органы были поставлены перед задачей организации целостной системы социальной защиты несовершеннолетних, которая бы законодательно обеспечивала поддержание жизни и деятельного существования детей и подростков в условиях военного времени. Особенно пристально вопросы охраны детства

ставились и решались в тыловых регионах, т.к. здесь помимо вопросов улучшения положения детей, проживающих в своей местности, руководящим инстанциям приходилось также выполнять значительную работу, направленную на социальную адаптацию эвакуированных маленьких граждан.

Задачи сохранения жизни и здоровья детей, организации их обучения и воспитания, борьбы с беспризорностью и безнадзорностью чрезвычайно остро стояли и в тыловом Татарстане. В данной статье мы предлагаем рассмотреть основные направления проводившейся в республике социальной политики по охране детства, причем с акцентом на рассекреченные архивные документы. Научная актуальность такого подхода диктуется необходимостью преодоления утвердившихся в советской историографии штампов и стереотипов. Ранее авторы многочисленных работ по проблемам социальной защиты детей в военное лихолетье [1], скованные рамками идеологической конъюнктуры, освещали

накопленный в годы войны исторический опыт исключительно в позитивном плане. Хотя в архивах хранились и долгое время оставались невостребованными материалы другого рода, раскрывавшие негативные явления в жизни детей и подростков, связанные с недоработками или упущениями в деятельности партийных и государственных органов. В постсоветский период расширение источниковой базы подвигло исследователей к переосмыслению многих событий прошлого. В том числе были переоценены и «достижения» советского времени, связанные с осуществлением мероприятий власти по охране детства [2]. Включение в научный оборот неизвестных ранее материалов позволило во многом по-новому оценить уровень решенности изучаемых проблем и получить более полное и объективное представление о многомерности и неоднозначности происходивших в годы войны процессов.

Республика Татарстан, как и большинство восточных регионов, в военные годы являлась крупной тыловой базой страны. Сюда уже к середине августа 1941 г. прибыло 163 тыс. человек [3], а к весне 1942 г. число эвакуированных граждан достигло 266 тыс. человек [4]. Вместе со взрослыми эвакуировались и дети. Их число среди прибывших составляло 101432 человека [5]. 70% приехавших были в возрасте до 12 лет [6]. Они прибывали как с родителями, так и с детскими учреждениями – детскими домами, садами, пионерскими лагерями и т.п.

Для детей дошкольного возраста большое значение имела организация сети детских садов и яслей. Согласно официальным данным, за период с 1939 по 1945 гг. количество детей в детских садах Татарстана выросло с 23510 до 31340, а на детских площадках – с 67,8 тыс. до 73 тыс. человек [7].

Наиболее значительные усилия в этом направлении предпринимала администрация тех районов, где через открытие детских учреждений решался вопрос о привлечении на производство дополнительной рабочей силы в лице

женщин-домохозяек. Только за период летне-осенних работ 1942 г., по данным 48 районов, в республике дополнительно было создано 1314 яслей с охватом 51196 детей и 1352 площадки – на 53536 детей [8]. Такая же тенденция сохранялась и в последующие годы. Пресса военных лет охотно освещала подобного рода факты. Например, 18 июня 1943 г. «Красная Татария» писала: «В сельхозартели «Ударник» Арского района открыты детские ясли. Инициативу в этом деле проявили колхозные активисты, жены фронтовиков. Ясли размещаются в 2-этажном доме, оборудованы всем необходимым» [9]. Или 14 августа 1943 г. в заметке «Забота о детях фронтовиков» сообщалось: «В селе Березя Атнинского района открыт детский сад. Здесь воспитывается 30 ребят, отцы которых сражаются на фронте. Заведующая детским садом Манасыпова и воспитательница Садыкова с любовью ухаживают за малышами...» [10].

Вместе с тем далеко не все в этой сфере обстояло благополучно. Встречались и примеры обратного свойства. В отдельных районах республики состояние детских дошкольных учреждений не соответствовало элементарным гигиеническим и культурным нормам. Но факты негативного порядка средства массовой информации предпочитали не афишировать. Они отражались исключительно в отчетах в вышестоящие инстанции под грифом «секретно» и «строго секретно». Так, в докладной записке в Президиум Верховного Совета ТАССР, датированной маем 1944 г., приводились сведения о том, что в некоторых детских учреждениях Атнинского и Высокогорского районов из-за отсутствия повседневного контроля со стороны местных Советов, районных отделов здравоохранения и РОНО наблюдался «полный развал» работы: материально-техническая база яслей оставалась крайне тяжелой, во многих из них остро ощущалась нехватка детской мебели и постельных принадлежностей. Снабжение продуктами питания не выполнялось, часто выдавались

заменители продуктов. Например, вместо полагающейся нормы жиров в 144 кг на квартал для всех детских садов Атинского района в первом квартале 1944 г. было выдано лишь 105 кг, а во втором – 123 кг [11].

Конечно, руководство республики реагировало на такие ситуации. По указанному и аналогичным случаям принимались соответствующие меры. В постановлениях партийных и советских органов, как правило, предписывалось: «улучшить», «организовать», «наладить»... и т.п., но в условиях, когда у власти находились бюрократические структуры, положение исправлялось крайне медленно.

Не меньшего внимания требовали к себе и дети школьного возраста. Однако работа учебных заведений была затруднена в силу объективных обстоятельств. Уже в первые месяцы войны несколько десятков самых больших и лучших школьных зданий в Казани и в районах Татарстана были переданы под госпитали и эвакуированные предприятия и учреждения. В августе 1941 г. из 102 школьных помещений, имевшихся в Казани, в распоряжении городского отдела народного образования оставались лишь 58, из которых 14 до войны занимали средние и семилетние школы, остальные – начальные [12].

13 августа 1941 г. в целях обеспечения организованного начала нового учебного года Татарский обком ВКП(б) и СНК ТАССР разослали по районам республики директивное письмо, которым обязали райкомы ВКП(б) и исполкомы райсоветов депутатов трудящихся учесть всех детей школьного возраста, в т.ч. и эвакуированных. При недостатке школьных помещений рекомендовалось использовать для учебы здания клубов, домов культуры, изб-читален [13]. Но помещений все равно было недостаточно. Поэтому занятия нередко проводились в три смены, практически в неотапливаемых помещениях, в связи с чем дети часто и подолгу болели. По данным на 1 ноября 1941 г., по четырем районам Казани (Бауманскому, Ленинскому, Молотовскому, Кировскому) 1279

школьников не ходили на учебу [14]. Эти цифры возрастали за счет отсева учеников, не посещавших школу по причинам бытовой неустроенности, отсутствия необходимой одежды. Например, в средней школе № 12 Сталинского района только за два месяца, прошедшие с начала 1941/1942 учебного года, 118 учащихся перестали ходить на занятия, в средней школе № 18 Молотовского района – 108 [15].

С целью улучшения материально-бытового положения школьников в Татарстане был осуществлен ряд мер: создан фонд всеобуча, средства из которого использовались для обеспечения учащихся одеждой и обувью. На промышленных предприятиях организовывались воскресники, месячники помощи детям, открывались школьные столовые. Была возрождена традиция шефства над учебными заведениями. Значительное внимание уделялось укреплению здоровья детей в летний период. 12 мая 1943 г. было издано постановление СНК СССР о соответствующих мероприятиях, которое улучшило постановку отдыха детей в пионерских лагерях и увеличило количество отдыхающих в них. Для общей координации действий по этому вопросу в республике была образована специальная комиссия под председательством Б.С. Мулюкова.

Особой заботой руководства республики были эвакуированные дети. 27 августа 1941 г. Татарский обком партии обсудил постановление ЦК ВКП(б) от 22 августа 1941 г. «О детях, эвакуированных из Москвы и Ленинграда» и принял его к реализации. Горкомам и райкомам ВКП(б), председателям райсоветов депутатов трудящихся было поручено разместить детей в детских учреждениях и школах, снабдить их теплой одеждой, обувью, учебниками [16].

За время войны количество детских учреждений в ТАССР заметно возросло, преимущественно за счет эвакуированных детдомов и интернатов из других регионов. Сразу по несколько детских учреждений приняли Бондюжский (4

детдома), Верхне-Услонский (3), Елабужский (3), Красноборский (3), Набережно-Челнинский (4) и другие районы республики. В целом, количество детских домов в Татарстане увеличилось на 96 единиц. Если в 1940 г. в республике было всего 17 детских домов с численностью 2250 детей, то к 1945 г. количество детдомов возросло до 113, контингент воспитанников в них составил 11686 человек [17]. В основном это были осиротевшие дети, дети фронтовиков и матерей-одиночек.

В целом, местные органы власти приложили немало усилий для размещения эвакуированных детских учреждений и детей. На содержание детдомов лишь в 1943 г. дополнительно было выделено 34906 рублей, на текущий и капитальный ремонт помещений эвакуированных детских учреждений – 430674 рубля, на строительство и приспособление бань при них – 800 тыс. рублей [18]. Силами колхозов создавались специальные фонды для поддержки детей-сирот, организовывались подсобные хозяйства детских домов.

Условия содержания детей в детских домах были различными. В республике вполне успешно работали детские дома, где дети чувствовали себя в безопасности и находились в относительно благоприятных условиях. В качестве примера можно привести Займищенский детдом, «который благодаря активной работе директора практически полностью снабжался продуктами питания...» [19]. В заметке от 5 сентября 1944 г. центральная республиканская газета «Красная Татария» также как положительную характеризовала работу коллектива Кураловского детдома Верхне-Услонского района во главе с директором Москалевым, который «смог создать ребятам хорошие условия. Здесь семейный уют, дети ощущают отеческую ласку, ни в чем не нуждаются...» [20].

Но наряду с хорошо работающими детдомами в республике функционировали детские учреждения, в которых не соблюдались санитарные нормы, не выполнялись обязательные предписания и правила. Так, из архивных источников,

сохранившихся в фондах республиканских архивов, мы узнаем, что «большинство детских учреждений размещались в непригодных и непригодных для жизни детей тесных помещениях. Дети ютились в двух-трех комнатах площадью 1-1,5 кв. метра на ребенка вместо 4 кв. метров, установленных по нормативам». В связи с отсутствием мебели дети «вынуждены спать по двое и больше в маленькой кроватке», а из-за недостатка теплой одежды и валенок «не имеют возможности бывать на свежем воздухе в зимнее время». Во многих детских домах, домах ребенка и интернатах царил антисанитария, не было учебно-производственных помещений, бань. Не хватало белья, посуды. Например, в Заинском детдоме № 2 на 67 детей имелось всего 10 тарелок и 3 ложки, в детдоме № 50 Буинского района на 85 детей – 20 тарелок и 15 ложек [21]. И такая картина встречалась довольно часто.

Долгое время открытым оставался вопрос обеспечения детских домов и домов ребенка продовольствием. Однако благодаря целому ряду постановлений [22] он был решен. Детдома и интернаты должны были снабжаться по следующим месячным нормам: мясо и рыба – 1,5 кг, жиры – 500 г, крупа и макароны – 2 кг, сахар и кондитерские изделия – 750 г, молоко – 3 л, сыр – 200 г, картофель – 7,5 кг и яйца – 15 штук. Кроме того, предполагалась выдача дополнительных продуктов: 300 г сметаны, 300 г муки, 25 г чая, по 60 г кофе и какао, 400 г соли и 800 г сухофруктов. Но, несмотря на старания местных административных органов уделять снабжению детей в военный период первостепенное внимание, наряды на продукты отпускались с большим опозданием. Многие эвакуированные, а также местные детские учреждения месяцами не получали мяса, жиров и других продуктов. Например, из-за задержек и перебоев в снабжении продуктами питания детские учреждения Елабужского района в первом квартале 1943 г. недополучили 68% мяса и рыбы, 10% жиров, 52% круп и макарон, 44% сахара [23].

Существенным подспорьем для детских учреждений являлась помощь шефов. Так, в 1943 г. колхоз «Красный прибор» выделил в порядке шефства школьному детдому им. Тукаева 50 кг проса и 70 кг пшеницы, колхоз «Красный Дол» поставил 2 центнера картофеля. Значительную продовольственную помощь московскому интернату фабрики «Спартак» оказывали колхозы «Оборона» и «Красная Горка» [24]. И все же большинство детдомов и домов ребенка рассчитывали исключительно на средства местного бюджета и собственное подсобное хозяйство.

Из-за голода и отсутствия должного внимания дети уходили из детдомов. Только за 7 месяцев 1944 г. из детдомов сбежало 116 детей. Из них 24 – дети местного населения, подавшиеся к родственникам, 8 человек уехали к родителям в Москву, более 30 человек убежали, совершив преступления [25]. Причиной побега остальных детей стала невыносимая психологическая атмосфера, царившая во многих детских учреждениях. Дети страдали от недостатка и неорганизованности воспитательной и педагогической работы. Во многих детских домах катастрофически не хватало воспитателей, как, например, в детдоме № 35 Кзыл-Юлдузского района, № 20 Больше-Тархановского района, в Новомировском детдоме Билярского района и др.

Убежавшие дети, как правило, становились беспризорниками. Борьба с такими явлениями, как беспризорность и безнадзорность, в военные годы была объявлена важной частью государственной политики в области защиты детства. На основе постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1942 и 1943 гг., были созданы специальные органы, целью которых являлось решение вопросов, связанных с устройством детей, оставшихся без родителей. Комиссии, состоящие из представителей органов здравоохранения, народного образования, милиции и общественных организаций, должны были принимать меры по устройству выявленных беспризорных и остро нуждающихся безнадзорных детей в

детдома, в ремесленные училища и т.д. Кроме того, они занимались оказанием единовременной помощи, контролировали своевременное снабжение детских учреждений продуктами питания и т.д.

В борьбе с беспризорностью и безнадзорностью основную роль играла милиция. При отделениях НКВД открывались детские комнаты и приемники-распределители, куда временно помещали задержанных. По официальным данным, в 1944 г. в Татарстане имелось два таких приемника-распределителя: один – в Казани на 285 человек, другой – в Бугульме на 50 человек. Но фактически количество детей, временно в них размещаемых, доходило в Казани до 400, в Бугульме – до 200 человек [26]. После задержания принималось решение о распределении ребенка. Если родителей, родственников или желающих усыновить ребенка не находилось, то младенцев из временных приемников направляли в дома ребенка. Дети от 3 до 14 лет передавались в детские дома, а подростков постарше устраивали на работу на производство, в школы ФЗО и ремесленные училища, правонарушители отправлялись в трудовые колонии [27]. В дальнейшем воспитанием и судьбой ребенка или подростка занималась та организация, куда он распределялся.

Состояние дел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в республике характеризовалось следующими данными: в первом полугодии 1942 г. органами милиции было задержано 1224 ребенка, за тот же период 1943 г. – 1532, за 1944 г. – 8756 человек, из них беспризорных – 1061 и безнадзорных – 7695 [28].

Увеличение числа беспризорных и безнадзорных в военный период порождало проблему детской преступности. Дети из-за отсутствия надлежащего ухода и воспитания нередко попадали под влияние асоциальных элементов. Преступность среди несовершеннолетних в Татарской АССР оставалась высокой все годы войны. Так, за четвертый квартал 1942 г. и первый квартал 1943 г. подростками было

совершено 787 преступлений. К уголовной ответственности привлекли 993 человека, в основном в возрасте от 12 до 16 лет [29]. Наиболее характерными видами преступлений являлись кражи, спекуляции и хулиганства. За семь месяцев 1944 г. по республике было задержано 615 подростков, в том числе за кражу – 346, за убийство – 23, за грабеж – 59, за хулиганство – 23 и за прочие преступления – 164 [30].

В качестве основных причин детской преступности следует в первую очередь назвать социальные: экономический кризис в обществе, низкий уровень жизни, эвакуация огромных людских ресурсов, массовая нужда и голод, а также ослабление воспитательной работы в школах и училищах.

Особенно много безнадзорных и беспризорных детей задерживалось на городских рынках. Многих сюда гнала нужда. На рынке Казани даже имелось специальное место, где торговали исключительно школьники, в основном тетрадами, книгами, карандашами, бумагой и т.д. Здесь же совершалось наибольшее количество краж. За один только день на городских рынках в руки милиции «попадало» около ста учащихся. Но, нередко из-за недостатка времени, даже в случае задержания нарушителей отпускали. К ним применялись в основном административные меры. Отсутствие более серьезных санкций со стороны правоохранительных органов приводило к тому, что подростковая преступность продолжала сохраняться [31].

Одной из самых эффективных форм предотвращения детской преступности и предупреждения беспризорности и безнадзорности детей в военные годы стало возрождение института

патронирования, по которому дети передавались на воспитание в семьи. Государственные инстанции уделяли этому вопросу повышенное внимание. При исполкомах Советов создавались соответствующие комиссии. Комсомольские организации проводили беседы с детьми, занимались с ними. Благодаря таким мерам в 1943 году в Татарстане было усыновлено 200 сирот [32], в 1944 году – 245 детей и охвачено опекуном 507 человек [33]. Работа с беспризорниками проводилась весь военный период.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны социальная защита детей являлась весьма актуальной и насущной проблемой. Государственная политика была направлена на улучшение воспитательных, учебных и оздоровительных мероприятий, касающихся несовершеннолетних. Преодоление негативных тенденций, стабилизация положения детей и создание реальных предпосылок для дальнейшей положительной динамики – вот основные вопросы, которые приходилось решать в годы военного лихолетья. Благодаря совместной деятельности партийных и советских органов, представителей милиции, отделов просвещения, соцзащиты, общественных организаций поставленные задачи были в основном выполнены, однако отсутствие четкого распределения приоритетов при реализации в республике социальной политики по охране детства, а также несоответствие некоторых принятых постановлений реальным возможностям тылового региона не позволили в полной мере добиться разрешения так называемой «детской проблемы» в Татарстане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каплин В. О них заботится Родина (О шефской помощи детям погибших воинов). М., 1947; Ковригина М.Д. Забота государства о матери и ребенке. М., 1946; Краснопольский А.С., Свердлов Г.М. Охрана прав матери и ребенка в СССР. М., 1951 и др.
2. Зезина М. Без семьи // Родина. 2001. № 9; Нечаева А.М. Охрана детей-сирот в России. (Истории и современность). М., 1994; Рокутова О.А. Социальная защита детей и подростков в Среднем Поволжье в 1941-1950 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008 и др.
3. НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3635. Л. 26.

4. Народное хозяйство ТАССР: Стат. сб. Казань, 1957. С. 160.
5. Татарстан в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Казань, 2000. С. 174.
6. НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 508. Л. 186.
7. 25 лет Татарской АССР (1920-1945). Казань, 1945. С. 87.
8. ЦГА ИПД РТ (Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан). Ф. 15. Оп. 5. Д. 623. Л. 96.
9. Красная Татария. 1944. 18 июня.
10. Красная Татария. 1943. 14 августа.
11. НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 317. Л. 56.
12. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 22. Д. 376. Л. 26.
13. Культурное строительство в Татарии: 1941-1970: Документы и материалы. Казань, 1976. С. 33.
14. Красная Татария. 1941. 7 декабря.
15. Там же.
16. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 22. Д. 82. Л. 5.
17. 25 лет Татарской АССР... С. 86-87; НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 323. Л. 18.
18. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-339. Оп. 1. Д. 882. Л. 2; НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 323. Л. 18.
19. НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 425. Л. 35 об.
20. Красная Татария. 1944. 5 сентября.
21. НА РТ. Ф. Р-3959. Оп. 1. Д. 641. Л. 106 об.
22. См.: Постановление СНК СССР № 942 от 1 сентября 1943 г., приказ НКТ СССР № 427 от 16 сентября 1943 г., Постановление СНК СССР № 2744 от 27 октября 1945 г., приказ НКТ СССР № 415 от 12 ноября 1945 г.
23. НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 60. Л. 58.
24. Там же. Д. 13. Л. 9-10.
25. НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 425. Л. 34.
26. Там же. Л. 28 об.
27. Зезина М. Указ. соч. С. 83.
28. НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 425. Л. 25 об. ; НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 60. Л. 54.
29. НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 60. Л. 55.
30. НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 425. Л. 25 об.
31. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 146. Л. 102-104.
32. НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 323. Л. 18.
33. НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 60. Л. 52.

Р.Ф. Набиев

кандидат исторических наук, доцент
кафедры криминалистики КЮИ МВД России

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРАХ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

На территории Восточной Европы выявлено значительное количество топонимов, которые определены как тунгусо-маньчжурские, либо могут быть отнесены к ним. Однако историки и этнографы редко учитывают присутствие тунгусо-маньчжур в Европе. Труды, обобщающие сведения древних источников, посвященные этой проблеме, не издавались. В данной статье приводятся прямые и косвенные письменные свидетельства средневековых авторов о народах, имевших тунгусо-маньчжурское происхождение.

Российские маньчжурологи еще на рубеже XX века обратили внимание на поразительное сходство ряда дальневосточных и восточноевропейских гидронимов.

Одним из первых обратил внимание на поразительное сходство гидронимов Дальнего Востока и Приморья с названиями водоемов европейской России А.В. Гребенщиков. Он, в частности, сопоставлял с европейскими такие тунгусо-маньчжурские гидронимы, как **Ангара, Ильмень, Уфа, Самара**. Впоследствии специалистами по ономастике на территории восточно-европейской части были выявлены названия рек, которые могли иметь тунгусо-маньчжурское (ТМ) происхождение.

В 40-50-е годы топонимы и гидронимы тунгусо-маньчжурского типа в Восточной Европе выявляли А.И. Попов, М. Рясянен, Б.А. Серебренников, Г. Василевич, А.К. Матвеев. Тунгусо-маньчжурские топоформанты в Закавказье выявила на несколько лет ранее автора данной работы филолог Р.И. Куряева. Результатом глубоких исследований стало выявление маркерных ТМ-гидронимов, которые широко распространены на пространствах Восточной Европы (Матвеев 2001, Набиев 2007, Хелимский 2007, 2008 и др.).

Выяснилось, что ряд европейских языков содержит термины, которые можно оценивать, как тунгусо-маньчжурские и маньчжурские заимствования. Отмечается, что в начале XX века одним из первых

зарубежных исследователей вышел на проблему соответствий целого корпуса терминов маньчжурского и европейских языков Дж. Эдкинс (J. Edkins). Он, в частности, отмечал, что **«сходство маньчжурского языка с европейскими языками безгранично»**. Он же был одним из первых, кто применял его в этимологии английских терминов.

Маньчжурский элемент, наряду с монгольским, в чувашском языке выделял О.И. Сенковский (Сенковский 1859). Это его положение находит дальнейшие подтверждения в последующих разработках. В наше время периодически выходят на тунгусо-маньчжурские и «китайские» следы в языке и культуре чувашские ученые. Н.И. Егоров даже заявлял о **«поразительном сходстве примеров тунгусо-маньчжурских языков (в особенности эвенского) с чувашским»** (Чернов 1981: 90). На какие-то следы тунгусо-маньчжур выходил этнограф из Башкортостана Н.В. Бикбулатов: **«...они (башкиры – Р.Н.), по-видимому, имели контакты с предками современных ... монгольских и тунгусо-маньчжурских (эвенки – Б.Н.В.) народов»** (Кузеев 1985: 241).

Однако вопрос о том, **какие народы древности Европы могли пользоваться ТМ-языками до сих пор остается открытым.**

Между тем, письменные источники содержат довольно обширный объем прямой и косвенной информации. Мы сгруппировали некоторые сведения о

народах, которые ранее указывались китайскими историками в составе *дун-ху* («восточных варваров»). Почти все племена из общности *дун-ху*, оставшиеся в регионе, в разное время проявили вою маньчжуроязычность. (некоторые вошли в корейскую общность). Маньчжуроязычность народов *мохэ* и *чжурчжэнь* установлена давно и не вызывает сомнений. Мы полагаем, что народы, проникавшие в Восточную Европу с востока и обладавшие этнонимами, зафиксированными ранее у общности *дун-ху* могли быть носителями маньчжурского языка.

Античный период. Целый ряд терминов ТМ-типа, применявшихся в античных источниках, на наш взгляд, создает основу для работы в направлении поисков древнейших контактов праманьчжур с народами Средиземноморья. Более того, применительно к Восточной Европе в этот период различные авторы (Птолемей, Аммиан Марцеллин, Дионисий, Исидор, Геродиан, Маркиан и Евстафий Солунский) указывают маркерный ТМ-ороним *Алан(ь)/«Алинь»*.

Одним из наиболее древних терминов, которые можно отнести к маньчжурскому типу, мы считаем этноним, употребленный Геродотом по отношению к союзникам скифов – *будинам*. В них некоторые из особо смелых историков считали возможным видеть предков славян. Учитывая, что славянами со временем стали считать себя большинство ранних народов Восточной Европы, то подобную постановку вопроса нельзя считать неверной. Но маньчжурский язык позволяет весьма определенно толковать этот термин, при полном соответствии с обстановкой и контекстом произведения.

Итак, *будины* (маньч.) – ‘окраинные’. Семантика (смысл) термина весьма органично вписывается в канву повествования и характеристику наиболее отдаленных союзников скифов [1].

Усуни. Одно из объединений «варваров» ушедших (от Китая) на запад. Одна из старейших теорий о происхождении руси принадлежит китайской школе. В гл. 30, т. IV известного труда Хэ Цю-гао

«Шофанбэйчэн» (написан в 1851 г., опубликован в 1881 г.) содержится «Исследование о племени усунь». Его автор развивает точку зрения, высказанную в китайской литературе еще в монгольскую эпоху Ван Хуем и Юй Тан-цзя., о том, что усунь являются предками русских. В частности отмечается, что усунь, ушедшие на запад впоследствии назывались *Олоса* [2]. Ван Цю-цзянь в «Юйтанцзяхуа», Ян Бинь в «Любяньцзилио» говорит: «Алосы также пишут Олосы, это лоча (русские)» (*Кюнер* 28.02.2008).

Примечательно, что в «Дафтари-Чингыз-намэ» упоминается знатный тюркский(?) род *уйшун*. Подразделения *усунь* выделяются у казахов и башкир. Примечательно и то, что в составе тюркских народов (в частности, у киргизов) упоминались рода с названиями схожим с этнонимами «восточных варваров»: *усон*, *окчу*, *кёкюлё* (*когурё?*), *бугу*, ... (*Абрамзон* 1946: 123-132).

Имеются некоторые основания полагать, что некоторые из ТМ-языков (наряду с иными) использовались в гуннском союзе, аварами, булгарами...

Гунны. В 1917 г. накануне революции в России П.Н. Меньшиков без указания фамилий ссылаясь на мнение ряда ученых о том, что в состав гуннского объединения входили не только тюрки и монголы, но и «тунгусы и китайцы». О наличии тунгусо-маньчжурского элемента в составе гуннского объединения писали в 30-х годах. Как о чём-то общеизвестном упоминал в середине XX века о кочевниках-маньчжурах в степной зоне Восточной Европы другой эмигрант - «евразиец» Г.В. Вернадский. Бувье Морис Ажан также ссылаясь на чью-то версию о «западных маньчжурах» в составе гуннов (Бувье-Ажан Морис 2003).

И в самом деле, при ознакомлении с китайскими хрониками, обращает на себя внимание, например, тот факт, что гунны находились на пике могущества, когда им подчинялось мощное объединение «восточных варваров» *ухуаней* и, напротив, они потерпели поражение и были раздроблены и вытеснены, когда ухуани

вновь стали их врагами. То есть, как минимум одно из крупных народов из состава гуннов относился к «восточным варварам» (дун-ху) - ухуани.

Булгары. В настоящее время предполагается, что уже в гуннский период булгары пользовались тюркским языком. Однако в одном из самых первых упоминаний о булгарах Захария Риторы (Сирия 556 г.) они указываются проживающими «со своим языком». Это соотносится со свидетельством Ибн-Якуба приведенным в «Книге росписи наукам», ориентировочно датируемой 987 годом. В ней автор указывал информацию, ранее считавшуюся нонсенсом: «...булгары и нуббат (тибет) употребляют письмо китайцев и мани (маньчжур – Р.Н.)... тюрки шлют знаки, вырезанные на расщепленных стрелах». То есть, в источниках имеются сведения о нетюркском языке, применявшемся ранними булгарами [3]. Примечательна также их близость с аварами, подмеченная византийскими хроникерами.

Авары. Наследниками гуннов представлялись в Европе авары (*жужжани, вархониты, западные гунны*). Мы не можем не отметить фонетической близости китаезированных этнонимов *жужжань* и *жучжэнь* (чжурчжэнь) [4] – обозначением авар в китайской исторической традиции. Напомним, что первым проблему следов ТМ компонента в аварской терминологии на международный уровень поднял Е.А. Хелимский, в частности, утверждавший: «...вновь полученные данные, существенно усиливая базу аргументации, позволяют отдать решительное предпочтение тунгусо-маньчжурской версии происхождения языка ранних аваров в сравнении с предлагавшимися в прошлом и распространенными в литературе тюркской и монгольской версиями. После пересмотра (и «радикализации») в этом плане основные тезисы автора можно сформулировать следующим образом:

доминирующим языком Аварского каганата во второй половине VI в. или даже единственным языком его правителей был язык тунгусо-

маньчжурской группы, который обнаруживает достаточную близость пратунгусо-маньчжурскому состоянию и одновременно специфическую близость более поздним маньчжурскому и чжурчжэньскому языкам» [Хелимский 2007, 2008].

Кидани. Наиболее надежно зафиксированным этническим образованием с маньчжурской составляющей в Средней Азии были кидани (Кара-кидани, Западное Ляо). Несмотря на то, что большая часть ученых относит их к монголам, тем не менее, даже они практически единодушно учитывают сильнейшее ТМ-влияние. Если же монгол рассматривать как ветвь маньчжурской общности, предмет дискуссии почти исчезает. Некоторые исследователи (Е.Х. Паркер, В.В. Радлов и др.) считали маньчжурский элемент определяющим в киданьской культуре.

ТМ элемент в киданьском сообществе выявляется при сопоставлении со сведениями об объединении *шивэй*. «Старая танская история» пишет: «*Шивэй — особый род киданей, особое племя киданей, на северной границе дунху...*». «Новая танская история», дополняет: «*Их язык есть язык мохэ*» [5]. «На север находятся восточные шивэй. Это остатки ухань (или увань [6]), живших на юго-восточных окраинах» (Кюнер). Немаловажным, в этом свете, нам представляется тот факт, что термин *хидэни* – применяется гольдами в качестве самоназвания и сохранился до конца XX века.

Кидани могли проникать в Восточную Европу. По всей видимости, на болгарские земли маньчжуроязычные народы проникали неоднократно. Об одном из таких проникновений в начале XII в. повествует «Шаджарат ал-Атрак»: «... **Кара-Хатаи**... почему-то взбунтовались против своих государей и убежали оттуда и перешли в земли киргизские... потом и там не смогли ужиться, перешли в землю **Идиль**, основали там город, поселились в нем, стали возделывать землю... население возросло до 40 000 семейств. В то время государь **Джурчита**

(чжурчжени – Р.Н.) вел большую войну с государем *Кара-хатайским*... (Абул-Гази 1854: 46-47).

В этом отношении примечательно, что в городище, оставшемся на месте предполагаемого города (Итиль? Саксин?), в постройках домонгольского периода обнаружено кановое отопление, которое считается одной из основных отличительных черт маньчжурского домостроительства. Оно зафиксировано в Итиле-Саксине, сохранялось и в Сарае и в татарской Астрахани [Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. 2003; Зиливинская Э.Д., 2009. С.379]. Автором отмечается, что некоторые из захоронений соответствуют обряду похорон знатных чжурчженей, описанных в «Аньчунь гурунь» [Золотоордынское наследие. 2009. С. 436-444].

Заслуживает внимания и тот факт, что город стоит на одном из основных в прошлом ответвлений Волги, которое, кроме русского названия, сохранило и маркерный ТМ гидроним *Бирюль* (Зиливинская 2005: 42-54) [7].

Топонимы, свидетельствующие о том, что *кытай* и *кара-кытай* родами входили в состав тюркских объединений сохранились в Восточной Европе вплоть до Молдавии (Баскаков 1964: 46-51).

Бохай/мохэ. Применительно к вышеупомянутым китайским сведениям о западных маньчжурах можно рассматривать вопрос о народе *мукри*, часто упоминаемом в связи с борьбой тюрков и монгол за господство в Степи.

Интересно, что этноним *мукри* встречался и восточнее собственно китайских земель – в Маньчжурии, причем, с интереснейшими вариантами – *мохэ* (Бохай), *мучи*, *мокко* [8]. Л.Н. Гумилев (по Н. Бичурину) трактовал подобные сведения китайцев следующим образом: «...лесные *маньчжурские племена мукри (мохэ), которые также приравнялись к чжурчжэням*». О воинственных *мукри* упоминал уже в Европе Фиофилакт Симокатта, полагая их близкими к *таугастам* (Фиофилакт Симокатта 1957: 160) [9]. Одно время они

упоминались в составе *тюргешей*. Л.Н. Гумилев нашел схожую информацию у Абул-Гази, Плано Карпини и в китайской истории «Мин ши». Он же приводит мнение Е. Шаванна о том, что *мукри* относятся к той *тунгусской группе*, которая именовалась китайцами *мохэ*. В китайских источниках VII века *мукри* указывались в Средней Азии.

«*Мукрины тесно соприкасались с западной границей империи Вэй на восточных отрогах Тянь-Шаня и Бейшаня. По-видимому, г. Мохэ, находившийся между Гученом и Урумчи, назван так по имени обитавшего здесь племени. Вытесненные карлуками из долины р. Или, мукри удержались на южной окраине своей области в северных отрогах Тянь-Шаня*». Особо интересно примечание Л.Н. Гумилева о какой-то связи *мукри* и *абаров*, которых он почему-то упорно отделял от авар (Гумилев 1967: 344).

Рашид ад-Дин еще в XIV в. утверждал, что племя *мукрин* [10]/*бакрин/кабрин* проживающее в Уйгуристане, «не монголы и не уйгуры». Он отмечает, что, по легендарной родословной от Огуз-хана, они близки по происхождению к *кераитам, найманам, онгутам, тангутам и киргизам* (Рашид эд-Дин 1858: 129) [11]. Богатыри племени *бахрин* упоминаются Йезди и Самарканди в ходе описаний катастрофических войн Тохтамыш-хана и эмира Тимура в XIV в. [Храпачевский 2003].

Исследования советских и современных монгольских и бурятских ученых, основанные на монгольских, бурятских и китайских произведениях, родословных, этнографических данных и топонимике позволяют им утверждать о заметных ТМ включениях в тюркские и монгольские средневековые союзы.

Жестокое противостояние Чингиз-хану на этапе становления его державы оказывало объединение *меркитов*. Оно было разгромлено, а пленные распределены среди монгольских оттоков. Весьма интересен вывод специалистов о том, что термин *меркит* является множественным числом от *мекрин*. При

этом в подтверждение правильности своего вывода исследователи приводят свидетельство того же Рашид ад-Дина о единстве этнонимов *мекрин* и *меркит* и *бекрин*. Причем, предками части мукри некоторые ученые считают вышеупомянутых ухуаней (Цибикдоржиев 2008: 270, 273).

Л.Н. Гумилев нашел схожую информацию у Абул-Гази, Плано Карпини и в «Мин ши». Он же приводит мнение Е. Шаванна о том, что *мукри* относятся к той тунгусской группе, которая именовалась китайцами *мохэ*.

В монгольское время еще существовали и вышеупоминавшиеся *мукри/ букри* в Средней Азии. Схожие этнонимы (*мука-ли*) упоминаются в докладах китайцев [Грум-Гржимайло 1894]. Их земли относились к уделу Хайду, внука Угедэя, затем вошли в улус Чаготая, а после его падения входили в состав Империи Джучидов («Золотой Орды»). По всей видимости, это они упоминаются в источниках как *бахрин* [12]. Их основная масса в XIV в. составляла оппозицию «узбекам» (тогда - войскам «Золотой Орды»).

Но, выясняется, что анклав этого подразделения еще долго существовали и в западном крыле Империи Джучидов и Западной Болгарии. В частности в болгарской истории известен правитель Никола *Мокри* и его «род *мокри*» (Табов 2000:123). Длительное время в западном крыле упоминается род (племя) *борын*. Со временем оно стало одним из влиятельных родов Крымского ханства. Примечательно, что, несмотря на свою мощь и авторитет, которым оно пользовалось в Крымском ханстве и оно, кажется, не упоминается в ранних свидетельствах (начала становления Монгольской империи и «Золотой Орды»). Объяснение этому нашлось в польских источниках. Стрыйковский дает его более четкое славянское написание – *bukrinowscy* (Смирнов 1887: 224). Очевидно, что это известный в истории и ранее встречавшийся нам маньчжурский этноним *mukrin / bukrin*.

То есть, подразделения этого древнейшего дальневосточного народа

(относившегося к маньчжуроязычным «восточным варварам») входили особым элементом в состав булгар, монгол, татар. Этот же этноним был зафиксирован Р.Г. Кузеевым и среди башкирских родов (Кузеев 1974).

Монголы. Маньчжурами они считались родственным народом. В науке высказывалось мнение о том, что монгольский язык и общность завершили свое формирование лишь при Цзиньской династии (XII-XIII в.). Письменные данные позволяют делать подобные предположения. Кроме широко известного монгольского языка, знать монгольской империи использовала т.н. «письменно-монгольский язык», который, проявляет еще большую близость к маньчжурскому. Известно, что монголы включали в свои войска значительное количество сдававшихся им киданей, чжурчженей и родственников им народов. (Храпачевский 2003, 2009). Чингисхан не только женил детей на чжурженских принцессах, но и сам имел сына Чжурчетая («чжурчженец»).

Особые отношения чингизидов с маньчжурами отражались в династических связях и позднее. Так, в династических таблицах джучидов «Муизз ал-ансаб...» отмечалось, что одна из первых жен Джучи была маньчжуркой и, по всей видимости, царского рода: «Султан-хатун из племени *имен*» [13], *мать Берке*, Беркечара и Буре (Храпачевский 2003: 437).

Примечательно, что термин *Бэркэ* также может быть переведен как «смелый». Если его имя имеет маньчжурское происхождение, и влияние материнской культуры было, действительно, велико, то это обстоятельство способно прояснить неприязнь к нему некоторых «чистых» братьев [14] и резкий поворот в его политике, выразившийся в отходе от язычества (и от опоры на старую знать), принятии ислама, строительстве новой столицы.

Маньчжуры и чжурчжэни. Самоназвание – *мани*. Одним из наиболее архаичных сведений о происхождении и соотношениях народов можно считать родословную «от Яфета», которая приводится во многих европейских и

азиатских хрониках. В некоторых из них (например, Абул-Гази, по П. Рычкову) в долине между реками Итилем и Яиком (Волгой и Уралом) наряду с Турком, Гарасом (газар?), Саклапом и Русом проживал и некий *Маникан*... Учитывая, что эти псевдопредки указывались в качестве зачинателей народов, то народ *Маникана* должен был в своем названии содержать значимую для нашей темы морфему *мани*.

Это свидетельство, в свою очередь, позволяет обратить большее внимание на эпизод из подлинного списка этого произведения, который ранее воспринимался нами как курьезная описка. В ходе архивных изысканий мы ознакомились с правленным и сверенным Г.С. Саблуковым и В.Г. Тизенгаузенем вариантом списка «Шаджарат ал атрак» Абул Гази. Рукопись озаглавлена: «Родословная Джучидов: история потомков Джучи-хана, царствовавших в Дешт-Кипчаке, написанная Абулгази. пер. Г. Саблукова». Текст, описывающий завоевания монгол в Восточной Европе содержит следующее предложение: «*Бату хан завоевал манджаров, башкурдов, русь, корелу и немцев*» (АСФИБ РАН: Ф.52. Оп.1. Д.14. Л.80).

В тексте книги этот этноним был «исправлен» на более приемлемое *мажары*. О том, что подобный этноним существовал реально может свидетельствовать древнее название одного из кварталов резиденции шаухалов Тарковских – *Манчараул* (Алиев 2009: 393).

Эвлия Челеби (сер. XVII в.) в числе наиболее значимых племен (родов) крымских татар называл *мансур* (Челеби 1961: 62;192). Оно же упоминается и у других путешественников. Об «эмирах поколения Мансур» упоминает также безымянная крымско-татарской летопись. Мы считаем в принципе невозможной арабскую этимологию этнонима, в свете которой, по всей видимости, его и зафиксировал идеолог газавата. Более вероятным нам представляется именно этноним *маньчжур*, который на тюркской

почве мог принять более удобные для исламской ментальности формы.

В Восточно-казахстанской области в 1925-м году еще фиксировался казахский род *чурчеит* (Аманжолов 1997: 37). Именно так называли монголы чжурчжэней. В европейской части было зафиксировано западнобашкирское племя *уваныш (маньш)* (Кузеев 1974). В регионе его былого обитания ТМ-топонимия представлена.

По всей видимости, некоторые из вышеперечисленных народов отдельными подразделениями вошли в состав средневековых татар.

Татары. Специалистами по китайской историографии отмечается, что в произведении «У-дай ши» отмечается, что одно из подразделений тата(р) «происходящее от *мохэ*» [Храпачевский 2009: 80]. В этом отношении некоторую определенность приобретает «странное» упоминание Махмуда Кашгарского о двух языках татар. Примечательно, что до начала XX века среди собственно китайцев (хань) было принято называть «оккупантов» маньчжур словом «татал» (татар).

Обобщая наиболее значимый фактический материал, можно констатировать следующее:

1. В составе тюркских народов длительное время сохранялись рода (колена) со схожим на этнонимы «восточных варваров» звучанием: *окчу, кёкюлё (когурё?), бугу, усон*... (Абрамзон 1946:123-132). Некоторые из этих этнонимов существуют до сих пор как названия подразделений тюркских народов.

2. Исследователями выявлено значительное количество параллелей среди этнонимов тунгусо-маньчжур и других «алтайцев» (Василевич 1946). В числе наиболее значимых племен (родов) крымских татар называл *мансур*. В составе татар-«липка» отмечался этноним (*bukrinowscy*) (Смирнов 1887: 224), который, вероятно, является славянской интерпретацией древнего этнонима *mukrin/bukrin*. Род *чурчеит* фиксировался у казахов [Аманжолов 1997: 37], племена

меркит и *усунь (усингир)* – у башкир, род *катай* – у многих тюрков (Кузеев 1974: 49, 50, 53, 62-62).

3. В описаниях боевых действий проводимых силами Империи Джучидов неоднократно встречаются также антропонимы *Тунгуз*, *Чурчетай*, *Мухали* и др., в том числе и знати из дома Бату. Целый ряд имен средневековой знати (*Гован*, *Мамай*, *Идегей* и пр.) не может быть убедительно этимологизирован с позиции современных языков. В то же время обращение к ТМ-языкам способно дать в распоряжение исследователя дополнительную информацию.

Таким образом, упоминания в источниках народов, племен и родов, которые относились, либо могли относиться к ТМ-общности, нередки.

Безусловно, не все из приведенных сведений одинаково ценны. Конечно же, они требуют дальнейшей тщательной проработки. Однако мы полагаем, что совокупность вышеприведенных сведений письменных источников (с учетом

археологических и топонимических данных) может свидетельствовать о длительном присутствии различных ТМ-народов в Восточной Европе в эпоху средневековья.

Кроме того, появляются основания для исследования проблемы надежного выявления их в более ранний период.

Этот вывод, в свою очередь, имеет прикладное значения для смежных исследований.

Предположение о неоднократном проникновении на территорию Восточной Европы различных народов, которые возможно относить к ТМ языковой общности, позволяет, например, объяснить фонетическое разнообразие однокоренных ТМ гидронимов выявляемых в разных концах Европы.

Вычленение родов ТМ происхождения в составе тюркских и монгольских объединений позволяет, также, объяснить тюркский облик ряда маркерных маньчжурских гидронимов Восточной Европы (Набиев 2007).

ЛИТЕРАТУРА

1. Примечательно, что значение термина совпадает с позднейшим обозначением византийцами «северных варваров» - *антов*, название которых может быть переведено с древнегреческого как «окраинные». Наша трактовка этнонимов *будины* и *анты* совпадает с позднейшим польским обозначением народов того же региона - *украинцы*.
2. В китайском языке фонема R, как правило, заменяется L.
3. Подобного рода указания имеются и в иных источниках, имеющих различную степень надежности.
4. *Жуаньжуань*, *Жоужуань* Возможность подобного сопоставления подтверждается специалистами по древнекитайским иероглифам.
5. *Мохэ/Бохай* – маньчжуроязычный народ и государство, «официальный» предок маньчжур.
6. При учете изменений правил прочтения иероглифов, ряд этнонимов «восточных варваров» читается как *ейвен*, *юйвен*, *имен...* Тем самым они проявляют близость к известным этнонимам *эвен* и *имен*.
7. Топоним Саксин также находит себе должную этимологию. Китайские источники ранее писали о восточной «стране *Суксин /Сушэнь*, [и ее жители] прекрасно стреляют из лука и, целясь в людей, не знают промаха... сами они часто на кораблях совершают грабительские набеги на соседние страны» [Чэнь Шоу. www.vost.lit. 28.02.2008]. Населенный пункт Саксин фиксировался на картах Маньчжурии.
8. В прочтении пр. Тории (Япония). В 1252 г. Монголы еще воевали с Михрин на востоке [9, т.3. с. 189], но по китайским данным не ясно: местность это или народ. Р. Храпачевский полагает, что город.
9. Существует мнение, что под таугастами следует понимать народ *тоба*. Мы считаем, что нельзя исключить и *тобгач*, как называли тюрки Китай династии Тан и их знать, происходившую из Степи.
10. Примечательно, что представители знатного рода Мокри еще в XII в. занимали трон в Черноморской Болгарии.
11. Примечательно, что подобная «странная» группировка родства совершенно неприемлема с позиции современной этнографии. Однако информация древних нередко оказывается поразительно точной, когда выявляются их архаичные связи.
12. Был известен и «монгольский» хошун *Бага-Барин*. Род *бахарин/барин* считался одним из древнейших среди монгол. Два их полка, согласно Леонтьеву в XVIII в. еще входили в состав кадровых маньчжурских войск.

13. Тюркское наименование маньчжур. При этом следует помнить и то, что сам Джучи всю жизнь прожил с «клеймом» меркитского (мукри) происхождения.
14. Некоторое время до воцарения нового кагана он управлял всей Монгольской империей, но совершенно не имея монгольской крови, вряд ли мог рассчитывать на поддержку монгольской элиты.

Ю.Ю. Бурмистрова

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник ОН и РИО
КЮИ МВД России

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются многомерность и неоднозначность понимания культуры в отечественной и западной науке, анализируется дискурс постмодерна с точки зрения деконструкции и децентрации. Дается оценка постмодернистской идее демократизации культуры, отказу от трансцендентных идеалов, присущих модернистскому искусству. Автор затрагивает проблемы развития культуры, имеющего поливариантный характер. Культура рассматривается как предельно изменчивая, самоуправляемая и самонаблюдаемая система, гибко адаптируемая к влияниям со стороны общества, в котором функционирует.

Сложность и многоплановость содержания понятия культуры обуславливает неоднозначность ее толкования в научной литературе. Это представляется вполне естественным, учитывая многогранность этого явления.

В западной науке существует традиция, согласно которой невозможна определяемость таких феноменов, как культура, художественная культура, искусство и произведение искусства (М.Вейц, В.Кенник) [1]. Западные ученые исходят из открытости структуры этих понятий, постоянной изменчивости, основанной на появлении новых культурных форм и направлений. Соглашаясь с такой трактовкой искусства и произведений искусства, мы, тем не менее, не можем согласиться с тезисом о невозможности определения этих понятий, поскольку, если факт изменчивости изучаемого явления исключал бы возможность его определения, то многие гуманитарные науки – социология, философия, социальная антропология и т.д. – вообще не могли бы определить свои объекты, поскольку они имеют дело с постоянно изменяющимися явлениями, такими, как общество, культура, человек.

В отечественной традиции культура трактуется как объективная данность, результат деятельности субъекта и явление, находящееся в постоянном движении.

Культура рассматривается как предельно изменчивая, самоуправляемая и самонаблюдаемая система, гибко адаптируемая к влияниям со стороны общества, в котором функционирует. Вместе с тем культура сохраняет свою устойчивость в виде ценностей, стилей и направлений, в пределах которых возрастает число вариантов дальнейшего пути ее развития.

Определенной синтезированной теорией, объединившей различные течения современной культуры, стал постмодернизм. Явления, обобщаемые понятием постмодернизма, стали предметом обширных дискуссий в период 80-х годов прошлого века. Сформировалось представление о постмодернизме как о совокупности экспериментальных тенденций в современной западной культуре, представление о которой во многом ассоциируется с понятием постиндустриального общества. К хрестоматийным постмодернистским текстам можно отнести работу американского литературоведа Лесли Филлера «Пересекайте рвы, засыпайте границы» (1969) [2], в которой автор ставит проблему снятия границ между элитарной и массовой культурами, между реальным и ирреальным. Произведение искусства должно стать как бы многоязычным, приобрести двойную структуру, как на

социологическом, так и семантическом уровнях. Такого рода направленность художественного творчества вызвана реакцией на элитарность, присущую большинству форм модернизма.

Постмодернистская идея демократизации культуры, снижение верховных ценностей, отказ от трансцендентных идеалов, присущих модернистскому искусству – все это способствовало поиску новых ходов в художественном творчестве и смене социальных адресатов. Степень отказа от культуры модернизма различными теоретиками понимается по-разному: от категорического отрицания модернистских ценностей до многообразных способов их переосмысления.

Методология структурализма основывается на синхронии, которая позволяет выявить в культуре ряд бинарных оппозиций, таких, как доминантный и подчиненный, центральный и периферийный, высокий и низкий стили в искусстве.

Постмодернизм отрицает это стремление к упорядоченности. На смену представлению о четко структурированных формах динамики культуры – линейной, эволюционной, циклической – приходит новое понимание развития, выраженное термином «ризома». Эта метафора впервые была использована Ж.Делезом и Ф.Гуттари [3] и заимствована из ботаники. Здесь ризома обозначает определенный способ роста корня растения, который не является ни одиночным, ни пучкообразным ответвлением от единого стебля, а представляет собой раздробленное множество разнородных образований, обеспечивающих развитие растения. Раскрывая понятие «ризома» в постмодернизме, исследователи указывают, что это беспорядочное возникновение множественности, не имеющее преобладающего направления, но распространяющееся без регулярности, дающей возможность предсказать следующее движение [4]. Именно ризома, по мнению исследователей постмодернизма, служит образом современной культуры с ее отрицанием упорядоченности и синхронии.

В рамках структурализма при осмыслении процессов, происходящих в культуре и

обществе, большое значение придается оппозиции «центр-периферия». Она выполняет роль организующего принципа, сохраняющего целостность системы, и ограничивающего принципа, регулирующего ее подвижность. Идея ризомы указывает на то, что сам центр не структурирован и в определенном смысле существует и внутри, и вне системы. Это приводит к отрицанию центра как такового.

Таким образом, бинарные оппозиции, столь важные для структурализма и модернизма, в частности, в противопоставлении высокого и низкого, элитарного и массового в искусстве, в постмодернизме исчезают, и значение полюсов оппозиции становится неопределенным. В этом состоянии неопределенности в рамках постмодернизма возникают идеи коллажа и полистилистики, в соответствии с которыми все исторические стили, парадигмы знания, элементы художественной культуры становятся равноправными.

Тем не менее, вопросы соотношения постмодернизма и модернизма нельзя разрешить однозначно по причине неоднородного характера, амбивалентности содержания обоих подходов. Как и постмодернизм, постструктурализм предполагает некоторое состояние, наступившее после структурализма, допускающее некоторую исчерпанность последнего. Многие в этих течениях переплетаются, что можно проследить в работах Р.Барта и Ж.Дерриды, которые работали в рамках структурализма, а затем перешли к постмодернизму.

Следовательно, постмодернизм трудно представить как целостное теоретическое течение с четко очерченными границами. В него включается множество концепций, посвященных трактовке проблемы развития культуры.

Наиболее характерные процессы в постмодернизме, отражающие суть этого направления, – это децентрация и деконструкция. В связи с этим одной из важных тем является проблема «смерти автора» и «краха персонажа», поднятая впервые Р.Бартом. Это означает снятие оппозиции автор/герой, субъект/объект. В

художественном творчестве это выражается в отношении художника к изображению самого себя. При этом изображение себя не только как объекта искусства, но и лица, наделенного властью, доходит до попыток сделать невозможное: «как если бы подобный портрет можно было бы писать всю жизнь» [5]. Художник постепенно превращается в исследователя. Фигура художника исчезает вслед за фигурой героя, вслед за текстом исчезает и произведение, по крайней мере, в своем историческом значении. «Вместо действия в искусстве появляется мысль, вместо реализации – проект. Место художника занимают зрители. Совокупность этих трансформаций привела к смещению структур: природа перешла в историю, текст – в контекст, познание пространства в познание времени» [6], - писал П.Вейбель.

Таким образом, в постмодернизме художники выступают в качестве теоретиков собственного творчества, в результате стираются грани между искусством и критикой.

Децентрирование культурного и личного мира и усилившаяся, в этой связи, саморефлексия художника повлияли на изменение роли искусства. Если раньше художники претендовали на то, чтобы сообщать публике знание о ее возможных социальных идентичностях, то теперь они находятся в поисках опорных точек такого знания, утерянного ими самими. В результате произведение наполняется рассуждениями о том, что означает процесс создания художественного произведения. Так реконструируются основания для социальной идентификации автора.

В условиях децентрированности и плюральности механизмы существования и развития культуры обнаруживаются при разведении социальной и культурной систем, при представлении их в виде относительно автономных друг от друга образований. Согласно постмодернизму, разрушение социальной системы может стимулировать интенсивные поиски культурного характера. Иными словами, элементы культуры, такие, как ценности, образцы, оценочные критерии, сохраняются индивидами в их представлениях и

творческой активности, и дезинтегрированность социальной системы не уничтожает поисковой культурной активности, а иногда способствует ее интенсификации. Это означает, что система культуры не находится в прямой зависимости от социальной системы, а обладает собственными источниками развития.

В этом смысле особый интерес представляет концепция Ж.Деррида, в работах которого можно увидеть попытки к отысканию опорных представлений о развитии культуры в условиях социокультурной неопределенности. Он предлагает аналитическое расчленение, деконструкцию культурных текстов, направленные не на свободную их интерпретацию, а на выявление побочного смысла, подрывающего значимость исходных намерений авторов.

Деконструкцию можно понимать как попытку объяснить гетерогенное множество нелогических противоречий. У Деррида нелогические противоречия сохраняются и тогда, когда логические уже разрешены [7]. Это означает, что основные понятия не являются простыми, эта простота навязывается им извне, и Деррида вскрывает многообразные текстовые стратегии, стоящие за кажущейся простотой. Иначе говоря, французский ученый указывает на обязательную сложность культуры, где эта сложность увязывается с субординацией культурных уровней, их многослойностью и разнообразием. Техника деконструкции изложена в его работе «О грамματοлогии» [8].

В центре внимания Ж.Деррида находятся тексты, зафиксированные в знаковой форме, или письмо. Это ключевое понятие он определяет как «разрыв между метафизическим присутствием (присутствием в абстрактном смысле слова) и метафизическим понятием пространства и времени» [9]. Деррида рассматривает письмо с самых разных точек зрения, изобретает множество новых терминов для исходного понятия письма, среди которых самый известный «*differance*» - различие, в котором совмещаются значения «*difference*» - различия, производства

интервалов между несхожими элементами, и «откладывания», «запаздывания». «Differance» определяется как отношение к возможному присутствию, которое считается утратой присутствия. В «Грамматологии» рассмотрение культурных текстов связано с попыткой обнаружить письмо, не подчиняющееся принципу бытия как присутствия. Оно представляет собой способ отстранения от реальности, ее объективации и презентации в знаковой форме, позволяющей абстрагировать ее образ от контекста непосредственного существования. В то же время письмо, воплощающее принцип проведения различий, становится важным полем для выяснения проблем «назначения», «послания», то есть исходных положений, лежащих в основе определенного культурного текста. Действие этого механизма также помогает сохранять и воспроизводить элементы культуры, запечатленные в этих текстах, при разрушении социокультурных систем.

Используя термины «различение», «замещение», «след», по мнению Деррида, текст рассказывает свою собственную историю, отличную от той, которую создает воображение автора. Возникает новый текст, который также находится в противоречии с самим собой. Это означает, что процесс деконструкции продолжается, что влечет за собой и развитие культуры.

Таким образом, деконструкция поставила проблемы, имеющие большое значение для анализа культуры. В работе «Истина в живописи» (1978) Деррида выдвигает тезис, согласно которому «прошло время, когда искусство понималось и его деятелями, и воспринимающими как «истина» в действии» [10]. Между тем современная культура, по мнению Деррида, свидетельствует о высокой выразительности пластического начала, которое успешно заменяет речь, о возрастающей в искусстве роли жеста как средства передачи эмоций.

Метод деконструкции отклоняет любую претензию на репрезентацию, на соотнесение текстов культуры с реальностью. Их соотносят с другими, такими же текстами. В «Позициях» Ж.Деррида пишет, что «текст никогда не

дает собою править какому-либо референту или трансцендентальному означаемому, каким упорядочилось бы все его движение» [11].

В рамках самого постмодернизма определенные аспекты деконструкции подвергаются критике. Жан Бодрийяр и Фредрик Джеймисон критически смотрят на деконструкцию основных ценностей в современной культуре, на отсутствие конкретно-смысловой категории или определенной социальной личности в искусстве. Джеймисон подчеркивает, что постмодернистское искусство не только лишилось изображения определенной антропоцентрической субъективности, но и утратило индивидуальный стиль и критическую перспективу, которой обладал этот стиль. Согласно Джеймисону, отсутствие индивидуального стиля лишило постмодернистское искусство возможности критики социальной структуры или выражения определенной идеологической позиции, в связи с чем старые формы индивидуального сознания не получили замены на новые.

Кроме того, отсутствие антропоцентрического субъекта в постмодернистском искусстве породило обезличенность, которая способствует изображению во имя самого изображения и ведет к потере искусством социальной и общественной роли. По мнению Джеймисона, это создает условия, которые способствуют «порабощению искусства постиндустриальной корпоративной ментальностью и приводит к коммодификации искусства и превращению его в некий фетиш, легко манипулируемый капиталом и культурной индустрией, основанной на логике капитала» [12]. Именно утрата постмодернизмом способности противостоять этой логике рассматривается Джеймисоном как социальная ущербность постмодернизма. Здесь можно увидеть параллель с критикой модернистского искусства представителями Франкфуртской школы, которые также настаивали на возвращении в искусство социального субъекта и считали, что культура находится под властью капитала,

который навязывает ей свои образцы и логику развития.

Критика постмодернизма Бодрийяром во многом совпадает с идеями Джеймисона. Их принципиальное различие - в выборе самого аспекта критики. Для Бодрийяра основная слабость позиции постмодернизма - в его замене исследования сущностных вопросов бытия искусства уже существующих культурных парадигм. Симулятивное письмо в этом случае направлено на создание «семантически пустых образцов, которые репродуцируют себя в целях приумножения и создания культурной пустоты» [13]. Симулятивное искусство представляет для Бодрийяра определенную опасность, связанную с замалчиванием проблем взаимоотношения между творческими индивидами и обществом.

Кроме того, безразличие к социальным ценностям лишает современное искусство той оппозиционной функции, которую оно несло к политике меркантилизма и динамике рыночного спроса.

Развивая проблематику развития культуры, Бодрийяр приходит к выводу, что культурные формы в современном искусстве не создаются заново, а лишь варьируют, повторяются, что стало возможным благодаря методу деконструкции. Однако если у Деррида и Делеза деконструкция выступает в качестве основы динамики культуры, то Бодрийяр считает, что современное искусство находится в состоянии стазиса или неподвижности, поскольку варьирование давно известных форм ведет не к развитию искусства, а его гибели.

Критику Бодрийяра, по нашему мнению, можно считать продуктивной только принимая во внимание, что его анализ постмодернизма рассматривает современное

искусство в сравнении с искусством прошедших эпох, а именно с классикой, которая и была искусством подлинным, в отличие от современного, как считает Ж.Бодрийяр.

Однако, на наш взгляд, характерные процессы в постмодернизме, такие, как деконструкция и децентрация, дают возможность глубокого анализа проблем функционирования и развития культуры, поскольку они служат способом раскрытия пространства для новых культурных форм. Так, в искусстве осуществляется активная саморефлексия, направленная вовнутрь произведения искусства. Это попытка понять личностный и культурный смысл самого процесса его порождения. Кроме того, проявляется импульс, направленный вовне, на освобождение объектов окружения от привычных стереотипных значений. Это попытка обнаружить инобытие за миром культурных символов.

Современное искусство не знает синхронного порядка, здесь не существует преобладания школ и стилей, как это было в модернистском искусстве. Искусство постмодернизма не знает и диахронического порядка, «понятие эволюции потеряло свое значение для художественной деятельности» [14]. Иными словами, динамику культуры определяет не четко структурированная эволюция или циклы, как это было в классической парадигме, а ризоматический принцип развития, не имеющий определенного направления.

Таким образом, в концепции постмодернизма культура предстает как самоконструирующийся процесс, не детерминированный ничем, кроме своей собственной движущей силы.

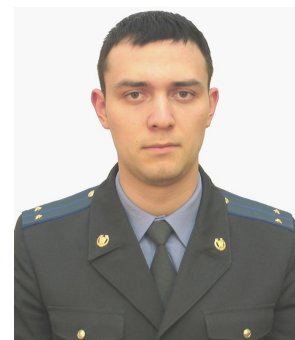
ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Вейц М. Роль теории в эстетике //Американская философия искусства. Екатеринбург, 2006; В.Кенник. Основывается ли традиционная эстетика на ошибке? Там же.
2. Фидлер Л. Пересекайте рвы, засыпайте границы //Современная западная культурология: самоубийство дискурса. М., 1993.
3. Deleuze G., Guattares F. Capitalizme et schisophrenie. Vol.II. Mille Plateaux. Paris, 1980.
4. Deleuze G., Guattares F. Op.cit.P.43.
5. Барт Р. Мифология. М., 2003. С. 97.
6. Вейбель П. Вместо произведения // Художник вместо произведения. М., 1994. С. 4.
7. См. Деррида Ж. Позиции. Киев, 1996. С. 82.
8. Derrida J. De la grammatologie. Paris, 1997.

9. Derrida J. Op.cit. P.36.
10. Derrida J. La Verite en peinture. Paris, 1978.
11. Деррида Ж. Позиции. Киев, 1996. С. 93.
12. Постмодернисты о посткультуре. М., 2005. С. 21-22.
13. Baudrillard I. La Transparence du Mal: Essai sur les phenomenes extremes. Paris, 1990. С. 58.
14. Бауман З. Социология и постмодернизм //Вопросы философии. 1995. №10. С. 93.

Р.Р. Абдулганеев
адъюнкт КЮИ МВД России

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с эффективным противодействием религиозному экстремизму - одному из наиболее опасных видов экстремизма. Предлагаются обязательные и альтернативные критерии (признаки), позволяющие выделить его среди иных видов социальных отклонений.

Современная действительность, весь спектр событий, происходящих в мире, говорят о том, что значительная часть политических, межнациональных, экономических и других противоречий все чаще носят религиозный характер.

Религия в различных ее проявлениях известна истории ещё до появления первых государств: весь путь человечества, начиная с первобытных времен и заканчивая новейшей историей, неразрывно связан с разного рода религиозными верованиями.

Под религией (от лат. religio – набожность, святыня, предмет культа) в общем смысле понимается вера, исповедание богопочитания или основы духовного убеждения [1]; мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия (культ), основанные на вере в существование Бога или богов [2].

В связи с этим интересным представляется мнение, высказанное В.В. Пилявцем: «Несмотря на смены общественных формаций, государственных систем, религия оставалась и остается неотъемлемым атрибутом либо государства в целом, либо отдельных социальных групп» [3].

Знаменитый немецкий криминолог профессор, доктор Артур Кройцер так говорит о роли религии в обществе: «Прегрешения и преступления в религиозном контексте в большинстве случаев соответствуют преступлению в светском, государственном контексте.

Религия, также как и государство, грозит провинившемуся человеку наказанием за нестандартное, противоправное поведение» [4].

Данное мнение разделяет О.А. Дворникова, указывающая на то, что взаимосвязь религии и закона глубока и сложна. Многие законодательные положения имеют религиозно-нравственные корни (запрет убийства, кражи и т.д.) [5].

Нет сомнений в том, что религия является одной из самых влиятельных и активных составляющих международной и внутривнутриполитической жизни, но при этом её воздействие на общественные и государственные институты не однозначно.

В подтверждение вышеизложенного хотелось бы привести мнения ученых в данной области.

Так, В.В. Пилявец отмечает, что в настоящее время только религия остается влиятельной социально-политической силой [6].

В.А. Пономаренков указывает, что многие религиозные нормы, с одной стороны, являются сильными сдерживающими факторами для верующих, запрещая, например, совершать некоторые виды преступлений, и в то же время отдельные религиозные нормы порождают религиозный фанатизм, углубляют расовую нетерпимость и национальную рознь [7].

По мнению М.А. Яровского, «имея мощный идейный потенциал, религия вполне может способствовать возникновению некоторых социальных конфликтов» [8].

Австрийский криминолог профессор,

доктор Гюнтер Кайзер делает интересное замечание: «Раньше роли религии в обществе придавалось большее значение. Так, Карл Маркс в своих трудах понимал религию как опиум для народа; Макс Вебер определял религию как составную часть общественного господства; Эмиль Дюркгейм понимал религию как базис существования общества» [9].

На наш взгляд, религия выступает ключевым элементом в становлении политических, социально-экономических, межличностных и межгрупповых отношений, а также играет первоочередную роль в формировании правотворческого процесса всего общества.

Таким образом, мы с уверенностью можем говорить о том, что религия как таковая определяет не только нравственные ценности отдельно взятого индивидуума, но также способствует мировоззренческому восприятию происходящих событий всем социумом, заключая в себе возможность самостоятельной интерпретации происходящих явлений.

На данном этапе развития российского законодательства религиозный экстремизм относится к одной из форм экстремизма. Однако, что же следует считать религиозным экстремизмом, в законе так и не определено.

В настоящее время приходится констатировать наличие разнообразных теоретических научных взглядов, различных подходов в понимании и оценке религиозного экстремизма, отсутствие четкого определения понятия религиозного экстремизма, а также отсутствие единого методологического подхода к вопросу о сущности, характере и причинах его возникновения.

Изначально хотелось бы отметить нашу солидарность с мнением Т.А. Скворцовой, указавшей на отсутствие в настоящее время общепринятой точки зрения по поводу научного толкования этого феномена [10], и мнением С.Н. Поминова, который указал на многогранность объекта исследования и нахождения его на стыке религиоведения, политологии, социологии и юриспруденции [11].

Насколько эта задача сложна, по словам В.Н. Арестова, свидетельствует и то, что «исследователи данной проблемы не берут на себя смелость утверждать, что предложенное ими определение единственно верно и всеобъемлюще» [12].

В связи с этим М.Я. Яворский отмечает, что и на сегодняшний день в научных кругах по-прежнему оспаривается существование феномена религиозного экстремизма, ставится под сомнение правомерность употребления данного термина [13].

Е.Л. Забарчук, напротив, отмечает, что появление данного понятия и дискуссии вокруг него не оставляют сомнений в его праве на существование [14].

Т.А. Скворцова указывает, что определение понятия «религиозный экстремизм» имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку это позволяет раскрыть сущность явления, а также дать научно обоснованные рекомендации по изучению экстремистских идеологических религиозных установок, их влиянию на сознание, психологию и поведение части верующих [15].

По мнению А.А. Хоровинниковой, «религиозный экстремизм необходимо рассматривать как разновидность политического экстремизма» [16].

На что Т.А. Скворцова справедливо замечает, что экстремистская идеология служит «камуфляжем» для достижения тех или иных политических целей. Вместе с тем религиозный экстремизм зарождается как определенное религиозное течение на базе той или иной традиционной религии и является самостоятельным феноменом, отличающимся от феномена политического экстремизма [17].

Анализируя мнения ученых по данной проблеме, нельзя не согласиться с позицией Е.Л. Забарчука о существовании полярных точек зрения: от полного отрицания самого этого явления до придания религиозному фактору в его экстремистских проявлениях неоправданно ключевого значения [18].

В этой связи не вызывает сомнений необходимость целостного и

структурированного толкования религиозного экстремизма.

В нашем представлении под **религиозным экстремизмом** следует понимать одну из крайних форм общественного сознания, носящую характер социального явления, сопряженного с реализацией радикальной религиозной идеологии, путем признания истинной четко определенной религиозной идеи, категорического неприятия религиозных, социальных, нравственных, политических и иных взглядов, идущих вразрез с провозглашенной единственно верной религиозной доктриной.

Таким образом, из данного определения мы можем увидеть три основополагающих элемента религиозного экстремизма.

Первым элементом выступает «крайняя форма общественного сознания», под которой подразумевается наличие негативной реакции на отражение общественного бытия и выход за рамки общепризнанных норм религиозного поведения.

Вторым элементом является «реализация радикальной религиозной идеологии», включающая в себя всю

совокупность мер, средств и механизмов воздействия на индивида, социальные группы и общество в целом, сопряженная с активной пропагандой определенной религиозной доктрины.

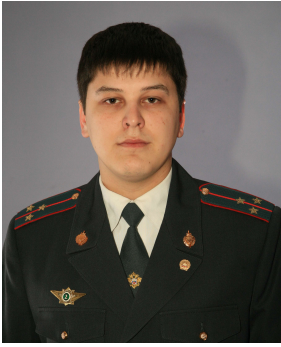
Третьим элементом мы отдельно выделяем «неприятие иных взглядов». Данный элемент, на наш взгляд, является ключевым в разгадке феномена религиозного экстремизма, так как зачастую само «неприятие» подталкивает адептов к активным действиям, дает им чувство нравственного оправдания своих поступков. Мы считаем, что именно нигилизм является следствием выхода их действий (бездействий) за рамки закона и превращением их в преступление.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что разрешение феномена религиозного экстремизма является одним из самых проблемных элементов современного общества, как с точки зрения его юридического содержания, так и с точки зрения корректности используемой в соответствующих нормах законодательства терминологии. В настоящее время ведется только анализ и осознание всей глубины существующей проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - М., 2000. - Т.3. - С.90.
2. Большой российский энциклопедический словарь. - М., 2003. - С.1313; Новый энциклопедический словарь. - М., 2004. - С. 1018.
3. Пилявец В.В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями в сфере деятельности религиозных объединений.- Калининград, 2002.-С.3.
4. Kreuzer A. Religion – Verbrechen – Strafe.-Frankfurt am Main, 2010.-С.5.
5. Дворникова О.А. Религия и закон: проблемы взаимодействия // Журнал российского права. - 2009. - №7. - С. 45.
6. Пилявец В.В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями в сфере деятельности религиозных объединений.- Калининград, 2002.-С.3.
7. Пономаренков В.А. Введение в судебную (правовую) этнологию: монография. – Саратов, 2004. -С. 48.
8. Яворский М.А. Причины и условия проявления религиозного экстремизма в современной России // Юридический мир. - 2008. - №11.- С.14.
9. Kreuzer A. Religion – Verbrechen – Strafe.-Frankfurt am Main, 2010.-С.5.
10. Скворцова Т.А. Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: дис. ... канд. юрид. н. – Ростов на Дону, 2004. - С. 12.
11. Поминов С. Н. Организация деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма: дис. ... канд. юрид. наук.- М., 2007. – С.12.
12. Арестов В.Н. Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления: дис. ... канд. юрид. наук. – Киев, 1984. - С.30.
13. Яворский М.А. Причины и условия проявления религиозного экстремизма в современной России // Юридический мир. - 2008. - №11.- С.15.

14. Забарчук Е.Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности Российской государственности // Журнал российского права. - 2008. - №6. - С. 3.
15. Скворцова Т.А. Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов на Дону, 2004. - С. 12.
16. Хоровинников А.А. Экстремизм как социальное явление (философский анализ): автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Саратов, 2007. - С. 20-21.
17. Скворцова Т.А. Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов на Дону, 2004. - С. 26.
18. Забарчук Е.Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности Российской государственности // Журнал российского права. - 2008.- №6.- С. 3.

И.Р. Сахапов
адъюнкту КЮИ МВД России

ПРИЧИННЫЙ КОМПЛЕКС КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проведена систематизация детерминант коррупции в органах внутренних дел РФ. Содержатся предложения по их нейтрализации.

Проблема коррупции — одна из центральных и наиболее дискуссионных в юриспруденции. Существующие определения коррупции отражают ее многоаспектность и многогранность [1]. Противодействие коррупции начинается с определения детерминант - причин и условий, способствующих возникновению и существованию данного явления в обществе. Поэтому так необходимо выявить и раскрыть наиболее существенные элементы, провоцирующие коррупционные процессы в органах внутренних дел.

Причинный комплекс, порождающий совершение коррупционных преступлений со стороны сотрудников органов внутренних дел, формируют взаимодействующие негативные явления и процессы на различных уровнях, в том числе макросоциальном (в экономической, общественно-политической, социально-демографической и духовной сферах), микросоциальном (при непосредственном окружении индивида в служебных, бытовых, семейных, досуговых отношениях) и личностном (индивидуальном).

На макросоциальном уровне целесообразно выделить следующие наиболее значимые детерминанты, способствующие коррупции среди сотрудников ОВД:

- детерминанты экономического характера;
- детерминанты правового характера;
- детерминанты социального характера;
- детерминанты политического характера;
- детерминанты идеологического характера.

Детерминанты экономического характера выдвигаются на первый план, раскрывая наиболее значимые причины и условия

данного негативного явления. К ним следует отнести отсутствие должного государственного контроля над рыночным реформированием экономики, низкий уровень благосостояния большей части населения, в том числе сотрудников ОВД, лишение их определенной части льгот, а также низкий уровень материально-технического обеспечения.

По данным Финансово-экономического департамента МВД России, на декабрь 2009 года средняя заработная плата (сумма, среднемесячно получаемая на руки, с учетом дополнительных выплат) российского милиционера (сержант, милиционер ППС, с выслугой 5 лет) составляла 12,3 тыс. руб. [2] В Республике Татарстан заработная плата стажеров милиции, предусмотренный законодательством срок стажировки которых от трех месяцев до одного года, составляет 5-7 тыс.руб. при средней номинальной начисленной зарплате у жителей региона в размере 17,6 тыс.руб.[3] Примечательно, что постановлением Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 (п. 1) стажеры органов милиции отнесены к числу должностных лиц, выполняющих обязанности по специальному полномочию. Иными словами, статус стажеров милиции, как и всех сотрудников ОВД, влечет повышенную степень ответственности.

Такой опасный, нелегкий труд недостаточно простимулирован. Однако, получая нищенские оклады, сотрудники ОВД возвращают в казну государства драгоценности, крупные денежные средства, исчисляемые порой миллионами долларов. Так, в своем интервью газете

«Наша версия» первый заместитель начальника ДЭБ МВД России генерал – майор милиции А. Хорев привел данные, согласно которым в 2009 году подразделениями экономического блока обеспечено возмещение ущерба на сумму более 76 млрд рублей [4].

Плохое материально-техническое обеспечение правоохранительных органов ведет к тому, что руководителям подразделений приходится самостоятельно изыскивать средства на необходимую технику, горюче-смазочные материалы и другие нужды. Эти средства поступают в виде так называемой благотворительной помощи, которая не всегда оказывается бескорыстной. Вместе с тем руководитель подразделения зависит от местной администрации, которая оценивает его деятельность, распоряжается средствами местного бюджета, распределяет имущество жилого фонда и так далее. Это все ведет к установлению зависимости руководителя правоохранительного органа, с одной стороны, от бизнесменов, а с другой — от местных администраций, что, в свою очередь, сказывается на его объективности.

Поиск в условиях материального неблагополучия «внебюджетных источников финансирования» зачастую оборачивается мздоимством. Если, используя занимаемое положение, должностное лицо получает некое спонсорское вспомоществование в интересах службы, то следующий шаг — обретение по тому же каналу личных благ, и это вопрос времени.

Немаловажное значение для предупреждения коррупции в правоохранительной сфере заслуживает исследование детерминант правового характера. Основные социальные гарантии защиты, правовые льготы, компенсации для сотрудников органов внутренних дел определены Конституцией РФ, Законом РФ «О милиции» и другими нормативными актами, в том числе указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ, приказами МВД РФ. Ряд дополнительных региональных льгот установлен законодательными и исполнительными

органами власти субъектов Федерации и местного самоуправления. Однако провозглашенные всеми этими актами социальные права оказались недостаточными для обеспечения достойного статуса сотрудников ОВД в современных условиях российского общества. Детерминанты правового характера выражаются в несовершенстве правовой базы социальной сферы, неполноте, неясности, противоречивости нормативных актов, снижении эффективности действующего законодательства по защите социальных прав и гарантий работников правопорядка, слабой действенности законов в сфере борьбы с преступностью, несовершенстве правоприменительной практики.

В качестве примера неопределенности правовых норм можно указать на так называемые оценочные признаки, содержание которых в значительной мере определяется правосознанием юриста, применяющего закон [5]. К ним следует отнести: «малозначительность деяния» (ст. 14 УК РФ), «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу» (ст. 213 УК РФ), особую жестокость, (ст. 105, 111, 112 УК РФ), «крупный ущерб» (ст. 195-197 УК РФ), «предметы, имеющие особую ценность» (ст. 164 УК РФ), «существенный вред» (ст. 330 УК РФ) и т. д. Не меньшая доля неопределенности свойственна уголовно-процессуальным нормам, регулирующим досудебное производство. Возбуждать ли уголовное дело или отказывать в возбуждении? Проводить ли определенные следственные действия или не проводить, а если проводить, то когда, в каких условиях? Когда и кому предъявлять обвинение? Применять ли к обвиняемому меры пресечения, когда и какие? Прекращать ли уголовное дело и по какому основанию? Решение этих и многих других вопросов может серьезно ограничить важнейшие гражданские права, а их правовое регулирование носит рамочный характер и во многом оставляет решение соответствующего вопроса на усмотрение следователя и дознавателя.

Следует заметить, что, по результатам опроса, примерно 50 % сотрудников милиции объясняли наличие фактов коррупции в своей деятельности несовершенством законов, регулирующих их деятельность [6].

В нашей стране в результате действия некоторых нормативно-правовых актов создаются административно-правовые барьеры, которые вынуждают «неформально» решать проблемы между гражданами и должностными лицами, криминализуя эти отношения и являясь скрытой коррупцией. Прежде всего это касается подзаконных актов, предусматривающих условия выдачи лицензий, квот, согласований, допусков.

Существенной особенностью современной российской действительности является острое противоречие между официальным курсом на создание гражданского общества и правового государства, с одной стороны, и социально-правовой реальностью — с другой. Последняя характеризуется тем, что право и правосознание не стали основой социально-экономических отношений. Создалась ситуация, когда правовая подсистема общества, равно как и ее социальные ценности, неоднозначно воспринимаются и сложно принимаются обыденным сознанием [7].

Уровень законопослушания населения снижается в результате невыполнения государством своих социальных обязательств перед гражданами, среди которых — несвоевременные выплаты заработной платы, пенсий, пособий, ненадлежащая адресная поддержка социально незащищенных слоев.

Среди детерминант социального характера важную роль играют резкая поляризация общества по степени материальной обеспеченности, неблагоприятная демографическая ситуация, ослабление государственной социальной поддержки, социальная напряженность как внутри правоохранительных органов, так и в отношениях правоохранительных органов и общества в целом.

Указанная напряженность порождается постоянной нестабильностью их деятельности. Заметим, что растянувшееся на долгие годы реформирование органов внутренних дел не только ведет к неуверенности сотрудников правоохранительных органов в завтрашнем дне, но и не способствует развитию координации деятельности этих органов в поддержании правопорядка.

В ходе исследования выявлена зависимость рынка безработных от характера укомплектованности ОВД: чем меньше безработных в регионе, тем больше некомплект личного состава ОВД. Значительная часть кандидатов поступает на службу только потому, что остались невостребованными в других отраслях. Это ведет к проникновению в милицию лиц, склонных к совершению коррупционных преступлений.

Детерминанты политического характера выражаются, прежде всего, в подрыве авторитета всех ветвей российской власти в глазах населения, в отсутствии стабильной экономической политики, коррупции. Истоками этого являются многочисленные просчеты в управлении, его неэффективность, преобладание групповых, клановых интересов над национальными. В юридической литературе обращается внимание на чудовищную бюрократизацию государственного аппарата, разрастание его численности, забвении интересов государства и государственной службы [8].

Масштабная коррупция в высших эшелонах государственной власти создает благоприятный фон для распространения множества правонарушений на нижних уровнях. В такой политической обстановке морально чистые правоохранительные органы были бы просто «чудом». Правоохранительные органы невольно втягиваются в борьбу за власть между различными партиями и движениями, подчиняются социально-неадекватным нормам и законам, созданным в угоду чиновничества, игнорирующим и ущемляющим интересы большинства граждан [9].

Полезен опыт США, позволивший эффективно противодействовать полицейской коррупции. В 80-х годах XX в. должностные оклады всех сотрудников полиции были одновременно подняты до уровня так называемого среднего класса американского общества. Для полицейских были введены особые социальные льготы: медицинская страховка, бесплатное высшее образование, льготное кредитование, высокое пенсионное обеспечение. Служба в полиции стала привлекательнее и породила здоровую конкуренцию на этапе отбора кандидатов на службу. Одновременно были учреждены специальные отделы внутренних расследований — предвестники аналогов российских подразделений собственной безопасности МВД РФ, возникших в России в 1995г.

К детерминантам идеологического характера надлежит отнести отсутствие комплексной идеологии правоохранительной деятельности позитивного характера, распространение культа вседозволенности, наживы любой ценой, нивелирование морально-нравственных устоев общества, отсутствие четких ценностных ориентиров. В настоящее время насаждаемые средствами массовой информации насилие, агрессия, коррупция зачастую связываются с деятельностью правоохранительных органов, в результате чего в обществе складывается определенный стереотип, что сотрудники правоохранительных органов «все продажные» и их не интересуют проблемы рядовых граждан.

Наряду с негативными факторами экономического, правового, социального, политического, идеологического характера неблагоприятное воздействие на поведение работников ОВД оказывают детерминанты микросоциального уровня, т. е. при непосредственном окружении индивида в служебных, бытовых, семейных, досуговых отношениях.

На микросоциальном уровне причины совершения преступлений коррупционной направленности обусловлены специфическими условиями служебной деятельности, особенностями

правоохранительной практики на местах, низким уровнем организации работы ОВД.

Существенное влияние на сотрудников оказывает конфликтный характер подавляющего большинства служебных ситуаций, участниками которых выступают работники правопорядка. Значительный объем властных принудительно-распорядительных полномочий, постоянная реализация которых может приводить к чрезмерному и необоснованному их использованию, проявляясь во властолюбии, стремлении к подавлению воли, чести, достоинства другого человека, самодурстве, нежелании признавать свои ошибки, уверенности в собственной непогрешимости, переходящей во вседозволенность.

В условиях социально-экономической нестабильности в стране криминалитет предпринимает настойчивые попытки коррумпирования сотрудников милиции. Для этого используются угрозы, шантаж, подкуп, учитывается готовность сотрудничать с представителями преступного мира, особенности личности каждого сотрудника органов внутренних дел, направленность деятельности подразделения, недостаточная правовая и социальная защищенность сотрудников. Принимая во внимание последнее, криминалитет проводит активные действия не только по коррумпированию добросовестных сотрудников, но и по их компрометации.

Ухудшение качества психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел, низкий уровень воспитательной работы с личным составом, отсутствие должного контроля за работой подчиненных обуславливают негативное формирование личности сотрудников, которые впоследствии выбирают противоправный способ удовлетворения своих потребностей и интересов, т. е. нарушают уголовный закон [10]. В силу этих факторов служба в ОВД не является престижной, что способствует текучести кадров.

В качестве факторов, способствующих совершению коррупционных преступлений, следует также рассматривать низкий

уровень образовательной и профессиональной культуры сотрудников правоохранительных органов. Как правило, это связано с отсутствием свободного времени для посещения библиотек, музеев, театров. Кроме того, в настоящее время отсутствуют специальные развлекательные учреждения для сотрудников того или иного правоохранительного органа. Заметим, что в зарубежных странах общепринято посещение сотрудниками полиции так называемого специального закрытого кафе или бара, где проводят свободное от службы время только сотрудники полиции [11].

Состояние законности в деятельности сотрудников напрямую связано с уровнем

их профессионализма. Недостаточный уровень профессиональной и служебно-боевой подготовки сотрудников ОВД, их неспособность грамотными действиями и законными средствами решать стоящие задачи отрицательно сказываются на эффективности правоохранительной деятельности и авторитете ОВД.

Следовательно, особую актуальность приобретает проблема профилактики коррупции среди сотрудников ОВД, предусматривающая выработку комплекса мер, направленных на совершенствование деятельности организационно-управленческой структур, проведение индивидуально-воспитательной работы со всеми категориями личного состава.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов Ю.А. Криминологический анализ и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел: дис. канд. юрид. наук. -СПб., 2004. - С. 10; Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. - М., 1992. - С. 5.
- <http://www.mvd.rupress/interview/7825/7825/>
- По данным сайта территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан по состоянию на 1 октября 2010 года (http://www.tatstat.ru/digital/region12/2007/zp_10.pdf)
- <http://www.mvd.rupress/interview/7429/7429/>
- Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений.- М., 2001. -С. 115-123.
- Российская газета. - 1993.- 13 января.
- Нечевина Н.Д. Особенности макропричинного комплекса преступности несовершеннолетних в современный период развития российского общества // Преступность и общество. - М., 2004. - С. 78.
- Ведерникова О. Н. О контроле за деятельностью органов государственной власти // Преступность и власть. - 2000. - С. 8.
- Егоршин В. М., Колесников В. В. Преступность в сфере экономической деятельности. - СПб., 2000; Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции.- М., 1999.
- Варыгии Л. Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на нее: автореф. дис. д-ра юрид. наук. - Саратов, 2003.- С. 38.
- Удовиченко М. А. Причины и условия правоохранительной преступности // Российский криминологический взгляд. - 2005. - № 1. - С. 107.

А.Н. Ягудин
адъюнкт КЮИ МВД России

САНКЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ЭКСПЛУАТАЦИИ ЭВМ, СИСТЕМЫ ЭВМ ИЛИ ИХ СЕТЕЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 274 УК РФ

Данная статья посвящена проблемам целесообразности видов и размеров наказания, предусмотренных статьей 274 УК РФ за нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети.

Санкция ст. 274 УК РФ предусматривает в качестве видов наказания: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо обязательные работы на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо ограничение свободы на срок до двух лет (по ч. 1) и по ч. 2 - лишение свободы на срок до четырех лет.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью - мера наказания, назначаемая судом лицу, виновному в совершении преступления, и состоящая в запрещении занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью (выполнять обязанности врача, педагога, продавца и др.).

Данный вид наказания применяется на срок: а) от одного года до пяти лет в качестве основного вида наказания; б) от шести месяцев до трех лет в качестве дополнительного вида наказания. В последнем качестве лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может быть назначено (в отличие от штрафа) и в том случае, если оно не предусмотрено в санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, но с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления (в связи с занимаемой должностью или при занятии определенной деятельностью) и личности виновного суд признает

невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 2-3). Если данное наказание предусмотрено санкцией статьи Особенной части УК РФ как одно из основных видов наказания, то оно не может быть применено в качестве дополнительного [1].

К несовершеннолетнему осужденному этот вид наказания может быть применен лишь в части лишения права занимать определенную деятельность (п. «б» ч. 1 ст. 88). И это не удивительно, поскольку законным путем вряд ли можно занять должность на государственной службе или в органах местного самоуправления лицу, не достигшему 18-летнего возраста. Ч. 4 статьи определяет правила исчисления данного вида наказания в случае его назначения в дополнение к основным. Если оно назначается в качестве дополнительного к штрафу, обязательным или исправительным работам, а также при условном осуждении (и исполнение данного дополнительного вида наказания не отсрочено), то его срок исчисляется с момента вступления приговора суда в законную силу, причем в срок наказания не засчитывается время, в течение которого осужденный занимал запрещенные для него должности либо занимался запрещенной для него деятельностью (см. ч. 1 ст. 36 УИК РФ; п. 35 Инструкции о порядке исполнения наказаний без изоляции от общества [2]). О вступлении приговора суда в законную силу указано в ст. 390 УПК РФ.

Обязательные работы - мера наказания, назначаемая судом лицу, виновному в совершении преступления, и заключающаяся в выполнении осужденным в свободное от основной работы (службы) или учебы время бесплатных общественно полезных работ, вид которых (и объект, на котором они должны отбываться) определяется органом местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией (также ч. 1 ст. 25 УИК РФ).

Обязательные работы могут быть назначены осужденным за совершение преступлений небольшой или средней тяжести. Срок обязательных работ исчисляется в часах. Данный вид наказания устанавливается на срок от 60 до 240 часов и отбывается не свыше четырех часов в день. Время отбывания обязательных работ в течение недели не может быть менее 12 часов (также ст. 27 УИК РФ). Несоввершеннолетним осужденным границы наказания снижены. Для них обязательные работы назначаются на срок от 40 до 160 часов, заключаются в выполнении посильных работ (озеленение улиц, уборка территории и т.д.) и исполняются ими в свободное от учебы или основной работы время. При этом продолжительность их ежедневного исполнения не может превышать лицами в возрасте до 15 лет двух часов, лицами до 16 лет - трех часов (ч. 3 ст. 88) [3].

В случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ уголовно-исполнительная инспекция направляет в суд представление о замене обязательных работ ограничением свободы, арестом или лишением свободы. При этом время отбытых обязательных работ учитывается при определении срока ограничения свободы, ареста или лишения свободы: один день ограничения свободы, ареста или лишения свободы приравнивается к восьми часам обязательных работ (также ч. 2 ст. 29 УИК РФ).

Злостным признается такое уклонение от отбывания обязательных работ, при котором осужденный более двух раз в течение месяца не вышел на обязательные

работы без уважительных причин, либо более двух раз в течение месяца нарушил трудовую дисциплину, а равно скрылся в целях уклонения от отбывания наказания (ст. 30 УИК РФ).

Ч. 4 ст. 49 УИК РФ ограничивает круг лиц, к которым может быть применен данный вид наказания по признаку нетрудоспособности. В частности, обязательные работы не применяются к инвалидам первой группы, беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, а также военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в воинских должностях рядового или сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока по призыву [4].

Наказание в виде обязательных работ должна исполнять уголовно-исполнительная инспекция по месту жительства осужденного (ч. 4 ст. 16 и ч. 1 ст. 25 УИК РФ).

В соответствии со статьей 53 УК РФ, ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному следующих ограничений: не уходить из дома (квартиры, иного жилища) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы. При этом суд возлагает на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации. Установление судом

осужденному ограничений на изменение места жительства или пребывания без согласия указанного специализированного государственного органа, а также на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования является обязательным.

Ограничение свободы назначается на срок от двух месяцев до четырех лет в качестве основного вида наказания за преступления небольшой тяжести и преступления средней тяжести, а также на срок от шести месяцев до двух лет в качестве дополнительного вида наказания к лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса.

В период отбывания ограничения свободы суд по представлению специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, может отменить частично либо дополнить ранее установленные осужденному ограничения.

Надзор за осужденным, отбывающим ограничение свободы, осуществляется в порядке, предусмотренном уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, а также издаваемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами уполномоченных федеральных органов исполнительной власти.

В случае злостного уклонения осужденного от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания, суд по представлению специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, может заменить неотбытую часть наказания лишением свободы из расчета один день лишения свободы за два дня ограничения свободы.

Ограничение свободы не назначается военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации.

Лишение свободы на определенный срок является, к сожалению, наиболее распространенным и часто применяемым в судебной практике видом уголовных наказаний.

В ст. 56 УК РФ не дается определения лишения свободы по его содержанию. Определено лишь то, что оно заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение или помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму. Но абсолютно очевидно, что кара в столь разных по своему режиму учреждениях будет совершенно различна. Одно дело содержание, например, в тюрьме, и другое дело - в колонии-поселении. Изоляция разная, а вид наказания - лишение свободы - один и тот же. Поэтому следует различать перечисленные разные виды лишения свободы [5].

Для лиц, осужденных к лишению свободы, не достигших к моменту вынесения судом приговора (не смешивать с моментом совершения преступления) 18-летнего возраста, местами отбывания наказания являются воспитательные колонии.

Лица, осужденные к лишению свободы, отбывают назначенное наказание в исправительных учреждениях, находящихся на территории субъекта РФ, в котором они проживали или были осуждены. В исключительных случаях (состояние здоровья, личная безопасность и пр.) либо по собственному согласию они могут быть направлены для отбывания этого наказания в соответствующие исправительные учреждения, расположенные на территории другого субъекта РФ [6].

Говоря о наказании за нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, следует отметить, что санкция статьи 274 УК РФ должна быть изменена. Такие виды наказаний, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и ограничение свободы, вряд ли могут быть

достичь целей наказания, указанных в ст. 43 УК.

Программистов, в большинстве случаев работающих на дому, а часто и без всякого трудового договора, вряд ли напугает угроза отстранения от должности, которой у них никогда не было, а запретить подходить к компьютеру вообще невозможно (нет такой деятельности – работа за компьютером). В то же время все знают, что программисты и так не склонны часто выходить из дома. В чем же тогда наказание, то есть лишения и ограничения (ст. 43 УК)? Данное преступление должно наказываться штрафом, обязательными работами и лишением свободы.

Применение штрафа за преступления в сфере компьютерной информации оправдано, потому что такие преступления наносят прежде всего ущерб экономической составляющей деятельности субъектов, пострадавших от таких преступлений. И совершаются эти общественно-опасные деяния ради денег, то есть в большинстве случаев с корыстным мотивом. И хотя мотив при квалификации по ст.ст. 272-274 УК значения не имеет, наказание имущественного характера заставит преступников задуматься о целесообразности совершения таких преступлений.

Представляется необходимым рассмотреть также обоснованность установленных пределов уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 272 и 273 УК в сравнении с санкцией ст. 274 УК.

Палитра наказаний, которые могут быть назначены за компьютерные преступления в России, достаточно широка: штраф в качестве основного или дополнительного наказания (ст. 272, ч. 1 ст. 273 УК РФ), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 1 ст. 274 УК РФ), обязательные работы (ч. 1 ст. 274 УК РФ), исправительные работы (ст. 272 УК РФ), ограничение свободы (ч. 1 ст. 274 УК РФ), арест (ч. 2 ст. 272 УК РФ), лишение свободы (по всем простым и

квалифицированным составам, кроме ч. 1 ст. 274 УК РФ).

При этом половина санкций относится к альтернативным по видам основного наказания; по три вида основного наказания содержится в ч. 1 ст. 272 УК РФ (штраф - исправительные работы - лишение свободы) и в ч. 1 ст. 274 УК РФ (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью - обязательные работы - ограничение свободы); в ч. 2 ст. 272 УК РФ - четыре вида основного наказания (штраф, исправительные работы, арест, лишение свободы).

Безальтернативны санкции ч. 1 ст. 273 УК РФ (лишение свободы, при этом обязательным здесь является дополнительное наказание в виде штрафа), ч. 2 ст. 273 УК РФ и ч. 2 ст. 274 УК РФ (лишение свободы).

Думается, что указанное в пенализации компьютерных преступлений должно восприниматься как положительная тенденция, поскольку непосредственно позитивно влияет на дифференциацию и индивидуализацию ответственности. Соблюдается при построении соотношения простого - квалифицированного состава и последовательность в категоризации преступлений.

В то же время далеко не все перечисленные виды наказания оправданны как по существу, так и по предлагаемым законодателем размерам.

Вызывает возражения наказуемость преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ, - создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ. Законодатель посчитал это преступление самым тяжким среди компьютерных преступлений. Сравнивая, однако, его степень опасности со степенью опасности неправомерного доступа к компьютерной информации или нарушения правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, можно сделать вывод, что большой разрыв вряд ли существует.

Общественная опасность этих разных видов преступного поведения вполне сопоставима. Поэтому нет никаких логических объяснений такому феномену,

как отсутствие в числе квалифицирующих признаков неправомерного доступа указания на причинение в результате совершения деяния тяжких последствий, предусмотренных в обоих оставшихся составах компьютерных преступлений.

Едва ли можно согласиться и с тем, что создание, использование и распространение вредоносных программ влечет всегда наказание в виде лишения свободы, а по первой части - за простой состав - еще и с обязательным крупным штрафом (до 200 тыс. руб.). Наказуемость этого преступления находится на уровне наказуемости, например, умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью - по простому составу (по квалифицированному составу значительно превосходит его, так как максимальное

наказание по ч. 2 ст. 112 УК РФ - лишение свободы до пяти лет, а по ч. 2 ст. 273 УК РФ - лишение свободы на срок от трех до семи лет), истязания, незаконного помещения в психиатрический стационар, недопущения, ограничения или устранения конкуренции, хулиганства, незаконного освобождения от уголовной ответственности; и существенно выше наказуемости таких опасных деяний, как все виды привилегированных убийств, нарушение правил охраны труда, умышленное уничтожение или повреждение имущества, коммерческий подкуп, надругательство над телами умерших и местами их захоронения, практически всех экологических преступлений [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) (4-е издание, переработанное и дополненное) / под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова // Юрайт-Издат. – 2007. – С.123.
2. Об утверждении инструкции о порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: приказ Минюста РФ от 12.04.2005 // Российская газета. – 2005. – № 97.
3. Шаргородский М.Д. Детерминизм и ответственность // Известия вузов. Правоведение. - 1968. - № 1. - С. 46.
4. Иванов А.А. Правонарушение и юридическая ответственность. – М., 2004. – С. 4.
5. Ткачевский Ю.М. Режим отбывания и исполнения наказания в виде лишения свободы // Законодательство. – 2006. – № 2. – С.45.
6. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М., 1996. – С. 495.
7. См. также: Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. – СПб., 2004. - С. 274.

М.Н. Галямов
начальник ЦПЭ
МВД по Республике Татарстан

ОБ ОПЫТЕ МВД ПО РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕФОРМАЛЬНЫМ МОЛОДЕЖНЫМ ОБЪЕДИНЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Наметившиеся в последнее время негативные тенденции в обществе обусловлены продолжающимся расслоением общества, усилением работы оппозиционных общественных, национально-радикальных структур. Наибольшую тревогу вызывают проявления экстремизма в молодежной среде. В последние годы все больше молодых людей вовлекается в группы и объединения экстремистской направленности, и это не случайно, так как молодежь – одна из наиболее уязвимых категорий населения.

Как протест против «засилья» мигрантов, «бездеятельности и попустительства» местных властей активизировались неонацистские, неофашистские и ультранационалистические молодежные группировки.

Не обошел стороной этот процесс и Республику Татарстан.

Ультраправая молодежь впервые открыто заявила о себе весной 2002 года. Тогда члены неформального объединения «скинхеды» провели в Казани «акцию самовыражения» под кодовым названием «Акварель» - на дома наносились надписи антисемитского содержания. Периодически аналогичные надписи появлялись на стенах казанской синагоги.

Один из самых резонансных случаев произошел в мае 2005 года, когда на 26 надгробных памятниках еврейских могил

центрального кладбища Казани были нарисованы нацистские свастики, нанесены надписи «ADOLF HITLER», знак «СС» в виде двух молний, другие надписи антисемитского содержания. В числе прочих пострадала и могила известного во всей стране руководителя еврейского ансамбля «Симха» Леонида Сонца.

Именно в этот период стали предпринимать попытки воссоздания своей организации сторонники татарстанского подразделения общероссийского движения «Русского национального единства» (РНЕ), чьи идеи не нашли поддержки среди населения республики и не получили значительного распространения в 90-е годы. В июне 2003 года с целью противодействия устремлениям активистов РНЕ в их попытках по созданию организации Верховным судом РТ вынесен запрет деятельности РНЕ на территории республики.

Однако региональный блок РНЕ не прекратил свою деятельность. Данная группа под руководством Мельниковой Е.С. проводила агитацию среди населения с целью привлечения новых сторонников путем расклеивания в общественных местах разных районов города Казани и распространения среди граждан листовок РНЕ «Пора» из г.Москвы, которые содержали призывы к возбуждению национальной розни, пропаганду исключительности, превосходства граждан по признаку их национальной

принадлежности, а также пропаганду и публичное демонстрирование нацистской символики. Целью данной группы являлось возбуждение ненависти, вражды и унижение человеческого достоинства на основе расовых, национальных и религиозных признаков с применением насилия. Организованная Мельниковой группа была устойчивой и сплоченной, со строгим подчинением руководителю группы. Данной группой использовались методы конспирации, при этом имелась общая преступная касса.

На основании собранных сотрудниками МВД по Республике Татарстан и УФСБ РФ по РТ материалов, Прокуратурой Республики было возбуждено уголовное дело в отношении членов татарстанского подразделения общероссийского движения «Русского национального единства» (РНЕ).

В ходе обысков у них были изъяты компоненты самодельного взрывного устройства, боеприпасы, экстремистская литература и другие предметы, свидетельствующие об их принадлежности к экстремистской деятельности.

По делу казанской группы членов РНЕ в судебном заседании было допрошено более 90 свидетелей, специалистов, экспертов и сотрудников органов внутренних дел. Изучены письменные источники доказательств, заключения судебных экспертиз, иные материалы дела, доказывающие виновность подсудимых.

Сотрудниками МВД по РТ в течение судебного процесса по РНЕ (с октября 2007г. по май 2008г.) была организована охрана судьи и основных свидетелей по делу. Несмотря на попытки оказания давления на свидетелей, большинство из них подтвердили данные в ходе следствия показания.

В мае 2008 года было закончено судебное разбирательство и вынесен приговор шести участникам организации «Русское национальное единство» (РНЕ).

Лидеры преступной группы участников РНЕ – Мельникова Е.С., Назаров Е.С. и Павлов А.А. были признаны судом виновными в создании экстремистской организации и последующем руководстве ею (ст.ст. обвинения 280, 282.1, 282.2 УК РФ). Также указанные лица признаны виновными в изготовлении и хранении самодельного взрывного устройства, хулиганстве и вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления (ст.ст. 222, 223 и 150 УК РФ). С учетом тяжести совершенных преступлений суд приговорил Мельникову Е.С. к 7 годам лишения свободы, Назарова Е.С. – к 6 годам и 6 месяцам

лишения свободы, Павлова А.А. – к 6 годам лишения свободы.

Трое других обвиняемых – Ухванисов О.В., Духович А.С. и Кислинский Л.П. признаны судом виновными в экстремистской деятельности (ст.ст. 280, 282.1, 282.2 УК РФ). Кроме того, Ухванисов О.В. признан виновным в изготовлении и хранении взрывчатых веществ, а Духович А.С. – в совершении хулиганских действий. С учетом тяжести совершенных преступлений суд приговорил Ухванисова О.В. к 3 годам и 6 месяцам лишения свободы, Духовича А.С. – к 1 году и 6 месяцам лишения свободы, Кислинского Л.П. – к 5 годам лишения свободы условно.

В результате проделанной МВД по РТ совместно с другими правоохранительными органами работы лидеры и активные члены РНЕ в Татарстане осуждены, оставшиеся на свободе фигуранты какой-либо противозаконной деятельности не ведут.

В 2005 году произошел раскол среди «скинхедов». В связи с тем, что в идеологию стали проникать идеи национал-социализма в противовес ультраправым воззрениям часть молодых людей стала пропагандировать левоэкстремистские и анархистские взгляды. Из неформального молодежного объединения «скинхеды» выделилось самостоятельное молодежное движение «антифа», которое выступало против национализма, расизма, антисемитизма, ксенофобии, шовинизма и всех существующих видов дискриминации.

Однако сегодня можно с уверенностью сказать, что «антифа» лишь прикрываются антифашистской идеологией, используя чувства россиян, ненавидящих на генетическом уровне фашизм, нацизм, их символику – свастику, приветствие «Зиг хайль», все то, что взяли на вооружение «скинхеды». По агрессивности они не уступают своим антиподам, лозунги у них порой звучат даже радикальнее: «Все, что не анархия – то фашизм», «Кто против нас – тот фашист»... Даже внешние различия неформалов незначительны и сводятся лишь к нерегулярному ношению некоторых атрибутов и символов для быстрого опознавания (вроде красных шнурков у «антифа»). Характерно, что немногие «борцы за идею» имеют хотя бы приблизительное представление о сути этой идеи и истории движения, к которому примыкают. Разница во взглядах – не более чем повод для внутренних

«разборок». Тактика простая: подкараулить противника и избить, используя численное или физическое превосходство.

Первая крупная стычка между казанскими «скинхедами» и «антифа», произошла в 2008 году в День защитника Отечества. 23 февраля в одном из кафе на улице Петербургской проходил музыкальный концерт панк-групп, приглашенных в Казань сторонниками «антифа». В разгар веселья кафе принялась штурмовать группа «фашистов» численностью около 30 человек.

Конфликт между неформалами получил продолжение в ноябре 2008 года. Около Торгово-развлекательного комплекса «Кольцо» произошла драка, в результате которой получили ножевые ранения сторонники неформального молодежного движения «скинхеды».

Сотрудниками МВД по РТ была установлена и доказана причастность к совершенному нападению участников движения «антифа» Валеева А.Э. и Терегулова Р.Р., которые совершили данное преступление по мотивам идеологической ненависти к неформальному молодежному объединению «скинхеды».

14 мая 2009 года Вахитовский районный суд г. Казани признал Терегулова Р.Р. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст.213, п. «б» ч.2 ст. 116 УК РФ (хулиганство и побои, совершенные по мотивам идеологической ненависти) и приговорил к 2,8 годам лишения свободы условно, с испытательным сроком 2 года, Валеева А.Э. виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «е» ч.2 ст. 111, ч.2 ст.213, п. «б» ч.2 ст.115 УК РФ (умышленное причинение тяжкого и легкого вреда здоровью, хулиганство, совершенные по мотивам идеологической ненависти) и приговорил к 4 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима.

В течение лета 2009 года конфликты между «скинхедами» и «антифа» носили локальный характер. Дважды – мае и июне

- «антифа» совершали хулиганские действия в отношении представителя НМО «скинхеда». После этих нападений произошла драка, спровоцированная «скинхедами»: 29 июня - в саду Эрмитаж были избиты три студента, которые не смогли ответить на вопрос «скинхедов» о своем отношении к неформальным движениям. В марте 2010 года Набережночелнинский суд вынес приговор по уголовному делу в отношении участника ижевского НМО «скинхеда», который в составе группы по приглашению челнинских «скинхедов» приехал на футбольный матч и для участия в драке со сторонниками «антифа», в ходе которой по мотивам идеологической ненависти совершил хулиганские действия и причинил легкий вред здоровью одному из членов «антифа».

Кроме того, в последнее время «скинхедами» совершаются преступления в отношении выходцев с Кавказа и Центрально-Азиатского региона, под лозунгом «Россия только для русских».

На сегодняшний день уже имеется два подобных факта. Первый был в октябре 2009 года в Набережных Челнах, когда нападению со стороны «скинхедов» подверглись студенты ИНЕКА, граждане Таджикистана. Второй - в феврале 2010 года в г.Казани, когда «скинхеда», также выкрикивая националистические лозунги, совершили нападение на уроженцев Таджикистана, торговцев с рынка. Лица, совершившие данные преступления, установлены. В настоящее время по первому уголовному делу четверым обвиняемым вынесен приговор, второе - рассматривается в суде.

Следует учитывать тот факт, что ситуация в молодежных объединениях крайне непостоянна. В силу своих возрастных особенностей их участники часто переходят из одного объединения в другое, создают новые националистические организации.

Так, в начале 2010 года в г.Казани была выявлена группа из числа сторонников движения «скинхеда», отличающаяся особой агрессивностью, стоящая на

идеологической основе движения «Спротивление».

Члены этой группы не использовали откровенно националистическую (профашистскую) риторику, тем не менее следовали установкам идеологии национал-социализма в преподнесении русского народа как суперэтноса (сверхнации).

В августе 2010 года Советский суд г.Казани вынес обвинительный приговор по уголовному делу в отношении лидера данной группы Д.М.Новикова, нигде не работающего, ранее судимого, и двух его поделщиков, которые в январе 2010 года с группой своих единомышленников совершил нападение на членов неформального молодежного движения «антифа». В результате от действий участников «Спротивления» пострадали два представителя «антифа», при этом одному из них был нанесен удар острым предметом в область живота, второй получил телесные повреждения.

Новиков был приговорен к 3 годам и 6 месяцам лишения свободы, с содержанием в колонии строгого режима, два других участника преступления получили условную меру наказания.

Молодежная среда является наиболее восприимчивой к радикальным идеям и в этом отношении всегда выступала и будет выступать крайне благоприятной «почвой» к культивированию идей экстремизма различной направленности. Поэтому сегодня проблеме молодежного экстремизма уделяется внимание со стороны всех министерств и ведомств, по роду своей деятельности связанных с молодежью.

За совершение противоправных действий представители неформальных молодежных объединений привлекаются к уголовной и административной ответственности. Однако задача правоохранительных органов заключается не только в том, чтобы отправлять радикально настроенную молодежь на скамью подсудимых.

Необходимо предотвращать преступления еще до их совершения, т.е. проводить профилактические мероприятия.

Одной из положительно зарекомендовавших себя форм специальной профилактики молодежных экстремистских проявлений в РТ является такая форма воздействия, как прокурорское предостережение «О недопустимости экстремистской деятельности», которая выносится при наличии достаточных и предварительно подтвержденных сведений о готовящихся противоправных действиях, содержащих признаки экстремистской деятельности, и при отсутствии оснований для привлечения к уголовной ответственности. Всего за 2009 год вынесено 8 прокурорских предостережений: 3 участникам НМО «антифа» и 5 – сторонникам движения «скинхеды». В 2010 году - еще 22 предостережения «скинхедам» и 1 – «антифа». В целях получения упреждающей информации о готовящихся правонарушениях, выявления фактов распространения агитационных материалов экстремистского содержания сотрудниками ЦПЭ постоянно проводится мониторинг открытых каналов связи, в том числе сети Интернет. Так, в мае 2009 года на Интернет-портале «vkontakte.ru» появились видеофайлы с «говорящими» названиями «Гонки СС на танковом полигоне», «День памяти Рудольфа Гесса», «Спецподготовка Славянского

Союза», «Братья кавказцы» и др. Когда при помощи специалистов был установлен адрес неизвестного пользователя, оказалось, что разжигатель ненависти – 13-летний школьник. В возбуждении уголовного дела в отношении подростка было отказано, потому что на момент совершения преступления молодой человек не достиг совершеннолетнего возраста. За злостное невыполнение своих обязанностей по воспитанию сына была привлечена к административной ответственности мать подростка. Подросток поставлен на учет в ПДН.

В 2010 году был выявлен 16-летний участник неформального молодежного объединения «скинхеды», который в сети Интернет создал сайт и разместил на нем ссылки для скачивания книг: «Поваренная книга анархиста», «Бомба из хозмага» и «Азбука домашнего терроризма», которые решением суда признаны экстремистскими и включены в федеральный список. Кроме того, на сайте были размещены нацистская и «скинхедовская» символики.

По данному факту прокурор г.Набережных Челнов вынес предостережение матери несовершеннолетнего экстремиста о привлечении к административной ответственности (ст.5.35 КоАП РФ) в случае ненадлежащего исполнения родителями обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Эти примеры иллюстрируют еще одну особенность работы с неформальными молодежными объединениями. Важно отметить, что в состав этих объединений входит не только студенческая молодежь, но и учащиеся школ и средне-специальных учреждений, то есть несовершеннолетние. Именно

несовершеннолетние подростки, ввиду невозможности привлечения их к уголовной ответственности, используются для организации беспорядков во время проведения массовых и публичных мероприятий.

С этой категорией молодежи особенно важна профилактическая работа, которая должна строиться с учетом возрастных особенностей несовершеннолетних.

В связи этим сотрудники МВД по РТ при поддержке Министерства образования и науки принимали участие: в 2009-2010 годах в ежегодных выездных конференциях работников образования республики; в конференции с психологами и завучами общеобразовательных учреждений на базе «Центра психолого-педагогической реабилитации и коррекции», где обсуждались вопросы организации профилактической работы в общеобразовательных учреждениях и учреждениях начального профессионального образования.

С целью недопущения проявлений экстремизма, ксенофобии и нетерпимости по признакам расы, национальности и вероисповедания введено в практику проведение «круглых столов» с участием представителей заинтересованных министерств и ведомств, религиозных конфессий, национальных культурных автономий, ректоров вузов и др., на которых обсуждаются вопросы противодействия проявлениям экстремизма.

Особое внимание уделяется работе непосредственно с представителями молодежных организаций, в том числе правоохранительной направленности. Проводятся рабочие встречи с руководителями Республиканского центра молодежных (студенческих) формирований по охране общественного порядка – «ФОРПОСТ», Молодежного объединения содействия правоохранительным органам – «МОСПО» представителями волонтерского движения, даны разъяснения об особенностях работы по линии противо-

действия экстремизму, в том числе молодежному.

Актуальность проблемы экстремизма в молодежной среде определяется не только его опасностью для общественного порядка, но и тем, что данное преступное явление имеет свойство перерастать в более серьезные преступления, такие, как терроризм, убийство, причинение тяжких телесных повреждений, массовые беспорядки

Поэтому одним из приоритетных направлений по противодействию экстремистской деятельности является ограждение неокрепших умов от экстремистских идей. От того, кто выиграет «битву за умы и сердца» подрастающего поколения, во многом зависит будущее нашей страны. Не последнюю роль в этом должны сыграть сотрудники органов внутренних дел.

И.С.Кирилова

старший преподаватель КЮИ МВД России

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ АДАПТАЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ В
НАУЧНОЙ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»**

26 ноября 2010 г. в Санкт-Петербурге состоялась научная конференция, приуроченная к юбилею профессора кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета МВД России Аристакова Юрия Михайловича, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации.

Профессор Юрий Михайлович Аристаков является одним из ученых, внесших достойный вклад в исследование и развитие теоретических и практических проблем гражданского и предпринимательского права, государственного регулирования экономики, формирования новых организационно-хозяйственных структур, экономико-правовых проблем предупреждения экономических правонарушений.

Конференция проходила в пресс-центре ФГУ «ГК Дворец конгрессов». В работе принимали участие представители Санкт-Петербургского университета МВД России (организаторы данной конференции), Казанского (Приволжского) федерального университета, Московского университета МВД России, Белорусского государственного университета, Тверского государственного университета, Курского государственного университета, Саратовской государственной академии права, Санкт-Петербургского государственного университета и других вузов России.

Работа конференции были определена двумя направлениями: проблемы адаптации изменений в сфере гражданского права и отдельные аспекты разрешения проблем в сфере частноправового регулирования гражданско-процессуальными средствами. В работе приняло участие около 100 человек. Были заслушаны и обсуждены около 20 докладов, в том числе и доклад старшего преподавателя кафедры ГрПД КЮИ МВД РФ И.С.Кириловой «Актуальные проблемы розничной купли-продажи».

Во время конференции была организована презентация юридической литературы, подготовленной профессорско-преподавательским составом кафедр Санкт-Петербургского университета МВД России.

И организация конференции, и качество представленных докладов получили высокую оценку со стороны участников.

Члены-участники конференции имели возможность посетить интересную экскурсию по Санкт-Петербургу, которую провел профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России доктор юридических наук, профессор Соболев Иван Абрамович.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Журнал издается раз в квартал, срок представления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде.
2. К статье должна быть приложена внешняя рецензия, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующего учреждения.
3. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания, издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:
 - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта);
 - заглавие публикуемого материала;
 - аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи;
 - примечания (сноски), оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.
4. Объем статьи – 10-15 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.
5. Технические требования:
 - текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, междустрочный интервал 1,5;
 - параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое -2,5см, левое – 1,5 см;
 - абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
 - сноски концевые.
6. Статья должна быть подписана автором. На статьях адъюнктов, аспирантов и соискателей должна стоять также подпись их научного руководителя.
7. Перед подписью автора и научного руководителя в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю».

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Кабириным Дмитрием Эрнстовичем (тел. (843) 2777-800, электронный адрес vestnikkui@mail.ru)